

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО № 44 ОКТЯБРЬ 1987
«ПРАВДА», МОСКВА

РАССКАЗ
НИКОЛАЯ ШМЕЛЕВА

СЛОВО
ВАЛЬТЕРА
УДАМА

ЮБИЛЕЙ
ИЛЬИ
ЧАВЧАВАДЗЕ

ЛУЧ ЖИЗНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

№ 44 (3145)

1923 года 31 ОКТЯБРЯ—7 НОЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Луч жизни, ВНИИ лазерной хирургии. (См. в номере материал «9:1 в пользу лазера, но...»)

Фото Льва Шерстеникова

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

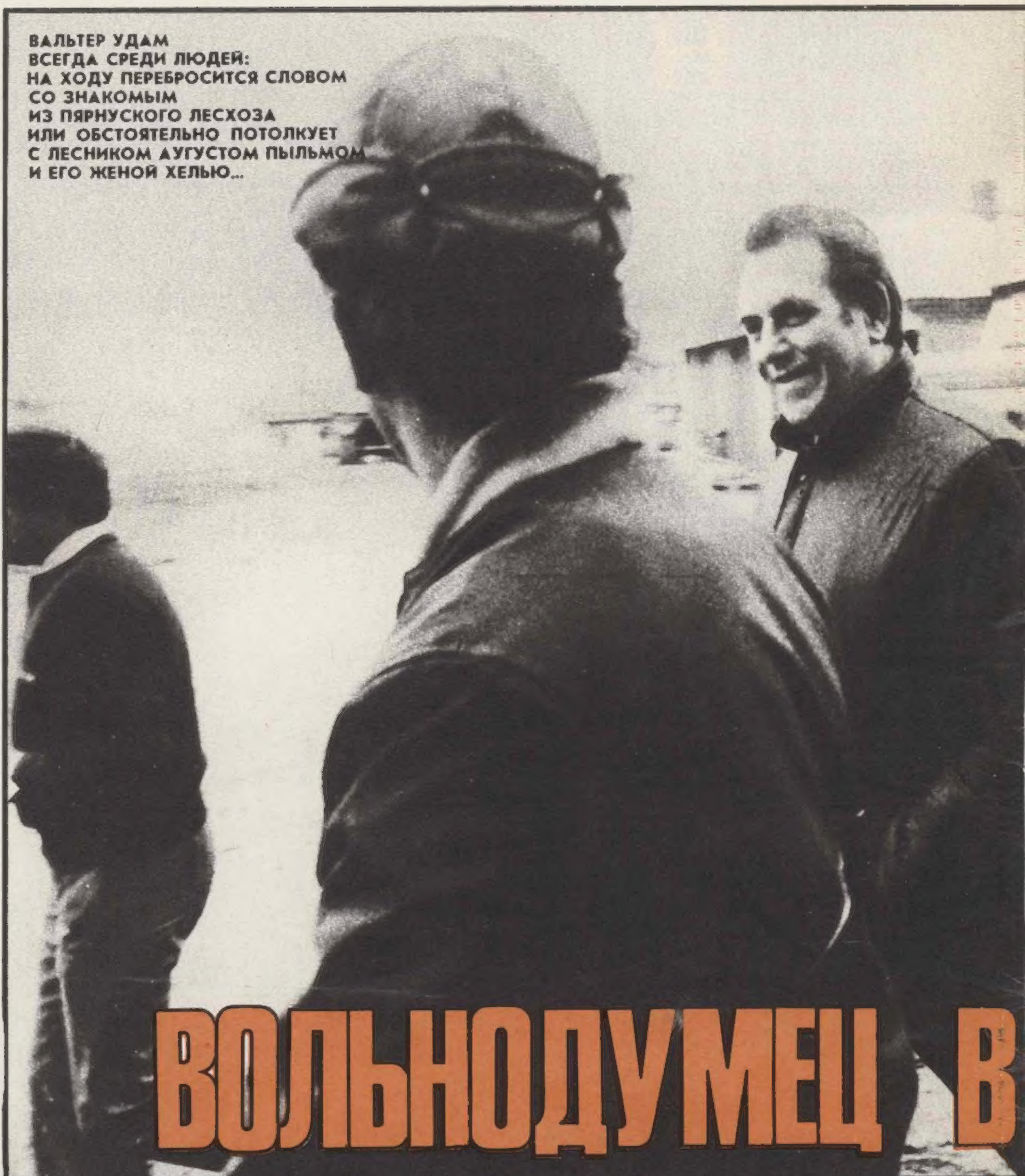
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 09.10.87. Подписано к печати 27.10.87. А 00448. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2695. Заказ № 1343.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВАЛЬТЕР УДАМ
ВСЕГДА СРЕДИ ЛЮДЕЙ:
НА ХОДУ ПЕРЕБРОСИТСЯ СЛОВОМ
СО ЗНАКОМЫМ
ИЗ ПЯРНУСКОГО ЛЕСХОЗА
ИЛИ ОБСТОЯТЕЛЬНО ПОТОЛКУЕТ
С ЛЕСНИКОМ АУГУСТОМ ПЫЛЬМОМ
И ЕГО ЖЕНОЙ ХЕЛЬЮ...

ВОЛЬНОДУМЕЦ В

АЛЬТЕРЬЯНЫЧ

Марк ГРИГОРЬЕВ,
Александр ГРАЩЕНКОВ (фото).

Так случилось, что мы беззаветно полюбили анкеты и характеристики. И очень теряемся в неформальной обстановке, когда приходится говорить просто по-человечески. Едем, например, в поезде, попутчик — интересный собеседник, воспитанный человек, да и знакомство мимолетное — через несколько часов конечная станция. И все равно допытываемся: где работает да кем?

Может, поэтому мы привыкли считать себя не по рангу добрых и злых, умных и не очень, бескорыстных и расчетливых, а по какому-нибудь ведомству: трактористов, учителей, милиционеров, писателей. Как-то забываем, что на вопрос: «Кто он?» существовали весьма убедительные ответы: «Порядочный человек, умнейший человек, добрейший человек...»

Теперь так ответить взбредет в голову разве какому-нибудь чудаку. Нормальный, среднестатистический

Коммунисты! Настойчиво и последовательно, по-большевистски проводите в жизнь курс XXVII съезда КПСС! Новыми успехами, реальными результатами в перестройке встретим XIX Всесоюзную партийную конференцию!

Из Призывов ЦК КПСС

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

гражданин непременно скажет: слесарь, врач, шофер, моряк, агроном... Как вариант, можно услышать несколько старомодное, но все еще широко употребляемое словечко «шишка». То есть по руководящему ведомству. Произносится это слово с различной интонацией — с почтением, благоговением, с завистью, с насмешкой... Интересно, что «шишка» имеет величину не абсолютную, а относительную. Какой-нибудь начальник, руководитель районного масштаба, приехав в областной центр, становится шишкой на ровном месте, теряет свои ореол и величие, попадает в ординарный разряд многочисленных провинциалов. Он покорно стоит в очереди, безропотно дожидается приема, первым снимает шляпу. И наоборот, безвестный чиновник из министерства, оказавшись в области, на глазах наливается сознанием собственной значимости, дает беспелляционные указания, принимает, как должное, подобострастное усердие.

Отсутствие непоказного уважения друг к другу — откуда оно? По боль-

шей части от нехватки самоуважения, от довольно редкого ныне качества ощущать себя личностью. А еще от пристрастия к хорошему согласию, от бездумно произносимого пионерского отзыва «всегда готовы!» до многозначительного взрослого «так надо».

Дефицит уважения испытывают сегодня и партийные работники. Обстановка расширяющейся гласности привела к обнародованию скрываемых до тех пор фактов зазнайства, пренебрежения общественными интересами, а то и хищений, мошенничества. Впрочем, скомпрометированными оказались те люди, которые сами компрометировали Дело. Однако употреблять прошедшее время рано: не исчезли уважающие должность, кланяющиеся большим «шишкам» и попирающие права так называемых маленьких людей. Бой продолжается. И ведут его в первую очередь те, кто, как говорится, не терял лица в самые трудные годы; те, кто не нуждается в перестройке сознания, привычек и методов рабо-

ты, потому что никогда не изменял своим убеждениям; кто жил по законам Правды даже вопреки обстоятельствам.

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Секретарю Пярнуского райкома партии В. Я. Удаму, как и его коллегам, положена машина. Ну, а если секретарь вернулся из отпуска на неделю раньше его окончания, а в это время к нему в район едут коллеги из Белоруссии, то можно ли их встречать на служебной машине? Ревизор из республиканского ЦК решила эту простенькую задачу без колебаний, сделав денежный начет на тов. Удаму В. Я. «за использование служебной машины во внеурочное время».

Казалось бы, незначительный случай, Вальтер Янович смеется, рассказывая об этом. Но в тот же день ситуация получает продолжение. Я присутствую на коротком аппаратном совещании. Слово предоставлено той самой женщине-ревизору.

РЕВИЗОР. Секретари партийных организаций, которым выплачена в течение года премия в размере шести окладов, не имеют права получать лечебное пособие...

УДАМ. Почему не имеют?

РЕВИЗОР. По положению.

УДАМ. А может, устарело положение? Премия в хозяйстве дается человеку за хорошую работу. Значит, того, кто хорошо работал и отмечен в колхозе премией, в ЦК наказывают. Если следовать этой логике, то можно поставить вопрос и так: тому, кто получает большую премию, снизить зарплату. Продолжим дальше. Квалифицированный рабочий имеет зарплату намного выше новичка. Давайте лишать премии первого и поощрять второго. Это справедливо?

РЕВИЗОР. Вальтер Янович, мои выводы соответствуют положению о премировании партийных работников...

После совещания Удам долго не может успокоиться.

Обложили инструкциями, как больного грелками. «Формально прав» — эти слова годятся для суда, а не для живой работы. Не может кто-то быть прав формально, если фактически не прав. Конечно, я мог бы поехать встречать гостей в Таллин на велосипеде — всего каких-нибудь 130 километров. В моем возрасте быстрее, чем за восемь часов, не доедешь. Ну, и кто бы от этого выиграл? Если считаешь первого секретаря способным запустить руку в партийную кассу, то как можно доверять ему району? Ого, уже половина седьмого! Засиделся-то как...

Признаться, я был немало удивлен. В первый раз встретился я с секретарем райкома, покидающим свой кабинет в столь ранний час. Удивление усилилось, когда, идя пустым коридором, я потихоньку пытался нажать ручки дверей с табличками. Никого! Лишь внизу одинокий дежурный вышел из своей комнаты, чтобы пожелать нам доброго пути и закрыть дверь.

Бесспорное преимущество маленького города — пешеходная досягаемость любой точки. Дом Удамы недалеко от райкома, и уже через несколько минут мы сидим на огромных пнях-скамейках посреди садовой лужайки. Трава аккуратно подстрижена, среди рассаженного по периметру кустарника возвышаются пирамидки серебристых елей. Непременное украшение эстонских дворов — огромные камни-валуны кажутся небрежно разбросанными могучей рукой умелого архитектора. Около дома — импровизированная сцена, где внучка Удамы Аве играет спектакль перед покорными куклами. Единственный живой зритель театра — черный терьер Кари громким лаем выражает свое одобрение.

Вальтер Янович рассказывает, как он таскал валуны, какого внимательного ухода требуют серебристые ели, но я слушаю в пол-уха: все не дают покоя пустые коридоры райкома и дружно ушедшие в шесть часов работники. Ах, вот в чем, наверное, дело: сегодня пятница, и Вальтер Янович отпустил райкомовцев по-

раньше, чтобы они могли, отдохнув, с утра приняться за работу.

— Я никого не отпускал, — не подтверждает Удам мои догадки. — Если в аппарате такие люди, которым надо постоянно напоминать об обязанностях, расписывать рабочий день по часам, «выгонять» в командировки, они нам просто не нужны. Я считаю, что умелый парторганизатор может так спланировать свое время, чтобы отдыхать в выходные. А если человек проработает субботу и воскресенье, то в понедельник на него смотреть тяжело: усталый, раздраженный, издерганный. Причем это его состояние передается окружающим — вот в чем главная беда...

— Но ведь бывает, — перебиваю я, — что именно в выходные...

— Конечно, бывают районные мероприятия, выпадающие на субботу или воскресенье. Эти исключения только подтверждают правило. И то такие случаи требуют присутствия конкретного работника, а не штурмовой деятельности всего райкома. Посмотрите, сколько по Союзу секретарей-инфарктников, особенно среди районщиков, поднимите истории болезни аппаратчиков — грустная история получится. Какая же это партийная работа — рвать жилы?

Удам пошел к дому, чтобы помочь внучке выяснить отношения с разбушевавшимся терьером, а я, сидя на пенке, переваривал услышанное. В самом деле, сейчас партийные кадры резко помолодели. У заведующих отделами, инструкторов — маленькие дети, молодые жены, многие работники аппарата учатся заочно в институтах, в аспирантуре. Легко представить, во что превращается их жизнь в условиях непрерывной рабочей недели: накапливают отрицательную энергию семейные конфликты, портится характер, теряются расположение и доброжелательность, без которых партийная работа человеку просто противопоказана. А «сам» продолжает сидеть дотемна, и все подчиненные не уходят — вдруг что понадобится. Уверен, в таких условиях у работников аппарата зреет подспудное раздражение и против «первого». О каких уж тут дружеских, товарищеских отношениях можно вести речь! А райком дееспособен, моему, лишь тогда, когда аппаратные работники ощущают себя товарищами по партии. У одного больший опыт и знания, у другого меньше, но чувство партийного товарищества должно обязательно присутствовать, иначе они превращаются в обыкновенных чиновников с иерархической подчиненностью.

О НАДСТРОЙКЕ И БАЗИСЕ

До Пярнуского района Удам был первым секретарем в Вильяндиском. В том самом Вильянди, где начинались районные агропромышленные объединения (РАПО), за что впоследствии Удам получил прозвище «Отец РАПО». Но об агропроме будет возможность поговорить немного позже, а сейчас я хочу рассказать курьезный на первый взгляд случай.

В то время в районе надо было быстрыми темпами развивать молочное производство. И вот первый секретарь Вальтер Удам, не молодой уже человек, записывается на курсы мастеров машинного доения. В одном из колхозов района он старательно изучает по вечерам теорию, приемы и методы работы с доильными аппаратами. При этом секретарь райкома поставил себе непростую задачу: знать наизусть технологию машинного доения, разбирать и собирать все механизмы с закрытыми глазами.

Очень скоро о профбучении секретаря узнали в Таллине. Коллеги из других районов донимали шуточками на всех совещаниях, а в республиканском ЦК утвердилось мнение: «Удам не партийный работник, а хозяйственник».

Вальтер Янович по-крестьянски терпеливо сносил шуточки. А в 1977 году во всем районе средний удой молока на корову перевалил за 4 тысячи килограммов. Выше средних по республике оказались и все остальные показатели сельскохозяйственного производства.

— Вы не подумайте, что я своим личным примером подвигал доярок на рекорды, — улыбается Вальтер Янович. — Просто, если я не ориентируюсь в хозяйственных делах, то плохо себя чувствую. Окончив курсы, я мог спокойно идти на скотный двор. Люди сразу чувствуют знание предмета и проникаются уважением не к должности, а к этому знанию. Видят, что перед ними не заезжий агитатор, а свой крестьянский парень. Я не сторонник панибратства, требовательность нужна. Но на партийной работе особенно опасно, когда руководитель теряет простоту, естественность, говорит на отвлеченные темы, произносит лозунги, надувается, как пузырь. Так и лопнуть недолго...

Именно в Вильянди Удам вместе с учеными отработывал модель РАПО. Сегодня районные агропромышленные объединения созданы по всей стране. Фасады учреждений украсились замечательными вывесками — от простейших стеклянных до солидных гранитных с золотыми буквами. Сегодня никто уже не путает РАПО и «райпо», созданы и функционируют республиканские агропромы и Госагропром СССР.

И если когда-то «Отец РАПО» Вальтер Удам рисковал партийным билетом, не отступаясь от выработанного курса на объединение в районе сельских производителей с перерабатывающими и обслуживающими предприятиями, то сегодня он грустно вздыхает, как дискредитируется идея РАПО, будучи растиражированной от Дальнего Востока до острова Сааремаа в Балтийском море. В чем же разница между Пярнуским РАПО и агропромышленными объединениями в других регионах страны? Почему у РАПО, с трудом пробиравшего себе дорогу, появилась масса активных противников, особенно в последние год-два?

— Дело в том, — объясняет Вальтер Янович, — что у нас в республике действует временное положение о РАПО. В соответствии с ним для каждого хозяйства установлен нормативный уровень взносов в централизованный фонд. Например, нормативный уровень низкий (плохие земли, невелики основные и оборотные фонды) — хозяйство платит 2 рубля за гектар. А там, где высоко, — 8 рублей. Прибыль колхоза не берется во внимание. Между тем я бывал в Белоруссии, на Украине, в Российской Федерации, там по-другому: имеешь побольше прибыли, плати больше в централизованный фонд. Кому такое понравится?

Выходит, старая проблема «выколачивания недоимок из крепких колхозов и совхозов», описанная Валентином Овечьим 35 лет назад, как была, так и осталась. Пярнуская система выравнивает условия хозяйствования, создает равные возможности, а типовая система РАПО узаконивает вредную для экономики филантропию. Так что Вальтер Янович называет распространение РАПО по стране «игрой в испорченный телефон» и имеет к тому веские основания.

...Ну, а как самому Удаму удалось последовательно вывести три района республики на самые передовые рубежи? Что это за феномен Удамы и можно ли его тиражировать? А если нет, то к чему этот очерк? Еще один рассказ о «леваше», об экономическом умельце, о выдающемся партийном вожаке?

Не претендуя на бесспорность своих умозаключений, попробую ответить на эти предполагаемые вопро-

сы. Итак, во-первых, Удам — личность. А сила личности в том и заключается, что вокруг нее существует мощное поле, дающее самостоятельное движение другим личностям. Во-вторых, Удам — хозяин. Не в том смысле, как иногда говорят о первом секретаре — «хозяин района». А в исконном, крестьянском: хозяин — тот, кто не насилует природу, видит пользу не только ближнюю, но и дальнюю, живет в ладу с окружающим миром, следуя естественным законам бытия. И, наконец, Удаму сопутствовала удача. По крайней мере трижды он мог если и не свернуть себе шею, то навсегда распрощаться с секретарским креслом. Об этом стоит рассказать подробнее.

...В период, когда Н. С. Хрущев загорелся идеей «кукурузного чуда», Удам работал первым секретарем Вильяндиского райкома партии. На местах — одни по некомпетентности, другие из карьеристских соображений — стали внедрять «чудодейственную» культуру опережающими темпами. В Эстонии были распаханы многие тысячи гектаров полевых трав. По директивным указаниям не разрешалось засеивать траву более пятнадцати процентов общей площади. В короткий срок скот оказался на голодном пайке, доходы колхозов и совхозов резко упали.

— В ту пору слово «антикукурузник», — вспоминает Вальтер Янович, — было ярлыком, клеймом непокорного. Как сейчас помню высокого уполномоченного, приехавшего выкручивать руки мне, молодому секретарю. Дело было в конце мая, а он требовал перепахать травы и сеять кукурузу. Авантюра! Я крутился так и сяк, но так и не посеял. И тогда на совещании в Таллине уполномоченный сказал, что Удам совершает не хозяйственную, а политическую ошибку.

— Вальтер Янович, как же вам удалось продолжаться?

— Повезло. А может, крестьянский характер выручил. Жизнь научила выдержке и терпению. Я иногда взрываюсь, а могу и потерпеть, промолчать, когда явные глупости слышу.

...В другой раз Удам чуть не стал жертвой неоперного внимания, которое проявил к Вильяндискому и Пярнускому районам помощник Л. И. Брежнева по сельским вопросам Виктор Андреевич Голиков. Филолог по образованию, любитель охоты и прибалтийской природы, он часто наезжал в Эстонию. И добро бы просто охотился и вел приятные разговоры. Так нет же, Голиков начал склонять Вальтера Яновича к созданию по примеру Молдавии так называемых объединений по механизации. Это когда все тракторы, комбайны и другие машины собраны в огромную МТС в райцентре, а хозяйства пользуются техникой по заказам. «Давай, — говорит, — Вальтер Янович, ты такой энергичный человек, внедряй у себя молдавский опыт».

И снова Удама выручила крестьянская выдержка. Поехал он в Молдавию, убедился, что тягивают в очередную авантюру. Председатели колхозов с глазу на глаз открывничали с эстонским секретарем: «Ерунда на постном масле. Машины, комбайны сдали в объединение, а сейчас потихоньку новые покупаем...»

И опять Вальтер Янович на баррикады не лез. Голиков не забывает, звонит, торопит. А Удам все за опытом людей в Молдавию посылает: председателя РАПО, главных специалистов. Так и дотянул до перемен в Центральном Комитете.

— Да что тревожить тени ушедших, — рассказав мне эти истории, замечает Вальтер Янович. — Обратимся к нашим дням и увидим, что Агропром Союза иногда действует теми же методами дирижирования с единого пульта. И не раз от Тихого океана до Балтики поступают единые команды из Москвы, не учитывающие ни природных, ни социальных различий, ни сложившихся веками традиций...

Может, преувеличивает вольнодумец Вальтер Янович? Горячится, изменяя своей крестьянской выдержке? Утрирует? Но тогда откуда почерпнул Удам материал для своей новой пьесы «Играем в перестройку»?

Тут следует сообщить читателю, что Вальтер Удам не новичок в драматургии. Его пьесы «Сон председателя» и «В курортном городе» с успехом шли на сцене Пярнуского театра. А спектакль «Ответственность» стал в таллинском Русском драматическом театре гвоздем сезона 1985 года. После чего драматургические увлечения секретаря райкома получили своеобразные критические отзывы в многочисленных анонимных письмах, отправленных в Москву. Ничего

ДЕНЬ
НАЧАЛСЯ
БЕСЕДОЙ С ДИРЕКТОРОМ
СЕВЕРНОЙ ЭЛЕКТРОСЕТИ
АЛЕКСАНДРОМ
МОЛТСАРОМ.

удивительного, пьесы Вальтера Удама остро публицистичны, а герои взяты «горяченькими» из окружающей жизни. Поэтому многие руководители республики легко узнавали на сцене себя.

— Реакция была такой бурной, — говорит Вальтер Янович, — что я опять ждал грозы. И снова мне повезло. Позвонил один ответственный товарищ из республиканского ЦК и сказал мне, чтоб я не волновался, мол, пьеса как раз на злобу дня. Правда, звонок этот был уже после апрельского (1985 года) Пленума, — с улыбкой заканчивает Удам.

Так о чем же новая пьеса? В центре действия — секретарь республиканского ЦК Юло Калепп. В застойные времена он, будучи секретарем райкома, набил немало шишек, борясь с ретроgrадами, формалистами и чинушами. Волна перестройки подняла Калеппа на одну из самых высоких ступенек руководства. И вот снова он наталкивается на монолитную стенку, составленную из тех самых людей, которые прежде вставляли ему палки в колеса. Эти люди слегка «перетасованы», поднахватились новых словечек, постоянно толкуют о демократизации и перестройке, но точно так же служат не Делу, а себе...

Я дочитал рукопись пьесы до конца и обнаружил, что как раз концовки-то и нет. Пошел к Удаму.

— Вальтер Янович, вы говорили, что закончили пьесу...

— Закончил.

— Какова же судьба главного героя?

— Его снимают. Точнее, освобождают от обязанностей.

— Странная все-таки формулировка. По-моему, человека нельзя освободить от обязанностей...

— Режиссер тоже сказал, что нельзя. И попросил перенести действие в какую-нибудь область России. Он говорит, что секретаря обкома освободить можно.

— Мрачные у вас шутки, Вальтер Янович. И пьеса ваша мрачновата.

— Зато я пишу более оптимистическую повесть. Если перевести на русский, то она будет называться «Обгоняя жизнь». Там у меня один герой попадает в тюрьму...

— Он преступник?

— Нет, преступны условия, в которых он работает. То есть если бы он, как говорят, не высывался, то, может, ничего бы и не случилось. Но такой уж у него характер: не может человек топтаться на месте, ехать по чужой колее. Это председатель колхоза, эстонец, но основной упор я делаю не на национальный характер, а на тип человека, обгоняющего жизнь. Таких, наверное, был директор совхоза из казахского поселка Акчи Иван Никифорович Худенко. Правда, у моего героя более счастливая судьба: после суда он попадает в тюрьму, но скоро дело пересматривается, и его освобождают.

Вот такой разговор был у меня с Вальтером Яновичем перед самым отъездом из Эстонии. И теперь остается только сказать

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
РАЗГОВОР С АКТРИСОЙ
ЛАЙНОЙ МЯГИ.

СЛОВО ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

Если бы я не прочел последней пьесы Вальтера Удама, то, наверное, писал бы этот очерк иначе и, уж, конечно, не удержался бы от кое-каких цифр и важных вех в жизни первого секретаря. Была заготовлена подобающая цитата, взятая из предисловия к одной из экономических брошюр Удама; предисловие написал президент ВАСХНИЛ, академик А. А. Никонов: «Вальтер Янович Удам — партийный работник. Вместе с тем он же экономист-ученый, писатель-драматург. Это редкое и счастливое сочетание позволяет ему смотреть далеко вперед, находить правильные решения и организовывать их реализацию». Хотелось подробно рассказать, когда и за что Вальтеру Яновичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда, кто выдвигал его в депутаты Верховного Совета Эстонской ССР. И о том, что Удам уже прошел предварительную защиту кандидатской диссертации. И как совсем юный Вальтер защищал в годы войны Родину в составе Эстонского стрелкового корпуса Советской Армии...

И, видимо, ничего бы в изложении этих сведений не было зазорного и конъюнктурного. Но вдруг показалось, что в сообщении анкетных данных всегда есть что-то похожее на

выдачу костылей. Так нерадивый хозяин городит подпорки под косо поставленный дом. Между тем Вальтер Удам стоял на земле весьма прочно и самостоятельно.

Теперь остается только объяснить читателям, почему предыдущая глава этого очерка называется «О надстройке и базисе», и рассказать историю про перочинный ножик. Итак, по порядку. Когда мы были с Вальтером Яновичем в колхозе «Халинга», его окружила группа колхозников. Несмотря на всегдашнюю сдержанность эстонцев, можно было с уверенностью предположить, что люди возбуждены и ждут от секретаря ответа на какой-то очень важный вопрос. На обратном пути в город Удам был озабочен и молчалив. Наконец он заговорил:

— Двадцать третьего августа один молодой рабочий из нашего города был на демонстрации в Таллине. И даже выступил там. Но политические заблуждения одного человека в районе погоды не делают. А вот сегодня ко мне подходили не мальчишки, а солидные крестьяне, те, кто своими мозолями доказал верность социализму. «Как же это получается, — говорят, — район продает государству мяса и молока все больше и больше, а в наших магазинах его становится все меньше и меньше?»

Вот я и подумал: не слишком ли легкомысленно хулиганские выходки с политическим душком списывать на происки «Голоса Америки»? Не худо бы иногда повнимательней посмотреть, какой вред мы сами себе наносим неумелым хозяйствованием, косным управлением, как душат нас рутина и бюрократия. Забываем о том, что политика — концентрированное выражение экономики...

Так вот, история перочинного ножика, который отец однажды подарил маленькому Вальтеру. Ножик был складной, с костяным корпусом и очень дорогой для скромных доходов отца. Вальтер дорожил подарком и носил его в школу в специальном застегивающемся футляре. Как-то раз мальчишки в школе заспорили, и у Вальтера не оказалось иного залога, кроме ножа. Спор он проиграл, домой пришел в слезах. К удивлению мальчишки, отец похвалил его: «Молодец! Ножик — дело наживное. Честное слово — самое дорогое у человека».

С тех пор минуло полвека, а Вальтер Янович постоянно вспоминает отцовские слова. Отчего так полегчало слово? Подешевело, а то и вовсе обесценилось. Не верим слову хозяйственника, секретаря райкома, множим и множим бумаги, а потом тонем в них. У себя в районе, особенно в РАПО, Вальтер Янович упорно насаждает безбумажные отношения. Но как быть с внешней лавиной бумаг? Уповать на компьютер? Но даже умной машине не под силу воспитать в человеке достоинство и честь.

Часто слышишь: нам нужны думающие рабочие, думающие руководители. На самом деле, думающих не так уж мало. Но не слишком ли часто думающие и жаждущие перемен мыслят искоренение недостатков только в глобальном масштабе? Никогда не ниже государственных реформ, законодательных положений всесоюзного ранга — революционных и всеобъемлющих. Сойдись за чашкой чая, в курилке или на семейном застолье, мы искренне негодуем: «Это надо менять! Такое-то положение устарело... Вот если бы... Тогда бы мы, конечно...»

Вальтер Удам — практик перестройки. Он пробует — и появляются реформы, предлагает — и закладывается первый камень в фундамент нового закона. Терпит неудачу — и снова собирает силы с крестьянским упорством. Слушая скептиков, соглашаясь с ними порой, он продолжает работать и жить, подчиняя себе обстоятельства. Как и положено человеку.

Эстонская ССР.
Пярнуский район

Я председатель кооператива по изготовлению мебели. Бьемся над созданием своего детища несколько месяцев, на днях должны зарегистрироваться в исполкоме. Это все устроится.

Но вот что тревожит. Почему мы, кооператоры, должны заниматься своей деятельностью в «свободное от работы время»? Мы будем выпускать мебель, столь необходимую жителям нашего города, но кому нужно, чтобы я еще трудился на «основной» работе? Основная работа та, что дает основной заработок, не так ли? А зарабатывать надо много: ведь требуется отработать ссуду, оплачивать недешевую аренду помещения, приобрести оборудование и материалы, совершенствовать технологию. Лично я, к примеру, должен непосредственно делать мебель, заниматься вопросами снабжения (командировки и т. д.), реализации, учета... А с 17 до 21 часа еще должен работать почтальоном!

У меня трехлетняя дочь, жены нет. Когда я смогу заниматься ребенком? Или спихнуть в «круглосуток»? Или приучать к работе почтальона? Мои друзья женаты, у них по одному, по двое детей, но их жены не очень будут рады, если мужья станут дома только спать, ни на что другое не хватит ни времени, ни сил. Да и государству это вряд ли нужно. Тогда кому?

Я хочу заниматься любимым делом, хочу воспитывать свою дочь, ходить в кино, театр, читать книги, жениться в конце концов! Кооператив плюс «основная» работа — это 12—14 часов рабочего времени в сутки. Мне остается найти фиктивную «основную» работу... Впрочем, знаю, что не везде требуют эту формальность, все зависит от здравомыслия (кое-кто считает — легкомыслия) властей.

Иван БОТОВ, 28 лет
Череповец.

Поразительные открытия сделали писатели Ю. Сергеев и А. Буйлов за «круглым столом» газеты «Книжное обозрение» (№ 40 от 2 октября 1987 года). «Возьмите,— просит Ю. Сергеев,— героя шведской писательницы Астрид Линдгрен — Карлсона. Дети буквально влюблены в него. Но чему может научить этот герой? Он ведь ничего не делает. Этот герой может научить разве что тунеядству». «...у нас во многих книгах,— вторит ему А. Буйлов,— четко прослеживаются идеи космополитизма. Как часто мы встречаем героев без роду и племени. Вспомните хотя бы Чебурашку».

Контекст не оставляет сомнений: писателям не до шуток.

Мы и раньше знали Ю. Сергеева как «борца»: то с рок-музыкой, то с Б. Пастернаком, то с В. Высоцким (вспомним хотя бы его выступление на последнем съезде писателей). Теперь он принялся за Карлсона. Кто следующий? Незнайка? Набоков? Крокодил Гена? Алла Пугачева?

Какую же альтернативу этим отрицательным явлениям хочет противопоставить Ю. Сергеев? Конечно же,

собственное творчество. Сейчас он пишет роман «Становой хребет», в котором хочет (тот же номер «КО») «художественно дать читателю надежду на то, что у нас еще до христианства была величайшая культура». Индивидуальный стиль литератора, его язык — далеко не все ожидаемые достоинства сочинения. «У меня,— скромничает автор,— есть интересные гипотезы, которые постараюсь изложить на страницах романа».

Без конца говоря об истории и о необходимости ее помнить, некоторые писатели почему-то забывают: чтобы отвергать Шекспира, нужно быть Львом Толстым и написать «Войну и мир» и «Анну Каренину». А вот чтобы ниспровергать Карлсона — нужно ли писать «Становой хребет»?

Сергей ВАСИЛЬЕВ
Ленинград.

Огромное спасибо за статью Анатолия Рубинова «И никаких проблем» в № 36 «Огонька».

Все мы знаем, что наш «среднестатистический гражданин» занимает не высшее место в иерархии уровней материально-продуктового благосостояния развитых и ряда развивающихся стран. Раз часть нашего населения обеспечивается на очень высоком уровне, гораздо выше «среднестатистического», то соответственно оставшаяся часть населения неизбежно должна находиться ниже «среднестатистического», так как общая сумма благ одна на всех. «Среднестатистического гражданина» не существует в реальности, он лишь цифровая модель. Реальные же потребители — это те, кто живет выше и ниже среднестатистической ватерлинии. Административно-бюрократическая прослойка представляет собой значительную социальную силу, со своими корпоративными интересами, со своей тактикой и даже идеологией. Она не существует в виде юридически узаконенной организации, но она тем не менее реальна. Именно на ее достаточно мощное сопротивление наталкивается перестройка сегодня. И преуменьшать возможность этой силы (это было бы в третий раз в нашей истории) явится непростительной для нашего общества ошибкой. Если мы в очередной раз пойдем по пути благодушно-строгих оговорок типа «некоторые товарищи не в полной мере осознали...», то наше революционное движение захлебнется в очередной раз.

Е. ЗЕМЕЛЬ,
преподаватель философии,
кандидат философских наук
Рига.

Прочитала интервью с министром высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодиным. Исключительно интересные и своевременные вопросы были заданы министру.

Но вот некоторые ответы Геннадия Алексеевича мне показались не совсем четкими.

Например: «Почему в справочниках для поступающих в высшие учебные заведения СССР не указан Москов-

ский государственный институт международных отношений?»

Слова министра прозвучали в духе прежних лет: «Это связано с тем, что там особые условия приема... Какие такие особые условия приема, которые невозможно опубликовать в справочнике для поступающих?»

И в этом вопросе должна быть полная ясность и прежде всего гласность.

А. БЕЛОВА,
инженер-патентовед
Ленинград.

Авторы статьи «Черный рынок: люди, вещи, факты» досадуют, что со временные мэнэзсы, инженеры, а также «интеллигентные пенсионеры» не желают «в лучших традициях российской интеллигенции жить скромно, но честно и этим гордиться». Это нежелание, дескать, выражается в случаях посредничества при перепродаже дефицита.

Сам по себе факт посредничества восторга не вызывает, но возникает вопрос: как понимают авторы гордость по поводу жизни скромной, но честной? Должен ли человек гордиться тем, что он не спекулирует? Или, например, добытой в томительной очереди, плохого качества вареной колбасой? Или получасовым ожиданием на улице с мусорным ведром в руках, пока придет специальный автомобиль, куда этот мусор можно высыпать? Если так, то открываются широкие перспективы для гордости! А как представляют себе авторы статьи гордость мэнэзса или инженера своим униженным положением перед продавцом, сантехником, приемщиком? Насколько возвышает мэнэзса тот факт, что ему без сантехника бывает плохо, а сантехнику без него очень хорошо?

Я отнюдь не призываю включить спекуляцию в разряд высокоморальных действий. Я о другом: не надо смешивать экономические и нравственные проблемы. Совершенно бесполезно морализирование перед людьми взрослыми и, следовательно, накопившими определенный жизненный опыт.

А. СЛЕПАКОВ
Ростов-на-Дону.

В иностранных лексиконах появилось новое слово: glasnost! Что ж, прекрасно. Но посмотрим, что изменилось, например, в Публичной библиотеке в Ленинграде теперь, когда стихи и проза Набокова, Гумилева появились в печати, когда два журнала сразу анонсируют роман Замятина «Мы» и т. д., и т. п.

Подую заказ на сборник стихов В. Набокова «Гроздь» (Берлин, 1923). Ответ: в библиотеке имеется, но «Выдается по специальному разрешению», о чем сообщает солидный штамп. «Стихи» З. Гиппиус, изданные в Берлине в 1921 году, тоже есть, но тоже не выдаются. Невиннейшая «Эмигрантская поэма» Л. Гомолицкого (Варшава, 1936) и сборник стихов харбинца Валерия Перелешина «В пути» (Париж—Харбин, 1937) опять же

могут повредить советскому читателю конца 80-х. Эмигранты страшны, даже идиллическая проза Б. Зайцева «Италия» (Петербург—Берлин, 1923) и книга М. Осоргина «Из маленького домика» (Рига, 1921) под запретом.

«Знание — сила» и «Знамя» могут себе позволить печатать роман «Мы», в Воронеже и Москве могут выходить книги Замятина. А вот в ГПБ имени Салтыкова-Щедрина скроют эту книгу от глаз подальше. И это не когда-нибудь в доисторическую эру застоя — это летом сего года! В августе я сделал попытку заказать книгу В. Шульгина «Три столицы» 1927 года — все-таки в Москве издавались спокойно и его монархические «Дни», и белогвардейский «1920 год», а позже, в 60-е годы, другие произведения. В августе 87-го отказ... Бессмысленно разбираться в истоках антисемитизма «Памяти», не попытавшись прочесть книгу С. Нилуса 1911 года. Дореволюционные книги до сих пор страшат библиотекарей. Можно ли удивляться дремучему невежеству обывателей вроде персонажей беловского романа «Все впереди», если они питаются исключительно слухами? Источники же понадежнее — книги, а тем паче архивные документы — скрыты во тьме.

Что уж говорить о литературе «темных» 30—50-х годов! Эпоху «темного» средневековья мы знаем лучше. Кстати, на «Теорию судебных доказательств в советском праве» и на «Вопросы теории государства и права» Вышинского также были получены отказы.

Один только вопрос к администрации одной из лучших наших библиотек: чем же вы надеетесь внести свою лепту в перестройку? Уж не добиваетесь ли вы того, чтобы иностранные словари пополнились еще одним термином — litsemerie?

М. КОСТОЛОМОВ
Село Большое поле
Ленинградской области.

У нас на Урале прекрасный картофель и в достатке его. И тем не менее нам его суют в нагрузку. Если хочешь купить фруктов, тебе доложат и картофеля пару пакетов. А ведь каждый из них стоит по 25 копеек. Самое главное, что никто пакетов все равно не берет, они остаются на прилавках для следующего покупателя, а от следующего — следующему... Лишь продавец довольно улыбается.

Господи, в такой богатой стране, как наша, выдумали какие-то нагрузки. А если не уплатишь за картофель, то и ягод не получишь. Разве это правильно? Почему бы этот картофель не увезти на Север или еще куда, где нуждаются в нем?

ПЕТРОВСКИЙ, пенсионер
Свердловск.

Письмо это пишу вроде бы с опозданием, но в то же время полагаю, что тема не устарела, более того, сегодня она важна чрезвычайно. Имею в виду статью Василия Рослякова («Литературная Россия», 28 августа 1987 года) и то, что ни «изобличенный в политической ущербности»

Сергей Залыгин, ни Андрей Вознесенский, которого Росляков самым недостойным образом пытался задеть и унижить, не сочли приличным вступить в дискуссию того уровня, что был им предложен. Или вправду можно было предположить, что Сергей Залыгин, к примеру, напишет: «В. Росляков плохой писатель, и он сводит со мной личные счеты под видом гласности и демократии»? Так ведь, по предсказанию самого Рослякова, ему должны были ответить.

Защищать Залыгина и Вознесенского было бы для меня приступом мании величия. Однако же я профессиональный российский читатель и собиратель книг, тем более творимых, созданных в дни моей жизни. Проза «старого» «Нового мира» с циклом сибирских залыгинских повествований для нас, недавних целинников-алтайцев, стала школой независимости человека, «демократии в пимах». Этими книгами в очень большой степени создан я сам, создана моя семья, эти тома и борьба за них странным образом сравнивали в нашем маленьком социуме два поколения: для моего сына в конце 60-х годов каждая новая строфа Вознесенского, каждое упоминание его имени были событием. Клевета по отношению к этим людям оскорбительна не только для них. Тем более выражаю презрение к доносчику, даже «гласному», считаю для литератора низостью политическое фискальство. Тем более считаю необходимым защитить честь товарищей по литературе.

Главное в статье «Ревани?» — не судьба Владимира Набокова и не парик балерины Анны Павловой, не ностальгия «беглых» (так изящно называет В. Росляков возвращенных русской литературе поэтов и писателей), это все фон, дивертимент; главное — притянуть как минимум двух известных современных писателей, прозаика и поэта, к рентгену на предмет: «здоровое у тебя мышление или оно подорвано где-нибудь на трудных исторических поворотах. Может, ты подорвался на раскулачивании близких тебе людей, отца, например, или дяди и так далее... Может, социальное и историческое мышление подорвалось у тебя на всем периоде культа личности».

Целиком согласен я с Василием Росляковым в одном: примазываться к чьей бы то ни было известности, популярности — недостойное занятие. Поэтому не сую голову в ореол, вдруг окруживший В. Рослякова с выходом статьи «Ревани?», не придаю этой акции большего значения, чем она заслуживает. Все минется, одна правда останется.

Но чтобы впредь подходить к шкафу с любимыми книгами без спазма стыда в сердце, я должен был написать эти страницы.

Р. С. Кстати, отца Гумилева, с которым «наперебой спешат с публикациями», звали не Семеном, а Степаном. По-видимому, в полемическом запале В. Росляков об этом запмятовал.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

Подумала ли редакция журнала «Огонек», публикуя записки И. Эренбурга, что на волю вылетает джинн, пишущий жаром ненависти ко всему советскому, изрыгающий антисталин-

щину — то есть равнозначный антисоветизму, антикоммунизму!

Если тщательно разобраться в записках Эренбурга, то мы обнаружим много надуманного, мягко говоря, субъективного, необоснованного. Сталин представлен Эренбургом злым гением, вампиром, который уничтожал людей ни за что ни про что. Эренбург намекает, что Мейерхольд, которого он очень любил, был убит по приказу Сталина. Спрашивается, за какие такие грехи Сталин приказал убить Мейерхольда?

Говоря о венгерских событиях, Эренбург делает вывод: «Для меня было ясно, что в Венгрии, как в Польше, накопилось много недовольства: пришлось платить по счетам сталинской эпохи». К сожалению, очевидно, и редакция журнала придерживается той же позиции. Иначе она не напечатала бы «повесть» Эренбурга. А если и напечатала бы, то со своими комментариями. Она не подвергла написанное Эренбургом анализу, критическому рассмотрению, проявила отсутствие бдительности и классово-пролетарской чуткости. Редакция не дошла до постановки такого вопроса: а не повинно ли во всех трагических событиях «разоблачение культа личности Сталина»? Ведь сразу же после XX съезда КПСС всколыхнулась вся реакционная нечисть, поддержанная и подстрекаемая империалистическими державами.

Вот при Сталине действительно была гласность в выражении своих мнений, если эти мнения, как мы тогда говорили, не несли с собою контрреволюции.

«Огонек» в № 27 опубликовал хвалебные отзывы, душтревожащие дифирамбы в адрес А. Рыбакова и романа «Дети Арбата» от наших известных писателей, поэтов, артистов — одним словом, представителей аристократической творческой интеллигенции. Надо полагать, что за такую рекламу Рыбаков в долгу не останется. Банкеты по случаю выхода в свет его романа не только у нас, но и за рубежом (как сообщил «Голос Америки», в США и Англии уже приступили к печатанию)... Да! Этот роман с восторгом принят империалистической пропагандой. В публикации этого романа, который 20 лет пылится в шкафу у автора, она, вражья пропаганда, видит широкую демократизацию, которую с успехом использует в своих целях.

В заключение желаю редакции журнала «Огонек» взять правильный курс в своей творческой деятельности с тем, чтобы разные там «голоса» не хвалили бы выступления журнала, а бранили на чем свет стоит. А для этого необходимо ориентироваться не на аристократическую творческую интеллигенцию, а на действительно нашу подлинную советскую интеллигенцию, на нашу народную интеллигенцию. Тех, кто подписал хвалебный «адрес» Рыбакову, нельзя допускать до средств массовой информации. Таким же интеллигентам, как Окуджава, Евтушенко, и другим место в Сибири. Будем надеяться, что «Огонек» изменит свою тематику в сторону объективной оценки прошлого и нашей героической истории, истории борьбы нашего народа за светлое будущее.

С. Д. ШЕПЕЛЕВ
Московская область,
Раменский район.

Часто бывает так: выходит заслуживающая внимания книга в свет, ждет автор общественной рецензии, откликов, оценок и никак не дожидается. Это, так сказать, обыкновенная история. Со мной же приключилась история необыкновенная: одиннадцатый номер журнала «Юность» с моей повестью «Сто дней до приказа» еще не вышел, а реакции уже хоть отбавляй.

Стоило газете «Московский комсомолец» опубликовать небольшой фрагмент повести, как «Красная звезда» ответила обширным материалом «По своим артиллерия бьет». А журнал «Агитатор армии и флота», перепечатав фрагмент фрагмента, снабдил его комментарием под названием «А в жизни как?». И вот совсем недавно, 25 октября, по центральному телевидению в передаче «Служу Советскому Союзу» было высказано мнение, что моя повесть «Сто дней до приказа» мешает перестройке в армии.

В чем же дело? В повести, в частности, затронута проблема «дедовщины», неуставных отношений, по моему глубокому убеждению, наносящих серьезный ущерб воспитательной — и не только воспитательной — работе в армии. Правда, есть и другая точка зрения: «дедовщина» — явление частное, нетипичное, умирающее». Именно в таком духе возражал мне на XX съезде ВЛКСМ Герой Советского Союза И. Чмуров. В таком духе написаны материалы, названные выше. Итак, повесть не прочитана, но уже осуждена.

К сожалению, у нас большой опыт единодушного осуждения произведений, не прочитанных и даже не изданных. А сколько «проработок» заканчивалось тем, что автора реабилитировали (иногда даже прижизненно), а гонителей строго наказывали персональными пенсиями всесоюзного значения... По-моему, участь демократии, прежде всего нужно учиться терпимости.

«Сто дней до приказа» долго пробивались к читателю. В очередной раз вернув мне рукопись, армейские политработники призывали меня написать об армии такую правду, которая бы вдохновляла и звала вперед. Но нет правды мобилизующей, равно как нет правды очерняющей. Есть просто правда, и объясняющие эпитеты к ней не нужны. А вот если правда заставляет закручиниться и задуматься, то разве же писатель в этом виноват?

...Перечитав написанное, я подумал: не сгущают ли краски? Знаете, творческие работники — люди мнительные. Может быть, появление преждевременных откликов на неопубликованную повесть связано с тем, что отвечающие за состояние политико-воспитательной работы в армии просто заждались, когда литература, наконец, обратится к реальной жизни сегодняшней казармы? Можно понять их нетерпение, их желание завести поскорей разговор на волнующую тему. Мне их нетерпение тем более понятно, что именно они в течение шести лет, мягко говоря, не способствовали выходу повести в свет.

Юрий ПОЛЯКОВ,
лауреат премии Ленинского
комсомола

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

РЕПЛИКА

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ

Москву недавно покинула группа американской телевизионной компании Эй-би-си, снимавшая для популярной в США передачи «С добрым утром, Америка» документальный фильм о Советском Союзе. В состав группы в качестве ведущего готовящейся передачи входил Рональд Рейган-младший, сын президента Соединенных Штатов. Этот факт вызвал повышенный интерес со стороны некоторых наших периодических изданий, опубликовавших интервью в духе: ах, к нам пожаловал сын президента США! Вот дела!

В конце концов нам тоже, признаться, захотелось повидеться с Р. Рейганом-младшим, и мы еще раз обрадовались, когда в международном отделе журнала раздался телефонный звонок и женский голос от имени телекомпании Эй-би-си попросил разрешить Р. Рейгану побеседовать в «Огоньке» о проблемах Афганистана и, если можно, пригласить на встречу одного из ребят, кто проходил там службу. Мы согласились, обговорив время для интервью — 13.00.

Выполняя просьбу наших американских коллег, мы пригласили в редакцию летчика Сергея Соколова, награжденного за выполнение интернационального долга в Афганистане орденом Красной Звезды. Сергей пошел нам навстречу и приехал в «Огонек» прямо из госпиталя, где он до сих пор находится на излечении. Приехал ровно в 13.00. Как вскоре выяснилось, с его стороны то была излишняя пунктуальность: Р. Рейган-младший опоздал больше чем на час.

Не утруждая себя извинениями, он принялся напористо расспрашивать раненого летчика. Но когда капитан Соколов, начав перечислять примеры оказания Соединенными Штатами отнюдь не абстрактной помощи душманам, сообщил, что и его истребитель был подбит из американского зенитно-ракетного комплекса «Ред-Ай», Р. Рейган потребовал выключить микрофоны и камеры.

— Это пропаганда! Это ложь! — резюмировал он, встав из-за стола...

Нам не хочется вспоминать об этом интервью в подробностях еще и потому, что Р. Рейган-младший позволил себе после этого беседовать с С. Соколовым отнюдь не в джентльменском тоне. О чем с прискорбием сообщаем, продолжая завидовать более везучим коллегам.

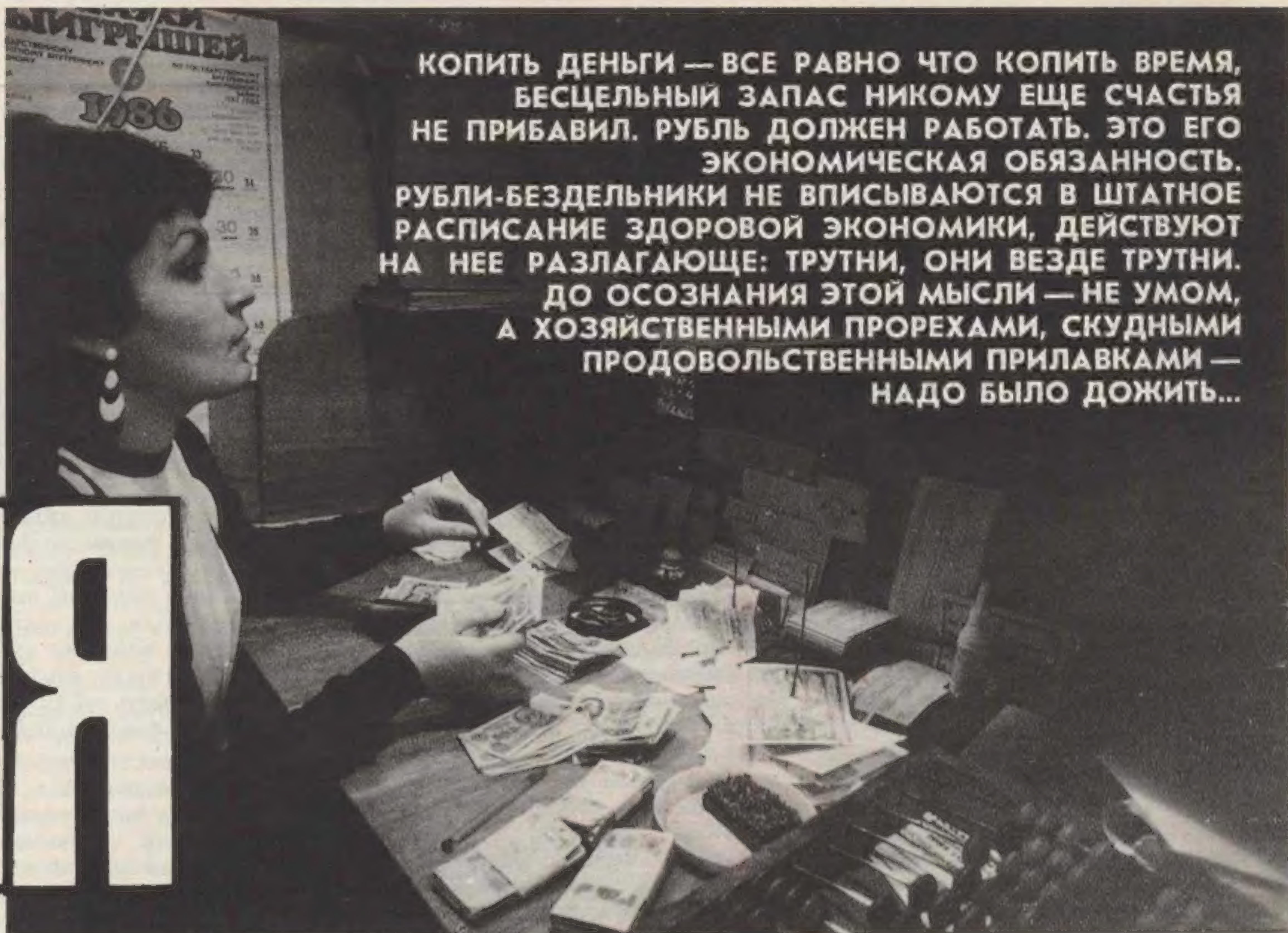
Артем БОРОВИК

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ СООБЩАЕМ,
ЧТО ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» БЛАГОПОЛУЧНО ЗАВЕРШЕНА.
БЛАГОДАРИМ ВСЕХ ДРУЗЕЙ ЖУРНАЛА И НАПОМИНАЕМ,
ЧТО, ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОЛУЧАТЬ «ОГОНЕК» С ФЕВРАЛЯ,
ПОДПИСКУ НЕОБХОДИМО ОФОРМИТЬ
ДО КОНЦА ЭТОГО ГОДА.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ВЛАСТЬ РУБЛЯ

КОПИТЬ ДЕНЬГИ — ВСЕ РАВНО ЧТО КОПИТЬ ВРЕМЯ,
БЕСЦЕЛЬНЫЙ ЗАПАС НИКОМУ ЕЩЕ СЧАСТЬЯ
НЕ ПРИБАВИЛ. РУБЛЬ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ЭТО ЕГО
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.
РУБЛИ-БЕЗДЕЛЬНИКИ НЕ ВПИСЫВАЮТСЯ В ШТАТНОЕ
РАСПИСАНИЕ ЗДОРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, ДЕЙСТВУЮТ
НА НЕЕ РАЗЛАГАЮЩЕ: ТРУТНИ, ОНИ ВЕЗДЕ ТРУТНИ.
ДО ОСОЗНАНИЯ ЭТОЙ МЫСЛИ — НЕ УМОМ,
А ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПРОРЕХАМИ, СКУДНЫМИ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ ПРИЛАВКАМИ —
НАДО БЫЛО ДОЖИТЬ...

Обнародован факт: на складах предприятий Минлегпрома скопилось невостребованных товаров на сумму, превышающую два с половиной миллиарда рублей. При этом отрасль задолжала торговле заказанных хлопчатобумажных тканей на 250 миллионов, шелка — на 68, кожаной обуви — на 41 миллион рублей. А как же прибыль? С прибылью полный «порядок» — начислена на продукцию, которая не продана и вряд ли когда-нибудь найдет покупателя. Между тем еще Маркс писал: «Вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости».

Кстати, за то добро, от которого теперь трещат и ломятся складские и магазинные полки, его создатели получили не только «свои законные», а, надо думать, и премиальные. О том, что заработная плата должна быть заработанной, им теперь мстительно напоминают прилавки универсамов, куда явятся они со своими деньгами, и, потоптавшись, уйдут несолоно хлебавши. Деньги есть — купить нечего. И так будет до тех пор, пока наши доходы растут быстрее, чем выпуск товаров, которые мы готовы и можем потребить. И пока рост заработной платы обгоняет рост производительности труда. Особенно много незаработанных денег было выдано в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов. За семь лет — с семьдесят пятого по восемьдесят второй — выпуск товаров массового спроса возрос в стране на 29 процентов, сельскохозяйственной продукции — на 13 процентов, а выплаченный фонд зарплаты поднялся на 37 процентов.

К чему ведет все это? К снижению покупательной способности рубля. Той, что выражается в количестве товаров и услуг, которые можно приобрести на денежную единицу. Ведь денежные знаки — это обязательство государства предоставить товары населению. Обязательство, которое

выполняется сегодня далеко не всегда. Причем наиболее слаб и легко весен рубль в сфере народного потребления товаров и услуг. Отложенный спрос оседает на сберкнижках и ныне составляет более 200 миллиардов рублей.

Крылатая формула «ты мне — я тебе», рожденная не в проклятом прошлом, а в наши светлые дни, разумеется, аморальна. Однако в морали всегда скрыта экономика. Это она в условиях не укрепленного товарами рубля благословила натуральный обмен всяческим дефицитом. Взятки теперь берут и дают преимущественно «борзыми щенками» — колбасой «сервелат», унитазами «тюльпан», духами «Клима», путевками в Коктебель, билетами на Таганку...

В Ульяновске, куда недавно привели меня газетные дела, едва ли не на моих глазах накрыли группу фальшивомонетчиков. Любопытство — неодолимая сила: «И какими же купюрами промышляли? Двадцать пять? Пятьдесят? Сто?» Оказалось, гораздо хуже: они подделывали (как — не скажу, я поклялся, что способ останется в тайне) талоны на мясо и сливочное масло. Город бурлил...

Когда рубль не обеспечивает выданных казной обязательств, жизнь сама чеканит и пускает в обращение иную, единственно твердую валюту. В другой командировке в селе Лосиха алтайского колхоза «Путь к коммунизму» я наблюдал маневры того же экономического происхождения — с поправкой на сельскую местность — вокруг промтоваров. После того, как здесь утвердился хозрасчет, сберкнижки колхозников потяжелели. За ведущая колхозной сберкассой назвала общую сумму сбережений: 1 миллион 166 тысяч рублей. Не на что тратить! Скудость райповских запасов, стойкий дефицит желаемого товара навязывают жесткие условия, лишь соблюдая которые сможешь купить то, чего тебе хочется. Чтобы получить талон на ковер из чистой шерсти (паласы Лосиха не признает), семья обязана сдать две тысячи литров молока от собственной коровы. Ведется строжайший учет, кто сколько сдал, каждый цепко следит, чтоб сосед не приписывал. Леонид Шевелев, звеньевой скотников, честно выполнил оброчную норму и поехал в

райцентр отовариваться. У прилавка вдруг обнаружилась недостача: полтысячи литров Шевелев «недобрал», так ему сказали. Леонид рвал на себе рубаху: «Как недобрал? Почему?! У меня же записано!» Продащица зевнула и отвернулась. Шевелев до сих пор убежден, что пятьсот литров у него кто-то нахально оттяпал, приписал себе с небескорыстной помощью райповских деятелей. «Ренегады!» — клеймил заговорщиков Шевелев. — Все по знакомству!

Другой звеньевой, Николай Франц, «копил» на пилу «Дружба» — за нее с колхозника причитается полтора центнера мяса. Николай сдал телку и бычка, но пилу у него в последний момент кто-то перехватил. Франц нацелился на «Жигули», выбрал момент тонкий, можно сказать, политический — приезд в Лосиху секретаря райкома. Накануне подготовил бригадира: «Спросит, какие есть жалобы и предложения, выкладывай, с машины и начини». Гость приехал, созвали собрание. «То да се, — вспоминал Франц, — уже закругляться пора, а друг мой как онемел. Я ему мигаю — он молчок, я мигаю — он... Но замолвил за меня все-таки. Тот в блокнот себе записал — ладно, мол, учту...» Через месяц Франц приобрел «Жигули».

Да, накопить колхознику куда легче, чем потратить. О том, что не в деньгах счастье, он знает лучше, чем кто бы то ни было. Своим примером Лосиха лишь подтверждает общую тенденцию. Чем дальше, тем очевиднее: поощрять или наказывать рублем становится все труднее. В условиях дефицита добротных товаров и всевозможного вида услуг сельский работник (впрочем, и городской тоже) ценит уже не столько рубль, сколько возможность его израсходовать. Но когда такую возможность ему предоставляют по талону, по знакомству или по милости начальства, заработанный рубль теряет силу, перестает быть мерой общественного признания, всеобщим эквивалентом, просто-напросто обесценивается. Рубль не равен рублю — вот ситуация, к которой мы пришли не вчера и из которой выйти уже не так-то просто.

Александр Иванович Балкашин, начальник челябинского железнодорожного вокзала, рассказывал мне, как

звали его когда-то в райисполком председателем. «Подумай, — уговаривал первый секретарь райкома партии, — не пожалеешь, зарплата, правда, почти та же, но... исполкомовский рубль потяжелее вокзального». «Чем же?» — спросил Балкашин. «А то не знаешь!» — усмехнулся ответственный товарищ.

Знаем, как не знать! Начальник или рабочий крупного предприятия, где действует система «заказов», имея свободный доступ к колбасе, мясу, маслу, способны отоваривать свой рубль совершенно иначе, нежели, скажем, учитель или врач, которые те же продукты могут купить лишь на рынке и, конечно же, втридорога. Получая примерно одинаковую зарплату, люди нередко живут по-разному — эта социальная несправедливость происходит во многом от низкой покупательной способности рубля. Уже при встрече знакомых и приятелей все реже звучит: «Ну, сколько зарабатываешь?» Куда важнее вопрос: где? Где устроился и как там со снабжением? Для многих теперь насущная задача — не лучше работать и, следовательно, больше зарабатывать, а устроиться туда, где «все дают». Какие перекосы в сознании рождает подобная практика, всем хорошо известно.

Какова же экономическая природа рубля? Что необходимо предпринять, чтобы стал он твердой, стабильной валютой?

2

Я держу в руках книгу профессора Л. Юровского «Денежная политика Советской власти (1917—1927)», изданную в двадцать восьмом году, и спрашиваю себя: ужели надо было дожить до последней черты, чтобы не столько даже понять, сколько — болезненно, всей «кожей» общественного бытия — почувствовать правоту ученого, еще тогда, почти шесть десятилетий назад, утверждавшего с научной основательностью, спокойно, как о само собой разумеющемся: рубль должен работать.

Я пишу не рецензию: оценки давно выставил самый проницательный и нелукавый критик — время. И не воскрешаю забытые страницы, поскольку и в этом нет нужды: книга жила и живет, в борьбе экономических идей ее место было и есть по

ту сторону баррикад, где расположились бестрепетные и честные умы, стойкие к идеалистическим соблазнам и предрассудкам. Называть имена ученых-экономистов, подверженных этим предрассудкам, не буду: наверняка многие из них уже «перестроились», ведь реабилитация рубля и его немалой роли в социалистической экономике провозглашена с самых высоких трибун. А многие серьезные экономисты сегодня вновь и вновь обращаются к книге Л. Юровского. Автор ее был широко образованным ученым, блестящим и тонким знатоком своего предмета. Как и многие его товарищи и коллеги, он дожил до времен, когда цвет отечественной науки переместился на Соловки и Колыму. В том же направлении отбыл и сам Л. Юровский. Отбыл навсегда...

И вот, кажется, близится к завершению затяжная, многолетняя борьба против всего того, что Ленин называл «социализмом чувств», полубарскими, полумужичьими, патриархальными настроениями. На пепелище отгоревших этих споров, однако, все еще можно обнаружить тлеющие угли патриархальщины: умы остаются медленнее, чем кулаки после драки. Умы, воспаленные предрассудками, — и того дольше. Для таких книга Юровского — холодный, отрезвляющий душ: авось посвежеют.

Предметом научного летописания профессора была десятилетняя биография советского рубля. Тот выступил безмолвным статистом в период «военного коммунизма», вышел на главные роли при нэпе... История этих превращений проложила четкую, уходящую в день сегодняшний между в понимании, что есть деньги и каково их настоящее «амплуа».

О кризисной ситуации семнадцатого года, помимо прочих грозных предвестий, громко говорили денежные знаки. За январь и февраль было выпущено по 390 миллионов рублей при среднемесячной эмиссии всего предыдущего года в 300 миллионов. К октябрю денежная масса почти удвоилась, а цены поднялись на 224 процента. Покупательная способность рубля не достигала 10 довоенных копеек. Крах денежной системы, введение государственной хлебной монополии — отсюда шаг до разрушения товарно-денежного хозяйства с присущими ему отношениями купли-продажи. И этот шаг закономерно последовал. Стихия производства отчасти усмирилась плановым распределением того, что уже имелось или готовилось к выпуску. Профессор Юровский был свидетелем, как «создавались постепенно элементы планового хозяйства «распределительного» типа... которое не может не установиться в осажденной крепости, где наступает голод и холод. Такому типу хозяйства, рожденному в такой обстановке, мы сегодня можем воздать полной мерой понимания и уважения, но никак не восторга. «Военный коммунизм» с его системой распределения по спискам, принудительными разверстками, когда Наркомпрод был самым могущественным из всех гражданских ведомств, когда «государство давало каждому гражданину не столько, сколько он хотел и мог купить, а столько, сколько государство в лице своих распределительных органов считало целесообразным ему предоставить», — эпоха эта обесценила рубль, низведя его до суррогата в виде «расчетных знаков». «Этих знаков», — писал Юровский, — всегда не хватало. Центр рассылаю их на места вагонами, и здесь по прибытии «груза» Исполнительный Комитет распределял его между своими отделами, а каждый отдел распределял свою долю между подведомственными ему учреждениями. Дележ совершался обычно один или два раза в месяц, и в губернских городах это были большие дни напряженной борьбы между ведомствами и учреждениями... Деньги выдавались независимо от того, были ли открыты учреждения «кредиты», а открытые «кредиты» ни в какой мере не обеспечивали получения денег».

Само собой разумеется, что вынужденный и необходимый курс на централизацию экономических связей отнюдь не способствовал оздоровлению денежного обращения. Зато открывал простор прекраснотворным мечтаньям. Впрочем, какие там мечтанья! Объявив натуральный обмен и централизованное управление им органично — присущими социализму, а коммерческий расчет и свободную торговлю, напротив, глубоко чуждыми ему, «леваки» в декабре девятна-

дцатого подготовили проект об отмене денег. Только личным вмешательством Ленина проект не попал в повестку дня съезда Советов. Чуть позднее Владимир Ильич иронически заметил: «Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион». К тому времени (ноябрь двадцать первого года) уже увидела свет ленинская статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Работа этапная для развития экономической мысли, ибо в ней в качестве одной из первоочередных задач выдвигалось развитие торговли.

Торговать, не имея твердой валюты, столь же невозможно, как и стабилизировать рубль, не торгуя. «Товар — деньги — товар» — в этой экономической цепке все звенья неразрывны. Обеспечить им прочность мог в ту пору только нэп с его коммерческим расчетом и вольным рынком. Только нэп, противники которого, оскорбленные в патриархальных чувствах, не почуяли в нем ничего более, кроме «угара», и совершенно искренне кричали о крахе коммунистических идеалов.

Чего только не придет в голову, затуманенную «угаром»!

3

Мог ли предполагать Юровский, что та начальная сшибка грамотных взглядов и представлений с коммунством и предрассудками станет программной, на долгие времена разведет, как на ринге, по разным углам убежденных сторонников товарно-денежных отношений и приверженцев патриархальщины? Вряд ли. Профессор не выходил пером за пределы обозреваемого периода и, похоже, не питал склонности к долгосрочным прогнозам. Но таково, видно, свойство (счастливое или печальное — не знаю) многих научных, а заодно и публицистических сочинений: отразив злобу своего дня, они спустя годы прицельно попадают и в самое «яблочко» дня нашего. Виною тому, пожалуй, не столько проникающая прозорливость их создателей, сколько твердолобая невосприимчивость кое-кого к преподанным урокам.

Стихий рынок пугали и продолжают пугать «антиторговники», упорно не беря в толк, что в условиях общественной собственности, планового хозяйства и хозрасчета именно рынок может и должен обеспечивать полноценное единство интересов производителя и потребителя. Именно рынок назначает товару его настоящую цену. Потому-то, доказывая Юровский, задача денежной политики — добиться, чтобы единица, в которой выражены цены, была твердой и неизменной. Цена — высший критерий в хозяйственных делах. Она — та денежная сумма, при назначении которой спрос на товар и предложение товара приходят в состояние равновесия. В сущности, вся жизнь рынка устремлена к поиску этого равновесия. Но коли все имеет цену, продается и покупается за деньги, то денежный счет, а не команды и предписания должны регулировать хозяйственную деятельность.

Увы, наглядные примеры обратного любая наша домохозяйка может пригоршнями черпать из собственного опыта изнуряющей погони за дефицитом. Имея даже среднее образование и склонность к экономическому чтиву, она нашла бы в книге Юровского квалифицированное и точное объяснение вечной нехватки чего-нибудь: «На «свободном» товарном рынке более быстрый рост спроса, чем предложения, обычно находит свое полное выражение в повышении цен. На рынке, где все цены подвергались бы строгому регулированию, т. е. установленные органами

власти «указные» цены были бы действительными ценами, повышение спроса не вызвало бы роста цен, а находило бы свое полное выражение в недостатке товаров. Покупатели раскупили бы весь наличный товар по нормированной цене, и часть спроса осталась бы непокрытой».

Нэп ослабил поводья централизации, позволил рынку править экономикой, но не туда, куда кривая вывезет, а в сторону взаимных интересов производителя и потребителя. Продукты вновь стали товарами, независимо от того, кто их производил. Вступили в силу цены. Товарное хозяйство превратилось в хозяйство денежное. Предприятиям предоставили право покупки на рынке всех товаров кустарного и мелкого производства, а вскоре допустили на рынок и в качестве продавцов. Купля-продажа с оплатой деньгами вытеснила систему распределения по нарядам и ордерам. Для дальнейшего развития торговли требовалась твердая валюта, и декретом Совнаркома Народному комиссариату финансов было поручено приступить к чеканке золотой монеты. Денежная реформа 1924 года упразднила «совзнак», передав бразды правления червонцу.

За несколько последующих лет страна, доведенная разрухой до края обнищания, совершила ошеломительное восхождение к нормальной жизни.

4

В отличие от браков, которые, как известно, совершаются на небесах, деловое партнерство — это «брак», заключенный в иных, тоже, впрочем, высоких сферах. Таких, как Госплан, Госснаб и другие центральные ведомства. Попросту говоря, союз поставщика и потребителя, освященный приказом и предписанием, рождается вопреки обоюдной их воле: стерпится — слюбится. «Симпатия» одного предприятия к другому, в основе которой должны лежать выгода и взаимные гарантии, не поощряется. Все необходимое для развития производства заводы и совхозы до сих пор не покупают, а получают по разнарядке, главный принцип которой — бери что дают. Деньги и цены тут служат лишь бухгалтерскому учету. Такие категории товарного производства, как торговля, кредит, спрос и предложение, не работают.

«У нас имеются планы распределения, не считающиеся с существующим на рынке уровнем цен, ставящие себе целью распределение независимо от существующего денежного спроса, т. е., в сущности, распределение вне рынка и с устранением всех его закономерностей».

Это наблюдение Юровского датировано двадцать восьмью годом, но под словами «у нас» могут и сегодня подписаться сотни и сотни хозяйственников. Например, Б. Фомин, генеральный директор знаменитой ленинградской «Электросилы»: «У нас... есть деньги на развитие производства. Более семи миллионов рублей, заработанных коллективом, отчислено в этот фонд. Казалось бы, бери и пускай их в дело — обновляй цехи и участки, покупай современное оборудование. Но не тут-то было! Распорядиться ими самостоятельно мы не вправе. «Только централизованно, только через министерство!» О том же и там же, на заседании «Делового клуба» «Правды», говорил и Н. Чикирев, генеральный директор знаменитого московского объединения «Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе»: «Переход на новые методы хозяйствования, укрепление хозрасчета во многом зависит от того, насколько предприятие является хозяином получаемой прибыли. Сейчас, когда каждый рубль прибыли жестко завязан финансовым планом, заранее расписан по параграфам, предприятию, по сути дела, не распоряжается даже частью заработанной прибыли, может использовать ее лишь по строго предписанным свыше направлениям».

Если даже такие промышленные «гулливеры» опутаны, связаны предписаниями по рукам и ногам, то что там говорить о «лилипутках»!

Идеи распределения ресурсов «по

карточкам» противостоит идея оптовой торговли средствами производства. Осуществив ее, мы сможем изъять из словаря нашей экономики такие слова, как «дефицит» и «неликвиды». О прямых и длительных хозяйственных связях речь идет уже три пятилетки. Результат? В этом году Госснаб перевел на оптовую торговлю всех потребителей непродовольственной сферы и предприятия Минстройдормаша. «Эксперимент» — так теперь именуется здравый порядок вещей! Ладно, как ни назови, лишь бы утвердился этот порядок, да повсюду, не только для избранных. Чтобы так: заказал — покупай. В отличие от получателя покупатель считает деньги и лишнего не возьмет — себе дороже. Посредник по имени Рубль, а не Иван Иванович из снабженческой конторы будет обслуживать эту законную сделку.

5

Читая книгу Юровского глазами современника, досмотревшего начатый им экономический сюжет до середины восьмидесятых, вдохнувшего мартовского и сентябрьского озона шестидесят пятого года, познавшего вкус надежд и разочарований, а ныне опять воспрянувшего духом, — читая такими глазами, силком удерживаешь себя от простодушного вопроса: когда же, наконец? Когда экономические методы одержат верх, войдут в практику глубоко и бесповоротно? Когда не валовые и прочие, по существу, ничего не показывающие показатели, которых тьма, когда не они, а рубль станет единственно точным «градусником», по которому будем судить о состоянии здоровья нашей экономики? Реальное мерило одно — прибыль. Либо она есть, либо ее нет. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гнать вал, оплачивать продукцию, от которой отвернулся потребитель, забивать этим барахлом склады — значит множить денежные залежи. Тогда как деньгам по их природе положено не лежать, а ходить. Иметь хождение.

Ни расчетный, ни «совзнак», будучи бумажными не только по виду, но и по сути, никаких обязательств не обеспечивали. О чем не преминул заметить Юровский: «Революция сделала их бумажными деньгами в самом строгом смысле слова, т. е. бумажными знаками, которым государственная власть присваивала силу погашать долговые обязательства, возникающие в хозяйственном обороте, но которые не являлись обязательствами самого государства. Самая надпись на них, гласившая, что они «обеспечиваются всем достоянием республики», лишена была содержания, ибо при отсутствии обязательства неизвестно было, что собственно обеспечивается. Эта надпись свидетельствовала только лишней раз о том, что словесные формулы очень живучи и что ими продолжают пользоваться тогда, когда содержание их давным-давно уже выветрилось».

Но и сегодня тень почившего «совзнака» возникает, как тень отца Гамлета, там, где не властен рубль. А как же трепетное негодование стыдливых «бессребреников», исповедующих как бы естественную для советского человека брезгливость к «презренному» металлу, к деньгам, которые «портят»? Грешен, побавляюсь агрессивного целомудрия этих моралистов, не способных или не желающих понять, что портят нас не «длинные» и не «короткие» рубли, а только те, что длиннее или короче заработанных. Портят деньги, не имеющие товарного покрытия. Отсюда и пресловутый «вещизм», приводящий в ужас некоторых моих сограждан, этот социальный недуг, коим почему-то не страдает население Франции или, скажем, Италии, хотя там хороших и разных товаров несколько больше, а душевспасительных разговоров вокруг них несколько меньше.

Ничто так не способствует оздоровлению нравов, как здоровая экономика.

РЕАЛИЗМ ТРЕБУЕТ

XV АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА —
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
ТОМУ, ЧТО СОВРЕМЕННЫЙ
ДУМАЮЩИЙ ЗРИТЕЛЬ ЦЕНИТ
РАБОТЫ-ОТКРОВЕНИЯ,
ПОДДЕРЖИВАЕТ ТЕХ АВТОРОВ, КОТОРЫЕ
НЕ БОЯТСЯ
ЗАТРАГИВАТЬ САМЫЕ БОЛЬШЫЕ
И СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ВИДЯ В ЗРИТЕЛЕ ДОСТОЙНОГО СОБЕСЕДНИКА,
ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ГЕРОЯ СВОИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

ПАЛИТРА

Борис УГАРОВ,
народный
художник СССР,
президент
Академии
художеств
СССР

МУЖЕСТВА

Стало традиционным открытие любой, а тем более крупной художественной экспозиции, подобной XV выставке произведений членов Академии художеств СССР, называть праздником. И творческий отчет мастеров Академии за последние пять лет, прошедших после юбилейной ретроспективной экспозиции «225 лет Академии художеств СССР», не обманул наших ожиданий.

Свыше 1350 произведений 127 авторов явили широкую панораму творческих устремлений, охватывающую историю и современность, славное революционное прошлое и сегодняшний день нашей страны, героический подвиг советских людей в Великой Отечественной войне и темы борьбы за мир, интернационального братства и солидарности всех народов на земле.

Здесь было немало новых полотен, впервые увидевших свет выставочного зала.

Важно, что экспозиция строилась преимущественно по принципу монографического показа, возлагая личную ответственность за его качество на каждого участника и одновременно позволяя любому из них вести разговор со зрителем на предельно широком диапазоне тем, эмоций и образов, с характерной только для данного автора интонацией.

Отличительная особенность XV академической состояла в том, что в ней впервые приняли участие почетные члены Академии из разных стран мира, такие выдающиеся художники современности, как Херлуф Бидструп, Ренато Гуттузо, Джакомо Манцу, Святослав Рерих, Эндрю Уайет, Жан Эффель, и другие. Тем самым выставка вышла за рамки всесоюзного смотра, наглядно свидетельствуя о постоянно расширяющемся культурном сотрудничестве с зарубежными мастерами, а также с творческими учреждениями и организациями, близкими нам по гуманистической направленности.

Но, всесторонне оценивая наши достижения за последние пять лет, трудно, а точнее, невозможно говорить о них в духе исключительно победных реляций.

В процессе формирования экспозиции было высказано немало откровенных, нелицеприятных замечаний относительно идейно-художественных достоинств отдельных произведений. Не могу сказать, что все наши товарищи безболезненно восприняли критику в свой адрес. Может быть, самое трудное в перестройке — это начать ее с себя.

Не сомневаюсь: прояви мы большую коллективную принципиальность при отборе произведений и одновременно большее внимание и уважение к критическим замечаниям своих же товарищей, творческое лицо Академии и всего советского реалистического искусства от этого только бы выиграло, и нам не пришлось бы краснеть, читая в отзывах посетителей: «Для академиков мало обладать высокой техникой и демонстрировать только технику. Надо ощущать время. Ряд картин можно отнести к XIX веку».

Немало серьезных критических соображений было высказано художниками, архитекторами и искусствоведами во время откровенного, принципиального обсуждения XV академической выставки, при том что все выступавшие единодушно расценивали ее как качественно новую ступень по отношению к предшествующей выставочной практике, когда периодические отчеты мастеров Академии нередко напоминали скорее салоны весенних или осенних этюдов и набросков. Я тоже склонен рассматривать XV академическую как значительный шаг вперед даже по сравнению с

юбилейной выставкой 1983 года, где мы выступали, так сказать, под прикрытием своих великих предшественников.

Я уверен: посетители выставки нашли в ее богатой палитре, вобравшей в себя краски различных национальных художественных школ, то, что отвечало их собственным думам и чаяниям, будило гражданскую совесть, позволяло еще острее осознавать свою причастность к большим и малым заботам современного мира.

К тому же, как бы ни была обширна нынешняя выставка, она не могла в полной мере охватить все, чем живет коллектив Академии художеств СССР сегодня.

Это такие наши масштабные мероприятия, как Всесоюзная конференция по музейному делу в стране, совещание по проблемам дизайна, подготовка программы по эстетическому образованию для средней общеобразовательной школы, и другие.

Хотя центральными, конечно, остаются вопросы, связанные с творчеством, созданием новых духовных ценностей, достойных нашего народа, нашей динамичной жизни.

Без их решения, без восстановления отчасти утраченного за последние годы доверия к тому, что преподносится нашей современной культурой в качестве духовной пищи, не могут быть по-настоящему успешно решены важнейшие задачи идейно-эстетического воспитания трудящихся, молодежи, подготовки новой творческой смены, пропаганды ценностей гуманистического искусства, борьбы с буржуазной идеологией.

Понятны постоянные нападки на реалистическое, а тем паче на советское искусство со стороны наших идейных противников. Но когда все чаще начинают раздаваться упреки со стороны того самого зрителя, для которого мы и творим, причем упреки основательные, касающиеся не частных, а существа, основополагающих моментов творчества, то здесь уже надо бить тревогу.

Думаю, доля вины за распространение догматического, однобокого представления о духовном и пластическом диапазоне реалистического метода отражения действительности лежит и на тех, кто, буквально крестясь им, пытался свести его сущность к добросовестному воспроизведению отдельных находок великих реалистов прошлого в работах «на современную тему».

Для меня реализм заключается не в какой-то определенной манере изображения, строго фиксированном наборе стилистических признаков, а в жизненной правде, воплощенной в художественно-убедительной пластической форме, что предполагает творческую неисчерпаемость метода социалистического реализма, его принципиальную несводимость к каноническому кодексу догматических правил и предписаний.

Быть художником-реалистом, по моему глубокому убеждению, — это прежде всего сделать и постоянно делать выбор между общественной миссией искусства и элитарными тенденциями в нем, между партийностью творчества и чистым «бесклассовым» самовыражением.

Говоря о необходимости сохранения, развития и приумножения выдающихся достижений наших великих предшественников, важно наряду с уроками высокого профессионального мастерства усвоить в школе реализма опыт гражданского мужества, смелости, звать вперед, рискуя быть непонятым и непризнанным.

Мы же порой в своем вполне искреннем стремлении быть понятыми широкому зрителю, доступными для него, случается, начинаем говорить на каком-то усредненном и упрощенном языке с ог-

раниченным кругом привычных тем и сюжетов, с обедненным изобразительным лексиконом, узким диапазоном выразительных средств.

Мы и в искусстве начинали измерять творческие достижения не мерой реального человека, гуманистического идеала, а изображенными километрами рельсов, трубопроводов, высотой башенных кранов и доменных печей, величиной «трудовых мускулов» и шириной белозубых улыбок победителей соревнования. А это, в свою очередь, не могло не сказаться негативным образом на способности видеть реальности социальной жизни во всех их сложностях и противоречиях, в постоянном изменении и развитии. Вот почему на многих крупнейших тематических выставках недавнего прошлого в произведениях (особенно сюжетно-тематического плана) многих, в том числе и заслуженных, художников нередко можно было встретить героев-двойников, персонажей работ двадцати-, а то и тридцатилетней давности, правда, теперь уже лишенных духа современности.

К сожалению, — и здесь наше прямое упущение — среди молодых мастеров получило определенное распространение «изготовленное» произведение на нужную тему по известным гарантированным рецептам.

Конечно, и в наши дни существует значительный контингент зрителей, по сути, привыкший или, точнее, приученный к определенному списку «необходимых» сюжетов и традиционным способам их изображения. Не встречая их в экспозиции, он попросту теряет или начинает обвинять авторов непривычных для него работ в отступлении от принципов социалистического реализма, в потворстве влияниям буржуазной идеологии и прочих грехах.

Предельная открытость творчества требует особой ответственности и мужества — здесь не выручат ни апелляции к прошлым достижениям, ни высокие звания, вплоть до народного художника СССР, хотя некоторые известные мастера не так давно проявляли склонность рассматривать это звание как своего рода щит, гарантирующий от любой критики, а не как свидетельство общенародного доверия.

Впрочем, я не разделяю позиции и тех деятелей от искусства, которые в своем стремлении олицетворять наиболее радикальные силы происходящих изменений пытаются произвести полную переоценку прошлых и нынешних достижений культуры, подменить одни художественные ценности другими и, обвинив во всех грехах отдельных, известных, ныне здравствующих и активно работающих мастеров или некоторые крупные учреждения культуры, отлучить их от перестройки, записать их в разряд неисправимых ретроградов и консерваторов. Чисто по-человечески — имея в виду человеческие слабости — желание быстро заработать себе капитал, сорвать аплодисменты в роли неугомонного критика чужих дел и начинаний — вполне понятно и объяснимо. Но вряд ли стоит оставлять без принципиальной оценки попытки развязать «гражданскую войну» в искусстве, присвоить себе право единоличного обладания истиной в последней инстанции.

Более трудный и одновременно плодотворный путь состоит в коллективных поисках ответа на вопрос не «кто виноват?», а «что делать?». И отвечать на него практическими делами, новыми, достойными нашего прекрасного времени произведениями. Советские художники должны участвовать в общенародной перестройке сообща, во имя наших общих интересов.

Н. А. ПОНОМАРЕВ. Род. 1918.
ШОЛОХОВ. 1985.

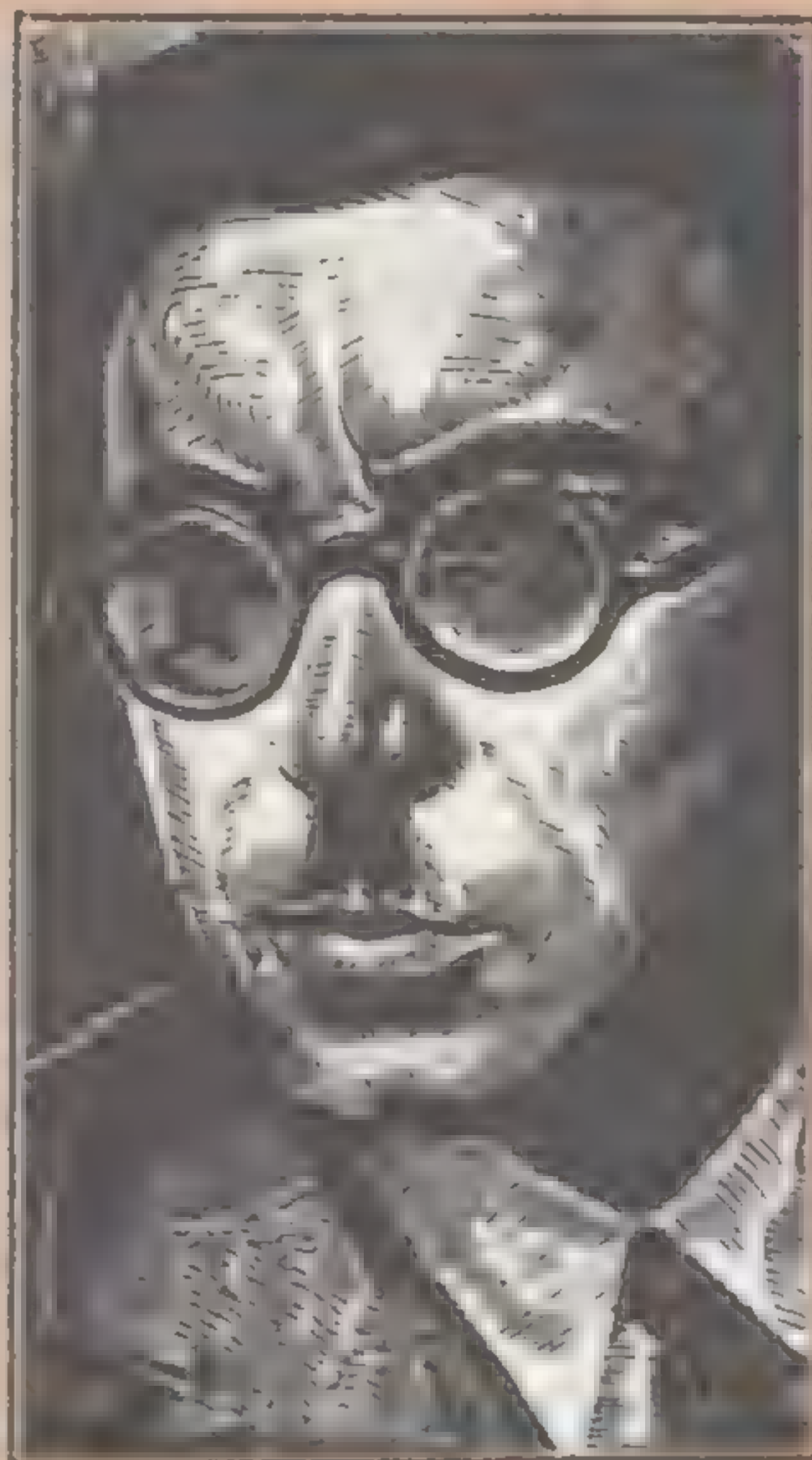
Т. Н. ЯБЛОНСКАЯ. Род. 1917.
ПОРТРЕТ ИСКУССТВОВЕДА ФЕДОРОВОЙ. 1986.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

1899—1968

Биография Сельвинского почти авантюрная: был актером, цирковым борцом, портовым грузчиком, инструктором по пушине. Вождь конструктивизма, ставивший научно-конструктивное мышление даже во главу угла поэзии. Однако как поэт Сельвинский оказывался сильнее именно там, где не следовал собственным теоретическим схемам (что, кстати, было и с его постоянным оппонентом — В. Маяковским). Самое знаменитое произведение Сельвинского, «Ульяевщина», написано хотя и со вкусовыми срывами, но незабываемо, неповторимо, с мощью неуправляемой стихии. Рефрен «Ехали казаки чубы по губам» восторженно цитировался и Багрицкий, и многими другими, став своеобразным фирменным знаком Сельвинского. Поздняя попытка Сельвинского переделать «Ульяевщину» рухнула. Грязный, но подлинный черновик ценнее каллиграфического «чистовика». Сельвинскому была свойственна экспериментальная гигантомания — из того эпического, что он громоздил, многое разваливалось: и роман в стихах «Пушторг», и поэма «Челюскинщина», и фактографический репортаж «Как делается лампочка», и его бесчисленные эксцентрические драмы, и тяжеловесные

исторические трагедии. Думаю, что Сельвинский заблуждался, считая себя прирожденным крупноформистом. Лучшее, что он создал, — это наряду с отдельными главами «Ульяевщины» — сравнительно небольшие стихи, которым, видимо, сам автор придавал второстепенное значение. Сельвинский, всю жизнь восстававший против традиционности, как ни парадоксально, становился чище и сильнее как поэт именно в классических ритмах: «Кубань», «Россия», «Севастополь». Один современник Сельвинского, крупный русский поэт, сказал о нем довольно зло: «Сельвинский похож на сверкающий, пылящий, ворожающий всеми локтями и колесами паровоз — но подвешенный в воздухе и ничего не везущий». По отношению к некоторым стихам Сельвинского это правда. Сельвинскому трагически не хватало вкуса к собственной поэзии. Но со всеми нагромождениями, но со всей своей никуда и никого не везущей «паровозностью» Сельвинский — крупное явление. Прочитайте хотя бы его «Бабий Яр», написанный задолго до моего, и вы почувствуете, какая мощь была в поэтическом голосе Сельвинского.

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН

Одиннадцать било. Часики сверх
В кают-компани с цифрами диска.
Солнца нет. Но воздух не сер:
Туман пронизан оранжевой искрой.

Он золотился, роился, мигал,
Пушком по щеке ласкал,
колоссальный,
Как будто мимо проносят меха
Голубые песцы с золотыми глазами.

И эта лазурная мглистость несется
В сухих золотинках над мглой глубин,

Как если бы самое солнце
Стало вдруг голубым.

Но вот загораются синие воды
Субтропической широты.
На них маслянисто играют разводы,
Как буквы «О», как женские рты...

О океан, омывающий облако
Океанийских окраин!
Даже с берега, даже около,
Галькой твоей ограян,

Я упиваюсь твоей синевой,
Я улыбаюсь чаще,

И уж не нужно мне ничего —
Ни гор, ни степей, ни чащи.

Недаром храню я, житель земли,
Морскую волну в артериях
С тех пор, как предки мои взойшли
Ящерами на берег.

А те из вас, кто возникли не так
И кутаются в одеяла,
Все-таки съездите хоть в поездах
Послушать шум океана.

Кто хоть однажды побыл у зеркал
Этих просторов — поверьте,

Он унес в дыхательных пузырьках
Дыханье великого ветра.

Такого тощища не загрызет,
Такому в беде не согнуться —
Он ленинский обоймет горизонт,
Он глубже поймет революцию.

Вдохни ж эти строки! Живи сто лет —
Ведь жизнь хороша, окаянная...

Пускай этот стих на твоём столе
Стоит, как стакан океана.

1932
П/х «Совет»
Японское море

ЧИТАТЕЛЬ СТИХА

Розоватым, желтеньким,
сереньким критикам,
а также критикам
переливчатого цвета шанжан.

Муза! Как ни грусти, ни сетуй,
А вывод мой, к сожаленью, таков:
Среди миллионов, читающих газету,
Десять десятых не читает стихов.

Иного к поэтам влечет их полемика,
Однако с затишьем и этот стихал...
Но есть

одно
лихое
племя,
Живущее на побережье стиха.

Это уже не просто читатель,
Не первый встречный и не любой.
Он не стучит по рифмам, как дятел,
Не бродит в образах, как слепой,
Не ждет воспитания от каждой точки,
Не умиляется от пустяка —
Совсем по-иному подходит к строчке
Читатель стиха.

Он видит звуки,
слышит краски,
Чувствует пафос, юмор, игру,
И свои пузырьки литературные

Ему не всучат за жемчужью икру;
Ему не внушить, рассказавши

Что это лавы,
да Толстые притом!
(Кстати сказать, вдохновенный
прозаик
В его глазах — поэтический том.)

Иной читает только в дороге,
Пейзаж пропускает, ищет любовь,

По вкусу ему и Бальмонт и Доронин,
А больше бефстроганов или плов.

А наш, овеванный нашими снами,
Сам горит, как летящий болид,
А наш, как родственник,
дышит с нами
И знает, что у кого болит...

Иной читатель — прочел и двигай,
Давай другого, а первый катись!
А наш, как с девушкой, дружит
с книгой...
Читатель стиха — артист.

Он еще смутен, этот читатель,
Он еще назревает, как бой,
Его меж нулей не учили в Госиздате,
Но он
управляет
нашей судьбой!

Как часто бездушные критикокки
Душат стих, как чума котят,

И под завесой густой дымагогии
В глобус Землю втиснуть хотят;

Сколько раз, отброшен на мель,
Рычишь:
«Надоело! К черту!»
Согнули!
И, как малиновую карамель,
Со вкусом глотнул бы кислую пулю...

И вдруг получишь огрызок листка
Откуда-нибудь из-за бухты Посыета:
Это великий читатель стиха
Почувствовал боль своего поэта.

И снова, зажавши хохот в зубах,
Живешь, как будто полмира выиграл!
И снова идешь
среди воя собак
Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

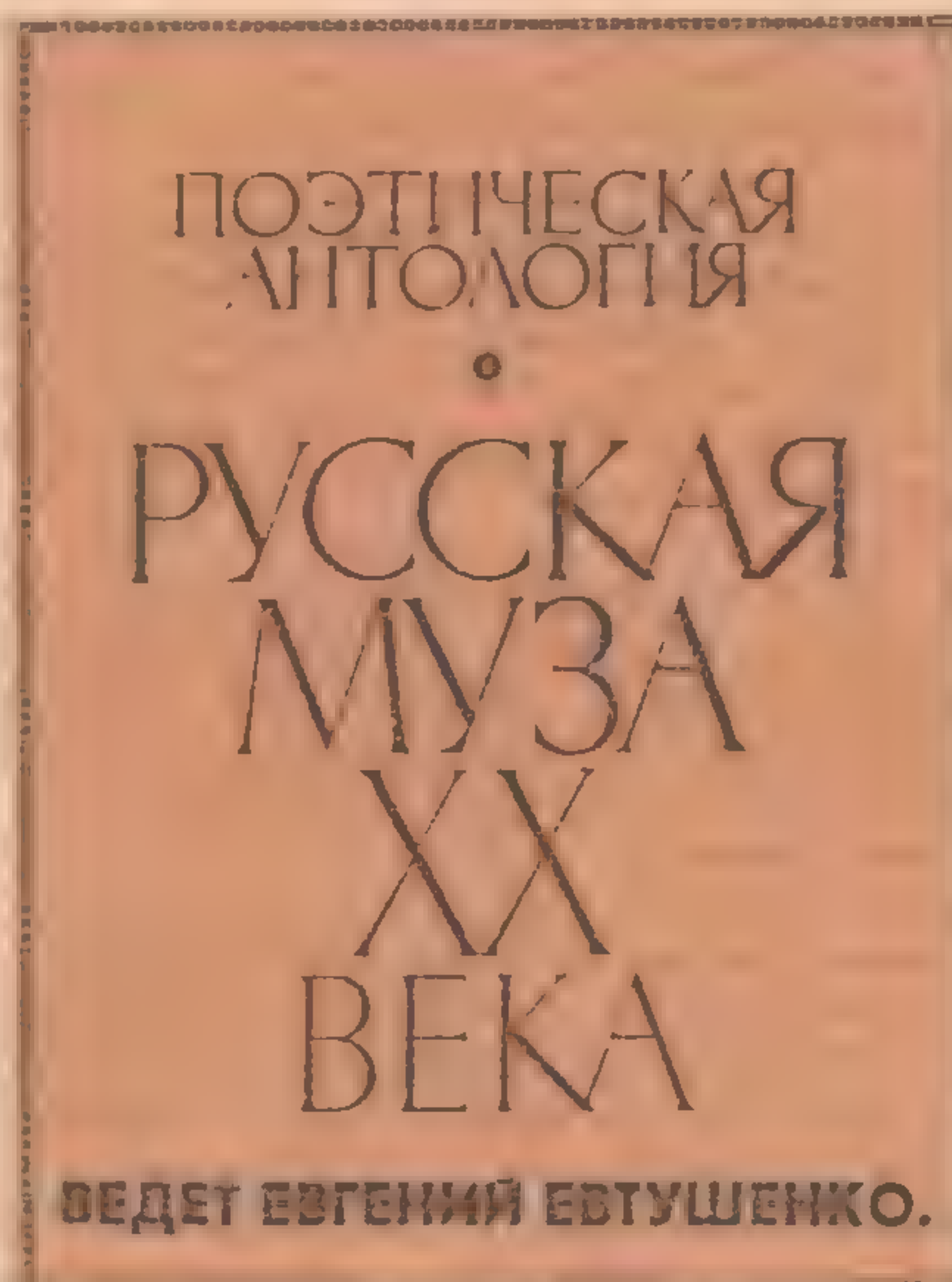
1932
Пароход «Норвегия»
Вериягово море

ТАМАНЬ

Когда в кавказском кавполку я вижу казака
На белоногом скакуне гнадого косяка,
В черкеске с красною душой и в каске набекрень,
Который хату до сих пор еще зовет «курень», —
Меня не надо просвещать, его окликну я:
«Здорово, конный человек, таманская земля!»

От Крымской от станицы до Чушки до косы
Я обошел твои, Тамань, усаженные овсы,
Я знаю плавней боевых кровавое гнильцо,
Я хату каждую твою могу узнать в лицо.
Бывало, с фронта привезешь от казака письмо
Усадят гостя на топчан под саблю с тесьмой,
И небольшой крестьянский зал в обоях из газет
Портретами станишников начнет на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову вскружат,
Покуда мать не закричит и, взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной старины,

Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
Твои гортанные ручьи и гордый говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
Хоть и бомбежкой распахать, пехотой оборонить.
Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,
Но знает враг:

никогда
не сдашься ты ему.
Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской издали домой,
С какою тянутся к тебе через огонь и сны
Твои казачьи полки, кубанские сыны.

Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
Стояла грудью боевой у русского древка;
За то, что, где бы ни дралось, развевая чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество твое;
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За красный парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.

1943
Северо-Кавказский фронт

УЖЕ В ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА
МОЛОДОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ
БЫЛА СОЗДАНА ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОЛЛЕГИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ
ВОЗДУШНЫМ ФЛОТОМ.

1917 • 1987

ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЕЕ БЫЛ НАЗНАЧЕН
ВОЕННЫЙ ЛЕТИК
ИНЖЕНЕР-АЭРОНАВТ
КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ АКАШЕВ.
КАКОЙ ЖЕ ОН БЫЛ,
ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ!

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

Юрий ГАЛЬПЕРИН

Нет ничего удивительного, если и вы никогда не слышали о Константине Васильевиче Акашеве — профессиональном революционере, одном из первых организаторов Красного Воздушного Флота.

Собирая материал для книги о русских авиаторах первого поколения, особенно о тех, кто, по разным причинам, был незаслуженно забыт, я случайно обнаружил в Военно-историческом архиве тоненькую папку с личным делом, которую до меня, кажется, никто и не открывал. На папке надпись: «О русском подданном политэмигранте инженере-авиаторе Константине Акашеве». Начато дело в мае 1915 года и через месяц закрыто. Фамилии такой я никогда не слышал, хотя сам был авиатором. Стал просматривать старые журналы, книги и в одной из них — «Подвиги красных летчиков» — увидел портрет молодого командира в полевой гимнастерке. Под фотографией подпись: «К. В. Акашев — Председатель Всероссийской коллегии по управлению Воздушным флотом». В сноске сообщалось, что родился он в 1888 году, «за участие в покушении на Столыпина в 1908 году был сослан в Туруханский край; откуда бежал за границу... Принимал активное участие в Октябрьской революции».

Заинтересовался я этим человеком. Его краткую биографию отыскал в журнале «Вестник Воздушного Флота» за 1923 год. Оказывается, и журнал этот создан Акашевым, который одновременно был главным редактором нового издания.

После побега из Сибири Акашев попадает в Италию, где обучается в летной школе. Потом в Париже учится в Высшем училище авиации и механики. Получение диплома совпало с началом войны. Молодой инженер-летчик вступает в ряды французской армии, проходит еще один курс обучения в военно-авиационной школе, окончив ее с отличием. Дальше — фронт.

Надеясь на объявленную в России амнистию, Акашев решает вернуться домой. Эту возможность подтверждает ему и русский военный атташе в Париже граф Игнатъев, будущий известный писатель, генерал-лейтенант Советской Армии, выдавший Акашеву официальное свидетельство. Этот документ я тоже нашел в архиве.

Революционную деятельность Акашева я изучал по фондам русской тайной полиции. Узнал многое, начиная от существа «преступлений» до роста и цвета глаз, волос, формы усов и бородки «Последнего», под такой кличкой за ним велось наблюдение. Не спускала с него глаз и заграничная агентура. По донесениям, Акашева уже ждут на границе и тут же арестовывают. Но он выигрывает тяжбу с властями, пытавшимися отправить его этапом в Сибирь, подает прошение о зачислении в действующую армию, которым и открывалось найденное личное «дело». В «деле» переписка самых высоких чинов, запросы и донесения жандармерии о политической неблагонадежности. Резолюция: «Отказать».

Последнюю запись сделал генерал, начальник Управления Воздушного флота (Увофлота) царской России. Он не думал, что в 1917 году его заменит на этом посту именно комиссар Акашев! «После Февральской революции, — говорится в биографической справке, — участвовал в рабочих конференциях, организовывал завкомы, создал группу инженеров-большевиков на Всероссийском съезде металлистов...»

Самым поразительным для меня была та часть биографии, где сообщалось: «В октябрьский переворот, 25 октября, пробравшись вечером в осажденный Зимний дворец, рискнул жизнью, обманув юнкеров артиллерийского училища, вывел всю вторую батарею... Результат: через два часа

К. В. Акашев,
фото 1918 года.

Временное правительство было арестовано, дворец занят нами и не пострадал от артиллерийского огня!»

Ладно дворец, сколько людей погибло бы расстрелянными из пушек в упор.

Почему же мы все ничего об этих пушках не слышали?.. Знаем, что обороняли Зимний юнкера, училище прапорщиков, женский ударный батальон... Но пушки...

Просмотрел в исторической библиотеке все каталоги, относящиеся к октябрьским событиям в Петрограде, перелистал сборники воспоминаний — нигде никаких намеков на пушки. Но разве можно, когда живы тысячи участников тех событий, опубликовать заведомую неправду? Конечно, нет.

Еще раньше я нашел напечатанные в 1922 году воспоминания Акашева к пятилетию Октября, где тоже ошеломившая меня фраза: «Я вывел из Зимнего дворца артиллерию...»

Значит, она там была? Тогда как он ее вывел, и почему именно Акашев?..

Кроме ответа на этот важнейший вопрос, я хотел узнать дальнейшую судьбу Акашева, что с ним было после публикации биографической справки. Признаюсь, подозревал недоброе. Его имени не было в энциклопедии, в персоналиях военного отдела Ленинской библиотеки. Во второй половине тридцатых годов оно исчезло из московского телефонного справочника, кстати, именно из справочника я узнал, что жил Акашев

на Новинском бульваре. И в исторической библиотеке нет его имени в каталогах, журнальных росписях...

А его встречи с Лениным, непосредственное участие в боях гражданской войны, участие в Генуэзской конференции как эксперта советской делегации по вопросам воздушного флота, в Международной конференции по авиации в Риме в 1922 году, на дирижабельной конференции в Лондоне, два года пребывания в Италии, где Акашев заказывал и принимал самолеты, авиационное оборудование? Это тоже из справки, но где узнать подробности? Словно испарился человек... И что с его семьей, у него же были дочери, об этом я узнал из жандармских донесений. Тоже никаких следов...

Когда я совсем было отчаялся что-нибудь найти, женщина — библиограф Исторической библиотеки, огорченная, как и я, сплошными неудачами, отыскала древний, отпечатанный на машинке список литературы об Октябрьской революции.

— Может быть, здесь вас что-то наведет на след Акашева.

Рукопись толстенная, экземпляр «слепой», а повторяются все те же общеизвестные источники. Бросил бы, но неловко перед человеком, который так старается помочь. И вдруг... «К. Акашев. «Как ушла артиллерия из Зимнего дворца 25 октября 1917 года». «Былое», №№ 27—28, 1924 год!!!

Теперь мне известно все до мельчайших подробностей. Но на это понадобились годы поисков...

Вернемся к лету семнадцатого года. 25 августа поднял контрреволюционный мятеж генерал Корнилов и двинул свой конный корпус на Петроград. Большевики призвали рабочих к защите Петрограда, подавлению мятежа. На заводах создавались новые боевые отряды. Кто не мог выступить с оружием, шли на рытье окопов.

А что же Акашев? Он решил помочь самым действенным образом — предложить организовать разведку с воздуха. Свой план изложил в штабе Петроградского военного округа.

— Спасибо, — поблагодарил Акашева комиссар Временного правительства Филоненко, — у нас уже есть все необходимые данные. Вы поможете нам иным образом, товарищ Акашев, pošлем вас комиссаром в Михайловское артиллерийское училище.

— Меня? — искренне удивился Акашев. — Я же летчик, с артиллерией никогда дела не имел, что я там...

— А вам и не нужно стрелять из пушек, а вот они в руках монархистов. Нужно навести порядок в училище, если хотите защищать революцию. Дело важное и срочное, надеюсь, вы понимаете?

Пришлось согласиться. Так Акашев стал комиссаром Временного правительства в Михайловском училище.

Пока он поднимался в кабинет начальника училища, слышал, как группа юнкеров распевала «Боже царя храни», крики «Да здравствует белый генерал!».

Человек решительный, Акашев первым делом собрал солдатский комитет и с его помощью сориентировался в обстановке.

Явных монархистов в артиллерийских расчетах заменил солдатами и левонастроенными юнкерами, переставил кое-кого из офицеров, организовал дежурство членов солдатского комитета. Обстановка в училище нормализовалась.

Когда корниловская авантюра провалилась, Акашев решил, как он пишет: «ликвидировать свое «комиссарство». Но группа офицеров-социалистов и, главным образом, солдаты обратились в Петроградский Совет и штаб округа с ходатайством об оставлении меня. Мне было предложено остаться в училище...

Так продолжалось до великих октябрьских дней, когда Петроградский Совет отдал свой зна-

менитый приказ о подчинении гарнизона Совету, а не командующему округом.

В училище начались волнения. Юнкера, около трехсот человек, заявили категорически, что будут защищать Временное правительство. Команда солдат, тоже человек триста, стояла за Совет...

Среди офицерского состава была полная растерянность. Спрашивали меня: что делать? Зная, что юнкера будут драться против Советов, я повел среди офицеров разговоры о том, что юнкера — дети, их надо беречь, а за Временное правительство должен сражаться «сам народ». Коротко говоря, из двух зол надо было выбирать меньшее, и я агитировал за «нейтралитет».

В конце октября большинство воинских частей, красногвардейцы на заводах Петрограда были готовы к выступлению, ждали команды Военно-Революционного Комитета, находившегося в Смольном.

Акашеву не удалось помешать отправлению двух батарей училища в Зимний дворец для охраны Временного правительства. Юнкера несли во дворец и караульную службу. Призывы к «нейтралитету», как и следовало ожидать, никакого воздействия не оказали. Что делать? Вот-вот рабочий Петроград пойдет на штурм Зимнего. Как ни малочисленны пушки, но сколько крови могут пролить юнкера, стреляя чуть не в упор!!

«Я должен что-то предпринять, никогда не прощу себе, если не попытаюсь».

25 октября, Зимний дворец уже окружен солдатами, матросами, красногвардейцами.

«Мне довольно легко удалось пробраться до Дворцовой площади, откуда свободно прошел в Зимний дворец. Было около семи часов вечера... временами накрапывал дождик».

Артиллерия помещалась во внутреннем дворе. Курсовые офицеры, командовавшие батареями, встретили меня с радостью и стали расспрашивать, что происходит в городе. Они ничего не знали, так как с раннего утра были отрезаны от внешнего мира. Я им рассказал о переходе на сторону Советов всего Петроградского гарнизона, добавив, что всякое сопротивление ни к чему, а будет только излишним кровопролитием.

Отведя в сторону капитана Братчикова, командовавшего всей артиллерией, сказал ему, что начальник училища приказал юнкерам с оружием отправиться в училище и не участвовать в защите Временного правительства.

В действительности такого приказа не было. Капитан Братчиков объяснил мне, что юнкера откажутся покинуть Зимний дворец, так как незадолго до моего прихода состоялось общее собрание частей, находившихся во дворце, на котором по инициативе юнкеров Михайловского училища было предложено желающим покинуть дворец, чтобы оставшиеся могли учесть свои действительные силы.

После этого собрания некоторые колебавшиеся части покинули Зимний, а оставшиеся... возлагали главную надежду на артиллерию...

Капитан Братчиков был одним из наиболее интеллигентных офицеров и считался социалистом. Он соглашался со мною, что лучше всего юнкерам уйти из Зимнего, но... при создавшемся положении...

Разговаривая, они подошли к комнате, где размещались офицеры других частей.

«Я узнал, что Временное правительство вело переговоры со штабом Северного фронта о присылке подкрепления для борьбы с Советами».

Офицеры говорили с иронией, что из городской телефонной сети дворец был выключен, но большевики забыли повредить прямой провод со штабом Северного фронта. Настроение у них было бодрое. Говорили, что до утра продержатся своими силами, а к тому времени подойдут свежие части из Пскова.

Создававшаяся обстановка еще более убедила меня в необходимости ухода артиллерии из Зимнего дворца...

Тогда я предложил капитану Братчикову следующий план: отдать юнкерам приказ вывести оружие на Дворцовую площадь, не говоря о дальнейших действиях...

План Акашева был точно рассчитан психологически — войсковой строй да еще в движении автоматически выполнял команду. Юнкера в конном строю. Выехав на Дворцовую площадь, по команде Братчикова ускорят движение и на рысях последуют за ним в училище, оно — рядом.

Приказ был отдан, юнкера подвели лошадей к оружию, начали запрягать. Приготовления артиллеристов заметили в штабе обороны дворца, капитана Братчикова нашел дежурный адъютант и повел его в штаб.

Заволиновались юнкера, заподозрив неладное: «окружили меня, требовали объяснения. Я сказал, что действую согласно указаний начальника училища и никаких объяснений давать не намерен. Мне пришлось сказать небольшую речь, в которой я требовал исполнения приказа, а не «митингования, которое недостойно юнкеров»».

Уверенный тон Акашева подействовал, юнкера быстро вернулись к оружию.

Появился Братчиков: «бледный, взволнованный, и передал мне, что в своих объяснениях он сослался на меня».

Посланный офицер штаба разыскивал Акашева, который, пользуясь наступившей темнотой, прятался в стороне.

Законали копыта лошадей, артиллеристы тронулись, направляясь к воротам. Акашев сел на подоготовленную для него лошадь. Кто-то указал на него офицеру штаба, тот нагнал Акашева:

— Кто вы такой, почему распоряжаетесь?! — кричал офицер.

«Я делал вид, что не могу справиться с лошадью. На вопросы... отвечал, что сам плохо понимаю, что тут происходит, стараясь поскорее выехать на Дворцовую площадь, я был в конце колонны...»

Все произошло, как и было задумано: едва выехав из ворот, Братчиков повел колонну на рысях через Дворцовую площадь к арке, что вела к Морской улице. Увидев, что пушки ушли, офицер «схватил мою лошадь под уздцы, и, наставив на меня револьвер, объявил, что я арестован. Подбежавшие юнкера других училищ окружили меня... В это время к толпе окруживших меня юнкеров подошел Станкевич, бывший Верховный комиссар Ставки. Юнкера расступились. Со Станкевичем я не был знаком и знал его только по фотографии. «Здравствуйте, товарищ Станкевич», — сказал я, направляясь к нему с протянутой рукой. Возмущаясь, я стал протестовать, почему меня арестовывают, угрожают револьвером. Видя, что мой «маневр» удался, стал выражать еще большее «негодование»...

Станкевич растерялся, сказал, что сейчас же затребует объяснения в штабе, куда и пошел. Отношение юнкеров ко мне после обмена рукопожатиями со Станкевичем сразу переменилось. Со мной стали почтительнее».

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Акашев заявил, что сам пойдет объясняться в штаб округа, который находился на Дворцовой площади. И, не дожидаясь согласия, уверенно зашагал к выходу из дворца, мимо расступившихся юнкеров, на попечение которых оставил его офицер, поспешивший вслед за Станкевичем.

Быстро обогнув в темноте здание штаба, Акашев вышел к набережной Мойки.

«В темноте меня окликнули. Я остановился. Ко мне подошли два солдата с винтовками: «Откуда идешь?» «Из Зимнего дворца». «Вот этих нам и надо». «Вы советские?» «Да, мы стоим за Совет».

Под конвоем меня провели в казармы Павловского полка, где находился штаб, руководивший осадой Зимнего дворца...

Там я встретил своих товарищей по военной секции Петроградского Совета, и мы стали делиться новостями о последних событиях.

К 12 часам ночи Зимний дворец был взят. Временное правительство арестовано.

Н. Акашев».

Эти воспоминания, опубликованные в 1924 году, сопровождалось примечанием автора: «Вышедшие на другой день газеты, преимущественно беспартийные, описывая взятие Зимнего... упоминали вкратце о внезапном уходе артиллерии из дворца, объясняя это действиями «самозванного комиссара». Подробных сведений об этом эпизоде... насколько я знаю, в нашей печати нет. По не зависящим от меня обстоятельствам я не мог до сих пор дать подробного описания обстановки и причин ухода артиллерии...

В своем очерке я старался беспристрастно изложить события, участником которых был, не делая ни выводов, ни заключений. Моей целью было дать исторический материал».

Арест Временного правительства был лишь первым победным шагом Октябрьской революции.

Под Петроградом готовились к штурму войска генерала Краснова, направленные с фронта для подавления Советов.

Военно-Революционный Комитет решил вызвать на помощь подкрепления. Ближайшая надежная опора большевиков — 5-я армия. Необходимо срочно доставить в штаб армии письмо ВРК. Один из руководителей ВРК, Константин Александрович Механович, предложил Акашеву немедленно вылететь в Двинск.

— Константин Александрович, нет в Петрограде самолета, который мог бы без посадки долететь до Двинска, — объяснил Механовичу Акашев, — придется садиться в Пскове, а это опасно. Могут задержать. Да и погода... Посмотрите в окно, что делается.

— Тогда поездом. Раз уж вы здесь, вам и ехать.

«Долго искали денег на дорогу, так как ни у кого их не было, — вспоминал Акашев. — И, наконец, пошли к товарищу Ленину.

— Вы коммунист? — спросил он меня, роясь в своем кошельке.

— Нет, я анархист.

— Ну, это лучше, — сказал он, улыбаясь. — Вот все, что есть в нашей революционной кассе.

Получив тридцать рублей дензнаками семнадцатого года и имея своих около сорока рублей, я в тот же вечер отправился в дорогу.

Я полагал пройти фронт пешком или на лошади, а из Гатчины добраться поездом до Двинска...

Когда я прибыл в штаб советских отрядов под Красным Селом, где тогда командовал товарищ Чудновский, оказалось, что идет бой и до утра нечего было думать о переходе линии фронта.

К утру казаки перешли на нашу сторону...

Царскоесельское радио приняло известие о движении полков в Петроград, на подмогу нам, и я решил вернуться обратно».

Доложил Механовичу, Акашев вернул ему взятые у Владимира Ильича деньги и спросил:

— Что мне делать дальше, я в вашем распоряжении...

— Дел у нас непростор. Мы решили собрать здесь, в Смольном, представителей авиационных частей. Что, Константин Васильевич, нам нужно предпринять в первую очередь организационно? Продумайте.

31 октября в Смольном на комнате № 73 появилась бумажка: «Штаб авиации». Там собрались комиссары авиационных частей Петроградского гарнизона, представители заводов. Многие знали друг друга.

В совещании принял участие председатель Петроградского ВРК Николай Ильич Подвойский. Он умерил пыл сторонников крайних мер против руководящих органов авиации, предложив установить там надежный политический контроль, послать комиссаров, постараться привлечь к сотрудничеству специалистов.

Для руководства было создано Бюро комиссаров авиации. В него вошли: Акашев, летчик прапорщик Можжев и авиамеханик унтер-офицер Андреев (он станет крупным ученым, генералом Советской Армии).

Получив у Подвойского мандат о назначении военным комиссаром Увофлота, того самого, где Акашеву было отказано в зачислении на военную службу, он с товарищами отправился на Фонтанку, 22...

В декабре создан Народный комиссариат по военным и морским делам. Приказом за № 4 создается Всероссийская коллегия по управлению Воздушным флотом. «Председатель Коллегии военный летчик инженер-аэронавт механик Константин Васильевич Акашев...»

В феврале 1918 года В. И. Ленин принял Акашева и двух членов коллегии. Обсуждалось предложение об организации Народного комиссариата Воздушного флота, которое представила Всероссийская коллегия.

Как вспоминал Акашев, Владимир Ильич признал Воздушный флот одним из величайших достижений культуры нашего века, насчет же самостоятельного ведомства Ленин «разъяснил нам, что в данных условиях перед Советской республикой стоит задача более неотложная... укрепить основу страны — народное хозяйство. «Об учреждении Наркомата Воздушного Флота мы поговорим в другой раз», — были подлинные слова Владимира Ильича...

После этой беседы стало спокойно за будущее Воздушного флота Советской Республики. Все сомнения о его дальнейшей судьбе рассеялись...

Комиссар Акашев и его сотрудники, вскоре переехавшие вместе с правительством в Москву, продолжали собирать военно-воздушные силы молодой России, готовить кадры.

Оставаясь в руководстве, Акашев одновременно командует боевыми силами авиации на решающих направлениях. Приведу лишь один документ: Приказ Реввоенсовета Республики от 13 сентября 1918 года. «Солдаты Красной воздушной флотилии 5-й армии! Вся Советская Республика была свидетельницей Вашего несравненного героизма в исторических боях под Казанью... Вы изо дня в день терроризировали белогвардейскую Казань. Вы создали незаменимую разведку... Вы бесстрашно преследовали врага, внося смятение и ужас в его ряды. Честь вам и слава, красные витязи Воздушного Флота!»

Это был результат первого массированного удара авиации в ходе гражданской войны, задуманного и осуществленного Акашевым.

Из биографической справки: «В августе 1919 года, по предложению Главкома товарища С. С. Каменева командовал группой авиации особого назначения по ликвидации рейда кавалерии Мамонтова и летал лично на «Муромцах», бомбардируя белую кавалерию... До декабря 1919 года оставался начальником авиации и воздухоплавания Южного фронта». В это же время Акашев оставался и Начальником Главвоздухофлота. Было ему в ту пору ровно тридцать лет.

Долго и безрезультатно я искал дочерей Акашева. Только недавно, после короткой газетной публикации, где лишь было упомянуто имя Акашева в связи с моими поисками, на следующий день позвонила Елена Константиновна Семашко, невестка первого наркома здравоохранения Николая Александровича Семашко — друга ее отца еще со времен эмиграции. А я искал Елену Акашеву... Если бы в нашей стране была возможность найти человека по девичьей фамилии, то и старшую дочь — Галину Константиновну мог бы увидеть. Как я обрадовался, узнав, что в Горьком живет младшая дочь, Ия Константиновна Акашева, кадровая рабочая, коммунистка, долгие годы депутат Горьковского горсовета. Вместе с ней живет сын, заводской бригадир, коммунист Константин Акашев, названный в честь деда.

А что случилось с самим Константином Васильевичем?

Руководитель крупного московского авиационного завода, он был незаконно репрессирован, приговорен к высшей мере (случилось это в 1931 году...). Была осуждена и выслана жена — Варвара Михайловна Акашева (Объедкова), венчавшаяся с юным Константином еще в киевской тюрьме, прошедшая с ним все тяготы жизни подпольщика, эмигранта, летчика гражданской войны, красного командира...

Больше такого не будет! Никогда!

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Научно - исследовательскому институту лазерной хирургии всего полтора года. Но большая школа молодых хирургов-лазерщиков, выпестованных заслуженным деятелем науки, лауреатом Государственной премии СССР О. К. Скобелкиным, уже давно завоевала высокий авторитет в медицинских кругах — мне довелось рассказать об этом три года назад («Огонек» № 48, 1984 год, «Рождение школы»). Естественно, что и директором НИИЛХ был назначен профессор Скобелкин.

Однако, зная нашу «оперативную» поворотливость, наивным заблуждением было искать на московских улицах парадный подъезд институтского здания с солидной вывеской...

Олега Ксенофонтовича я нашла в том же самом кабинете на пятом этаже хирургического корпуса городской клинической больницы, что и три года назад, когда он заведовал клиникой. Тогда было одиннадцать человек, в институте по штатному расписанию — сто одиннадцать. И все они располагаются каким-то невероятным способом в восьми всего-навсего комнатах той же самой больницы, приютившей исследователей и хирургов, инженеров, лаборантов и делопроизводителей. Хирургические отделения этой больницы — клиническая база института.

НИИЛХу, правда, подобран двухэтажный особнячок, уютно расположенный в глубине Студенческой улицы. Но дому необходим капитальный ремонт, а такая задача пришлось не по плечу или не по нраву мощному Главмосстрою и подчиненным ему организациям: как же, не запланировано...

И вот каждую субботу этим летом кандидаты наук и медсестры выгребали из здания хлам и мусор, оставленный прежними хозяевами. Директор и его заместитель по науке профессор Г. Д. Литвин после операций, сделанных ими утром, «выбивали» дополнительные средства, необходимые на ремонт.

— ...Любой вопрос решается с десяти заходов, а то и вообще не решается.

Олег Ксенофонтович только что пришел из операционной. Там было непросто — рак сигмы, части толстой кишки. Вряд ли операция завершилась бы ко времени, когда мы беседуем, если бы в распоряжении хирурга не было лазерных инструментов.

Профессор не только искусно пользуется ими — он их творец. Совсем недавно, в августе, ему была вручена грамота заслуженного изобретателя России. У него 45 авторских свидетельств, 14 изобретений запатентованы в США, Японии, ФРГ, Швейцарии, Англии, Франции... Большинство из них — на лазерные хирургические инструменты и лазерные сшивающие аппараты.

Во время торжественной церемонии кто-то спросил Скобелкина о соавторах. «Разумеется, есть. Рисую на бумаге эскиз, обсуждаю с коллегами, инженеры превращают его в чертеж и технологическую карту. Приучаю к этому молодых хирургов, многие стали уже сами изобретателями...»

Еще четверть века назад придумал Скобелкин свой первый универсальный зажим, ставший потом прообразом гаммы лазерных инструментов и аппаратов. А изготовили его на... Калининском вагоностроительном заводе. Олег Ксенофонтович тогда работал над докторской диссертацией по пластике пищевода у академика Петровского. В 1962 году подал заявку, авторское свидетельство получил только через четыре года.

Из стального «натюрморта», что лежал перед ним на столе, Скобелкин

В 1986 году в промышленности развитых странах функционировало 200 лазерных центров, институтов, лабораторий, в том числе три всемирных центра — в США, ФРГ и Израиле. Созданы европейская и японская лазерные ассоциации.

Выпуском медицинских лазеров занято 50 крупных иностранных фирм.

По данным американского журнала

«Соджикел Эндоскопи» внедрение только одного АИГ-лазера

в гастроэнтерологии возросло за последние шесть лет в 58 раз

Выручка от продажи этого лазера в 1987 году составит в США 600 миллионов

долларов,

а к 1990—1995 годам достигнет 2,5 миллиарда долларов.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ХРОНИКИ.

9:1
В
ПОМЬЗУ
ЛАЗЕРА,
НО...

ОПЕРАЦИЮ
ВЕДЕТ
ДИРЕКТОР НИИЛХ
ПРОФЕССОР
О. К. СКОБЕЛКИН.

извлек массивный, в точности воспроизводящий ретортообразный профиль желудка инструмент, крайне необходимый для пластических операций на пищеводе.

Пластические и реконструктивные операции на желудочно-кишечном тракте — любимые, если так позволительно будет выразиться, у профессора. Ему подвластны многие органы, включая печень и поджелудочную железу и различные опухоли внутри органов брюшной полости и грудной клетки. Один перечень созданных инструментов займет не одну страницу, а изготавливают их весьма часто все так же полукустарно и полуполюбопытно.

Но вот профессор раскрыл деревянный ларец. А в нем... Сразу даже не опишешь, на что похож этот УПО (ушиватель полых органов): вроде как на затвор ружья. Мой собеседник поставил изящную, как игрушка, съемную стальную каретку на пазы, сдвинул чуть-чуть, и откуда-то из прорезей выскочили металлические скобочки, тонюсенькие, как лапки той самой блохи, которую подковал когда-то тульский Левша. Еще шаг — еще несколько пар скобочек, которые сошьют стенки желудка крепче кетгута. Причем с помощью лазерного луча УПО делает это совершенно бескровно, не касаясь тканей органа. Полная асептика, стерильность и быстрота!

Вот такой он хитроумный, этот УПО! И не случайно мне пришло на ум сравнение со знаменитой блохой: сработав прибор в Туле на знаменитом оружейном заводе.

— Существует всего в двух экземплярах, — комментирует Скобелкин, — а ведь им должен располагать любой хирург, имеющий в своем распоряжении лазер. Или возьмите НЖКА-60, аппарат, накладывающий анастомоз (соединение) стенок полых органов. На одном из московских заводов нам его сделали в лазерном варианте. Но он тоже существует всего в нескольких экземплярах. Выполнен частично за наш счет.

И тут я, к своему удивлению, узнаю, что многие хирурги приобретают инструменты, расплачиваясь наличными.

— А как же курсанты — хирурги, приезжающие к вам на месячные семинары из республик, краев и областей для изучения вашего опыта?

Дело в том, что институту, как раньше лаборатории и отделу, приданы полномочия Всесоюзного центра лазерной хирургии. 600 врачей из всех регионов страны прошли здесь подготовку и получили допуск и удостоверение на право работы с лазерной техникой. Кроме того, 32 зарубежных и 65 советских специалистов осваивали ее тут прямо на рабочих местах, в операционных. Желающих попасть в «школу лазерщиков» очень много, свыше 800 человек, и все «места» в ней заполнены до 1990 года. В дальнейшем обязанности по обучению возьмут на себя центры лазерной хирургии, создаваемые в стране, в Москву будут приезжать врачи для усовершенствования.

— Каждый устраивается по-своему. Берут у нас чертежи, договариваются на местах со своими умельцами, подпольными левшами. Хочется надеяться на то, что промышленность повернется к нам наконец лицом. Столько идей! Думаем уже над новыми поколениями лазерных инструментов и аппаратов. Но никто не берется за их реализацию. Лишь НПО «Мединструмент» в Казани собирается выпустить комплекты опытных образцов инструментов для операций на прямой кишке и желчных путях. Кое-что обещают нам сделать на одном из оборонных заводов, но снова в единичных экземплярах. Генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза» Федоров сумел разместить заказы даже на предприятиях оборонной промышленности. Есть у него и свое собственное производство. Для нас это всего лишь мечты... Ленинградский завод «Красногвардеец» завален заказами на две пятилетки вперед. И отсылает нас к... иностранным фирмам...

Гениальным было открытие советскими и американскими физиками возможности «усиления света в результате вынужденного излучения». Но не меньшим по значимости откры-

тием в масштабах своей области стала попытка использовать могучее, еще до конца не изученное по силе своего воздействия световое излучение лазера — оптического квантового генератора — в медицине.

Первыми в мире объединили хирургические инструменты и аппараты с лазером, изучили их применение в желудочно-кишечной хирургии сначала в эксперименте на животных, потом в клинике, разработали методики профессор Скобелкин и его ученики. В этой области приоритет советской школы бесспорен. По статистике, накопленной школой профессора Скобелкина за двенадцать лет, применение лазерных инструментов в два раза снижает количество послеоперационных осложнений и в три раза — летальные исходы.

А какие достижения у пластической лазерной хирургии?

На экране что-то невиданное — гигантская опухоль, свисающая сзади, в виде фартука, чуть ли не до колена. Человек прожил с ней сорок лет, она у него врожденная. В какие только поликлиники он не обращался, в каких только институтах не был — везде врачи разводили руками.

Операция была сделана в мае 1987 года в НИИЛХ. Ее выполнил хирург А. М. Данилин, дающий мне пояснения, ассистировал кандидат медицинских наук А. П. Якименко. На пленке зафиксированы ее стадии. Вот после так называемой фитогидавлической препаровки, разработанной в институте, луч лазера отсекает папиллому, вот он выкраивает из соседнего участка тела два лоскута. Ими закрывают громадную, 24 на 22 сантиметра, рану...

Никаких осложнений после такой масштабной операции не было. На тринадцатый день сняли швы. Человек здоров, он приходил на проверку, — чувствует себя нормально, сидит, двигается, работает, как все люди. А ведь носил на себе денно и нощно лишние два килограмма шестисот граммов — таким был вес опухоли. Еще одна уникальная пластическая операция.

...Гулую самолет доставил из Таджикистана. Девушка работала на хлопкоуборочном комбайне. Что-то надо было поправить в агрегате, наклонилась — и ее длинные черные косы попали в барабан. Страшно смотреть на то, что стало с ней, оскальпированной... Много-много раз пришлось с помощью лазерного луча пересаживать ей лоскуты кожи. Конечно, они не покроятся естественными волосами, она носит парик. Но все окончилось благополучно.

Есть еще немало и иных заболеваний, которые с успехом лечат с помощью лазерного луча в клинике института.

Чудо-свет способен «запрыгаться» в гибкую трубку и проникнуть по световоду без вскрытия полости в пищевод, желудок, кишечник и удалять, или, как говорят специалисты, «испарять», полипы, даже их «колони»; доброкачественные, так называемые ворсинчатые опухоли; рубцовые сужения — стриктуры; восстанавливать непроходимость при злокачественных образованиях и тем самым, если обычную операцию по возрасту делать поздно, продлевать жизнь человека...

И, конечно же, вне всякой конкуренции лазер в гнойной хирургии. Тут ему подвластны различные воспалительные процессы — от тривиального нарыва — фурункула до коварных флегмон.

Научные сотрудники института под руководством профессора П. И. Толстых осуществили интереснейшее исследование. Были отобраны две группы больных по пятьсот человек в каждой с гнойно-воспалительными заболеваниями мягких тканей. Одних лечили традиционными методами, других — с применением отечественного лазера на углекислом газе. Социально-экономический эффект за счет сокращения предоперационного и послеоперационного времени оказался ошеломляющим: 200 тысяч рублей. Экономисты учли и дополнительные затраты, необходимые на приобретение лазерной установки, она стоит около 22 тысяч рублей. И тогда получилось, что на каждый допол-

нительно вложенный рубль, необходимый для приобретения аппаратуры, приходится девять рублей отдачи! 9:1 в пользу лазера!

Это же прекрасная арифметика.

Не случайно уже несколько лет частыми гостями клиники Скобелкина стали иностранные специалисты. Не случайно профессор был приглашен в этом году в Любек на закладку крупнейшего в Европе медицинского лазерного центра и выступал там с докладами, проиллюстрированными слайдами и вызывавшими дискуссии. Не случайно участники международного лазерного конгресса в Мюнхене приглашали Олега Ксенофонтовича приехать в их страны и продемонстрировать свои методики и советские лазерные аппараты и инструменты. Не случайно представители известной фирмы МББ — «Мессершмитт» предложили профессору Скобелкину сотрудничество, кооперацию, а может быть, даже создание совместного производства по изготовлению лазерных хирургических инструментов и аппаратов... С подобными предложениями обратилась и посредническая итальянская фирма «Аврора»...

Но разве не выгоднее для института, для нашего государства самим изготавливать и продавать эти инструменты и аппараты, подобно тому, как это делает МНТК «Микрохирургия глаза», снабжая своими искусственными хрусталиками многие страны?

— Обращались с письмом к президенту АН СССР, в ГИИТ. Обещана поддержка. В общем, никто не отказывает, но и положение не меняется.

Добавлю от себя: московский завод «Калибр» берется кое-что сделать, но всего одну серию инструментов. Проявил интерес и нуждам института ГПЗ-1. Но мог бы взяться за изготовление хирургических лазерных инструментов и приборов только при условии, если Госплан СССР утвердит эту продукцию как товары народного потребления. Такое преимущество получили отдельные виды инструментов по микрохирургии глаза и ортопедии. Значит, настала пора причислить к ним и другой медицинский инструментальный и оборудование. Это один путь решения проблемы, и не самый короткий. Второй — зарубежные партнеры, способные наладить производство на взаимовыгодных условиях за какие-нибудь полгода.

— Мы привыкли к тому, что медицина только берет от государства средства и ничего материально не создает. К сожалению, это стало традиционным, — высказывает свою точку зрения В. В. Кулабухов, начальник коммерческого отдела всесоюзного объединения «Техноэкспорт». Он приехал в разгар нашей беседы с Олегом Ксенофонтовичем, завтра предстоит встреча с Руди Кринером, менеджером германской фирмы «Оптимейшен». — Сегодня мы убедились в том, что медицина наша способна приносить доходы, даже валютные. НИИЛХ располагает огромным потенциалом, как и институт Федорова.

Кулабухов набрасывает схему. Первое. Изготовление лазерных инструментов и приборов и продажа их за валюту. Кое-что делается для реализации такой возможности. Второе. Подписан протокол о сотрудничестве по совместным курсам усовершенствования врачей в Москве и Генуе. Предполагается, что НИИЛХ обеспечивает программу обучения по своим методикам, итальянцы — обеспечение аппаратурой и инструментами и тут и там. Обучение за валюту. Третье. Лечение иностранных больных. Должны быть построены типовая клиника на 60 мест и гостиница. К проектированию такого центра лазерной хирургии подключен Гипроиницздрав. По поводу строительства ведутся переговоры с зарубежными фирмами.

И, наконец, последний источник валютных поступлений. В перспективе — тиражирование таких центров и продажа их за рубеж.

...А как сделать достижения науки достоянием массовой врачебной практики? Взять шефство над обычными районными поликлиниками, открывать консультационные отделения? Но, когда речь зашла об этом на Ученом совете института, все сошлось на том, что усилия должны быть приложены концентрированно, в одном месте. Где? Вопрос этот, вероятно, долго бы парил в воздухе, если бы не совпал по времени с назначением

министром здравоохранения СССР Е. И. Чазова. На примере создания Всесоюзного кардиологического центра академик убедился в высокой эффективности специализированных не только лечебных, но и консультационных учреждений. «Принято решение,— сообщал министр прессе,— о введении нового типа учреждения — диагностического центра, в котором будут сконцентрированы сложные и малодоступные сегодня методы диагностики».

Трезво оценивая свои возможности, молодой, еще не окрепший институт лазерной хирургии не замахивается на глобальные задачи, но вот что оказывается ему по плечу: Межрайонный лечебно-диагностический центр хирургии — МЛЦХ.

Читаю временное положение о нем. Центр предназначен для оказания «...высококвалифицированной консультативно-диагностической и лечебной помощи больным хирургического профиля, направляемым из городских поликлиник для взрослых Киевского, Краснопресненского и Кунцевского районов Москвы». А ведь в этих районах проживает около 700 тысяч человек — город, равный по крайней мере Ярославлю. И далее: «МЛЦХ организуется на базе 92-й городской поликлиники... Научно-методическое руководство осуществляет НИИ лазерной хирургии МЗ СССР».

В положении подробнейшим образом перечислены обязанности, которые добровольно возложил на себя институт по оказанию лечебной помощи больным с гнойно-воспалительными заболеваниями мягких тканей, доброкачественными новообразованиями, рубцовыми деформациями на послеоперационное долечивание и реабилитацию во врачебно-физкультурных диспансерах и районных поликлиниках.

Что еще можно сказать по этому поводу? В. Мудрак, начальник Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома, подписал 29 мая 1987 года соответствующий приказ, которым утверждается временное положение МЛЦХ, а также рассматриваются организационные, штатного расписания и финансовые вопросы. Вот это и есть пример перестройки здравоохранения на деле, совершенствования его основного звена — амбулаторно-поликлинической службы. МЛЦХ позволит избежать диагностических и тактических ошибок в оказании хирургической помощи населению, сократить сроки временной нетрудоспособности, а вместе с тем увеличится «пропускная» способность больниц, так называемая койкооборотность.

Оставалось лишь познакомиться с бывшей поликлиникой № 92, которая, думалось, уже давно перестроилась. Увы!

...Арбат, улица Вахтангова, 4.

А. Е. Тихомиров, главный врач поликлиники № 92, обескуражен моим преждевременным визитом. Да-да, он знает, был такой приказ, но писать, извините, не о чем.

— Я кровно заинтересован в том, чтобы поскорее этот центр открылся. Правда, с помещением не блестяще, но, может быть, придадут еще одно здание в Серебряном переулке. Все дело в штатах. Надо сорок ставок. Но где их взять? Киевский район наскреб полторы ставки, Краснопресненский — одну, Кунцевский молчит. Мы уже подбираем молодых специалистов, но Глаздров Мосгорисполкома этот вопрос так и не решил...

Проблемы, проблемы... Я коснулась далеко не всех — малой, меньшей их толики и наиболее обнаженных. Тех, которые надо решать не завтра, а сегодня. И еще вчера. Научно-исследовательскому институту лазерной хирургии нужна действенная помощь!

ВЗРОСЛЫЕ ВОПРОСЫ ДЕТСТВА

Академик АПН СССР Артур Владимирович ПЕТРОВСКИЙ,
автор многих работ, посвященных психологии детей и подростков,
отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Новеллы ИВАНОВОЙ

Недавно я была свидетелем события, которое не могло оставить равнодушным того, чье сердце знает цену добру и милосердию. В Колонном зале Дома союзов делегаты и гости учредительной конференции Советского детского фонда имени В. И. Ленина, стоя, аплодировали пожилой женщине, а она со слезами на глазах кланялась залу. Это была Антонина Павловна Хлебушкина, которая в военные годы создала в Ташкенте детдом и за 45 лет директорства вырастила 3280 ребятишек. Тридцать пять воспитанников сегодня носят фамилию Хлебушкины. И хотя в тот день много поистине замечательных людей собралось в Колонном зале, мне представилось, что именно она, Хлебушкина, эта ВЕЛИКАЯ МАТЬ, олицетворяет ту любовь и доброту, благодаря которой рожден Детский фонд, которому предстоит стать фондом нашей общей доброты. «Фонд не должен, да и не может заменить государственные усилия в пользу детства», — подчеркнул, выступая на конференции, писатель А. А. Лиханов, избранный председателем правления фонда. — Речь идет о дополнительном народном соучастии. Не только государство должно помочь народу, но и народ — государству». И многие читатели нашего журнала в письмах выразили готовность прийти на помощь детям, семье. Первыми откликнулись многодетные матери и воспитанники детских домов. И вот что вызывает тревогу — в их рассказах о бездушии, черствости часто обидчиком оказывался... педагог!

Артур Владимирович, какие педагогические и психологические проблемы вытекают из постановления партии о необходимости коренных перемен в деле воспитания и защиты обездоленных детей и как тут может проявить себя в деле Детский фонд?

— Я всей душой приветствую эту новую массовую организацию, созданную во имя детей! Сегодня, когда мы во весь голос говорим о том, что происходила в течение длительного времени девальвация таких общечеловеческих ценностей, как милосердие и доброта, дети первыми страдают от их дефицита. И цель фонда не только оказать материальную помощь детским домам, семьям, детям, но пробудить нашу совесть, сердце и милосердие людей к добру. Предстоит обратиться к детству духовное самосознание народа, а это непростая задача! Но решить ее можно только объединенными усилиями местных органов государственной власти и управления, ученых, общественных организаций, от деятельности которых зависит духовное и материальное благосостояние детей. Детский фонд мог бы собрать под свои знамена лучших представи-

телей нашей педагогики и заняться также психологическим всеобучем родителей.

В нашей образовательной системе есть область, которую бы я уподобил спокойной глади застоявшейся болотной воды, которую не кольхнул ветер перемен. Это сфера детских домов, домов ребенка, интернатов, а также воспитания детей в семье, и особенно многодетной. Если говорить о первой из них, то, пожалуй, здесь, как нигде, долгое время попирался важнейший принцип нашего общества — все для блага человека. Что касается второй, то она издавна была задвинута на задворки народного образования и педагогической науки. Существующий в одном из НИИ АПН СССР сектор семейного воспитания не оказал сколько-нибудь приметного влияния на дела и судьбы советской семьи, не стал тем научным центром, который мог бы создать основы семейной педагогики и психологии, способствуя их внедрению в каждый дом. Только в последнее время начинает набирать силы сектор школ-интернатов и детских домов, с недавних пор возглавленный писателем А. Лихановым. Дел здесь непочатый край. Ведь одна из первых забот фонда — защита ребенка, отвергнутого семьей или отнятого по веским основаниям у нее законом. На учредительной конференции была обнародована печальная цифра — 300 тысяч детей живут в домах ребенка, в детских домах, школах-интернатах для сирот, причем девяносто пять процентов этих детей — сироты при живых родителях! Задача, которую ставит перед собой фонд, — в кратчайшие сроки проверить состояние всех этих детских учреждений — должна решаться совместно с педагогами и психологами.

— В постановлении ЦК КПСС говорится о том, что признано целесообразным создать в Москве Научно-исследовательский институт детства Академии педагогических наук СССР и Советского детского фонда имени В. И. Ленина. Каким вы видите это учреждение?

— Трудный вопрос... Легче всего было бы сказать, каким оно не должно быть. Во всяком случае, это учреждение, как мне кажется, не должно оказаться аналогом других НИИ АПН СССР, с их узкоспециализированными задачами и направлениями работы. Очевидно, ему следует иметь комплексный характер, отве-

чающий многогранности сложнейшего социального явления, именуемого детством, которое переходит в отрочество и юность. Сама идея чего-либо подобного была не ко двору в те одиннадцать лет, когда я работал в президиуме академии. Прежде всего, на мой взгляд, это должно быть не только научно-исследовательское, но и научно-практическое учреждение с выходом в интернаты, детские дома, семью. Детство как социальное явление должно стоять в центре внимания создаваемого института. Поэтому очевиден многопрофильный его характер: психология и педагогика семейного воспитания и воспитания детей в закрытых учебных заведениях (дома ребенка, детские дома, спецшколы для несовершеннолетних правонарушителей и др.), социология и этнография детства, проблемы неформальных групп и т. д.

— Очевидно, экспериментальная база для института — дома ребенка, детские дома и интернаты. Они уже давно ожидают внимания ученых и, вероятно, беспрепятственно откроют двери и для исследований, и для опытной работы. Но семья? Пустит ли она научных сотрудников в «святая святых» семейного очага?

— Мне кажется, что добровольность их помощи в работе института будет обеспечена заинтересованностью в консультации квалифицированных специалистов, к примеру, психологов. Сейчас пока недоступная мечта — «семейный доктор». А «семейный психолог» разве плохо? Особое внимание должны привлекать семьи, взявшие на воспитание детей, оставшихся без родителей, а также неполные семьи различного состава. И, конечно, как совершенно справедливо говорилось на учредительной конференции, не должна впрямь уходить на периферию общественного интереса многодетная семья. Современная семья, ее нравственные, социальные, экономические, демографические и личные проблемы должны стать предметом самого серьезного исследования ученых АПН СССР совместно с Детским фондом.

— Непосредственным поводом для создания этого фонда послужило главным образом тяжелое положение, в котором находятся детские учреждения закрытого типа. Считаете ли вы, что в домах ребенка, интернатах могут быть созданы условия для полноценного воспитания детей?

— На мой взгляд, решающим обстоятельством и здесь окажется че-

для его душевного благополучия чувство защищенности — папа, мама, бабушка, старший брат в обиду не дадут.

— А в детском доме это разве невозможно?

— Нет, почему же! Был, рассказывают, такой случай в душанбинской спецшколе. Воспитатель Н. обижал детей, оскорблял их, проявлял нечестность. Об этом узнал Ахмет Хасанович. То, что произошло дальше, не укладывается в традиционные рамки методики воспитательной работы. Кучкаров построил во дворе школы всех воспитанников, вызвал оркестр — ребятшек в голубых гусарских мундирах с аксельбантами. Н. был поставлен перед строем. Затем Кучкаров приказал открыть входные ворота и скомандовал, повернувшись к Н.: «Вон из школы! Оркестр, марш!» Грянули трубы... Как он потом выходил из положения в республиканском министерстве, мне неизвестно, но ребята всегда твердо знали, что в обиду дирекция школы их никому не даст.

— Получается, что главная задача не только в том, чтобы разрешить материальные проблемы «большого детства» — построить новые детские учреждения и привести в порядок прежние, но обеспечить их гуманными, образованными руководителями, воспитателями! Где найти педагогов, которые любят детей и готовы пойти на эту тяжелейшую работу, которая, кстати, оплачивается пока что не так, как она того заслуживает.

— Верно, эта задача — одна из самых трудных! Ведь, по существу, к такой работе надо готовить человека со школьной скамьи, а когда придет выпускник школы в педвуз, надо, чтобы с первых дней он себя готовил именно к этому нелегкому делу. Пока у нас не существует дифференцированного подхода к подготовке педагогов, мы готовим их на одну, как говорится, колодку. А ведь в этом случае речь идет о подготовке будущего отца большого и трудного семейства! Разве не так? И тут наши пединституты в большом долгу перед детьми. Нужно вопрос о такой дифференцированной подготовке решать уже сейчас, не откладывая на завтра. Может быть, стоит открыть специальные отделения в педвузах и тщательно отбирать туда кандидатов, причем подумать о более высокой стипендии. Ведь это должны быть люди, не только имеющие педагогический дар, но готовые идти на педагогический подвиг!

— Можно полагать, что одной из центральных проблем для Института детства станет создание науки о ребенке. С другой стороны, такой наукой была педология, но она же была осуждена, признана лженаукой.

— История педагогики не менее истории других наук нуждается в правдивом освещении событий прошлого. К сожалению, и здесь в течение многих лет полуправда выдавалась за правду. Так произошло и с наукой о ребенке — педологией.

Между тем есть ли у нас основания видеть эти давние события только под тем углом зрения, под которым их воспринимали тогда, в 1936 году, после известного постановления ЦК о педологических извращениях в системе наркомпроса? Педология — наука о детях — формировалась под влиянием двух плодотворных идей: идеи развития ребенка с изучением эпох, фаз и стадий детского возраста в их зависимости от различных условий и идеи целостного изучения ребенка психологией, анатомией и физиологией детского возраста. Разработкой проблем педологии занимались до середины 30-х годов выдающиеся советские психологи, физиологи, врачи М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, Е. А. Аркин, Д. Б. Эльконин, И. А. Соколянский и многие другие. Получив богатый экспериментальный материал, они существенно углубили понимание процессов формирования личности ребенка. Вместе с тем на этих новых, нехоженых путях было совершено немало серьезных ошибок и в теории — предмет педологии как науки тогда определить не сумели, и в школьной практике методы изу-

чения ребенка часто оказывались научно не обоснованными. Наука проходила стадию своего становления — многие просчеты к 1936 году были устранены, многие еще сохранялись. В постановлении ЦК эти ошибки были высечены. Тем самым, казалось, возникли возможности для дальнейшего благотворного развития науки о детях, если бы не одно обстоятельство — формулировка о «лженауке». И этого оказалось достаточно, чтобы в трагических обстоятельствах этого и последующих, 1937 и 1938, годов развернулись события, в общих чертах за 12—15 лет предвосхитившие ситуацию с генетикой. Слово «педолог» стало столь же ругательным, как позднее «вейсманист-менделист-морганист». От ученых, разработавших педологию, требовали покаяния, видели в них «вредителей» и т. д. Ситуация особенно обострилась после ареста наркома просвещения А. С. Бубнова, репрессий против ряда сотрудников Наркомпроса, руководство которого, и прежде всего А. С. Бубнов и Н. К. Крупская, невольно оказалось в роли покровителя «лженауки». Таким образом, сложился непреодолимый стереотип мышления.

Тем не менее я убежден: Институт детства, в котором Академия педагогических наук СССР будет сотрудничать с Детским фондом, неизбежно станет тем центром, где предстоит разработать комплексную науку о детях, используя все достижения современной психологии, физиологии, педиатрии, социологии, этнографии, не опасаясь, что кто-нибудь нацепит на нее какой-либо новый ярлык.

— И разгром педологии не препятствовал развитию психологической науки?

— Препятствовал, и весьма. Вскоре последовало уничтожение психотехники со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями для судьбы психологии труда, инженерной психологии и других прикладных отраслей психологической науки в нашей стране. Здесь во многом причины ее отставания в практической сфере от западной, и прежде всего американской, психологии. (Замечу, что в США больше 100 тысяч психологов, у нас же всего 5 тысяч.) На многие годы были выведены из научного оборота идеи Л. С. Выготского, П. П. Блонского и других психологов. Изучение того, что есть ребенок, все более заменялось декларированием того, каким он должен быть. Были изъяты из употребления диагностические методы при изучении детей и вообще любые тесты. Если педологи справедливо упрекали за то, что в результате ошибок при диагностике ребенок без должных оснований зачислялся в разряд «умственно отсталых», то в настоящее время из-за застоя в разработке психологической диагностики дети с серьезными дефектами развития психики нередко сидят, страдая, рядом с нормальными детьми и мешают работе всего класса, создают огромные трудности для педагогов. В середине 30-х годов Государственный институт психологии, педологии и психотехники с мрачным юмором именовали «институтом трех покольников». Хорошо еще, что этот исторический центр психологической науки, который в наши дни стал ордена Трудового Красного Знамени НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, тогда, во времена сокрушительных вердиктов, не закрыли.

— Определяя перспективы работы Института детства, нам надо, очевидно, помнить не только об ошибках, допущенных в те далекие годы, но и о том, что было достигнуто?

— Так и только так! Не следует забывать, что советская система образования, которая сложилась после Октябрьской революции, возглавляемая А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, М. Н. Покровским, была, несомненно, самой передовой в мире. Решались, и успешно, грандиозные задачи ликвидации неграмотности, строилась новая, свободная от классовых и сословных оков новая школа,

развивалось детское самоуправление, широко использовались новые методы обучения, уходила в прошлое убогость церковноприходских школ. Советская образовательная система была, по существу, гигантской педагогической лабораторией, где выверялись новые подходы к обучению и воспитанию детей. В. И. Ленин проявлял внимание к проблемам коммунистического воспитания и народного образования, знал имена и работы ведущих советских педагогов. Так, например, его интересовали работы уже упомянутого мною П. П. Блонского. Один американский журнал писал в те годы, что педагогические департаменты всех стран мира должны держать в Советской России своих постоянных представителей. Тогда советская школа получила тот импульс к развитию, который в дальнейшем многие годы определял ее судьбы.

Новому институту придется решать трудные задачи. Но кому много дано, с того много и спросится. А постановление ЦК дает многое. Отсюда и надежды. Во-первых, это, бесспорно, будет учреждение нового типа, рожденное перестройкой и, я надеюсь, уже поэтому во многом лишенное груза обветшавших педагогических догм и стереотипов мышления. Во-вторых, оно должно быть, как я уже говорил, построено на принципах комплексного подхода — проблемы школы и семьи завязаны в один узел. В-третьих, я надеюсь, что его двойное подчинение — Академии педагогических наук СССР и Советскому детскому фонду имени В. И. Ленина — поставит институт под постоянный контроль общественности и предельно повысит ответственность его сотрудников. Наконец, в-четвертых, думается, это будет учреждение, которое станет основной базой для такой экспериментальной работы с детьми, которая бы обеспечила построение научно обоснованной модели счастливого детства, не словесное декларированное, а такого, которое оказалось бы доступным всем детям нашей страны и которое не было бы отягощено нашими ошибками и просчетами.

— Вы, видимо, не случайно, говоря о детстве, подчеркиваете: счастливое детство. На вашей да и на моей памяти время, когда мы все благодарили одного человека «за наше счастливое детство» — безотносительно к тому, было или не было оно для всех счастливым. Сейчас детей наших несчастными не назовешь. Однако цифры и факты, обнародованные на учредительной конференции Советского детского фонда, свидетельствуют о том, что общественность, объединившаяся для такого благородного дела, как защита и охранение детства, должна иметь конкретное представление о проблемах детства и реальную возможность, чтобы разрешить их во благо каждого ребенка.

— Вы правы, конечно. Однако подобно тому, как скорость движения колонны определяется скоростью движения ее арьергарда, обеспечение счастливого детства для всего нашего подрастающего поколения определяется тем, обретут ли его заброшенные дети, которые находятся на улице, в семье, в детских домах, во вспомогательных школах и интернатах. Число этих детей, я знаю, много больше, чем мы представляем. Для Института детства научным и нравственным кредо должен стать девиз «Счастье всем детям, и пусть никто не уйдет обиженным!». Гуманность, стремление к справедливости, отбрасывание бюрократического формализма и показушности, все, к чему призывает постановление ЦК, должно пронизывать работу этого особого учреждения, имеющего, я не боюсь этого слова, «миссионерское» значение по своей социальной и нравственной роли для детей нашей страны, как и вся деятельность Советского детского фонда имени В. И. Ленина, частью которого он станет.

ловеческий фактор, то есть личность директора детского дома, школы-интерната и его ближайших сотрудников. Мне запомнилось одно закрытое учебно-воспитательное учреждение, работу которого мне довелось изучать несколько лет назад.

Речь идет о республиканской специальной школе для несовершеннолетних правонарушителей г. Душанбе. В бюджете таких школ есть специальная статья, предусматривающая расходы на поиски «побегушников» — тех, кто не захотел здесь жить. Директор школы кандидат педагогических наук Ахмет Хасанович Кучкаров, один из самых замечательных педагогов-новаторов, каких я когда-либо знал, недавно ушел из жизни. Никакие комиссии, которые его постоянно одолевали, ему теперь не страшны, и я скажу, как он тратил эти деньги! Если и «сорвется» какой-нибудь не успевший оглядеться новичок, то через несколько часов старшие воспитанники найдут его и без милиции. Впрочем, такие случаи были крайне редки и финансовых затрат никак не требовали, но деньги по этой статье пригодились, и весьма. К примеру, ребята этой спецшколы четыре года подряд выигрывали Всесоюзную телевизионную игру на лучший пионерский отряд страны. «Один за всех, все за одного» называлась эта игра. Заметьте, разве это не девиз хорошей семьи? Вот и послал Кучкаров победителей, этих вчерашних бродяжек, хулиганов, токсикоманов, поездом «Дружба» по городам-героям, и шли эти деньги на дополнительные дорожные расходы, на мороженое, на кино и театры!

— Вы хотите сказать, что в душанбинской спецшколе была тогда создана обстановка родной семьи?

— Конечно, вы имеете в виду хорошую, дружную семью, где царит взаимная любовь, не правда ли? К сожалению, в подобном учебном заведении можно, но трудно ее полностью воспроизвести. Есть проблемы, которые нелегко разрешить. Необходимо глубокое социально-психологическое исследование условий, которые дали бы возможность для того, чтобы построить оптимальную модель семьи и реализовать ее в практике детских домов. Достаточно указать на то, что семья обеспечивает ребенку психологически важную для него возможность уединения, передышку от необходимости постоянно находиться на глазах окружающих. Парадокс: в домах ребенка дефицит общения порождает задержки психического развития — так называемый госпитализм. В детских домах переизбыток общения создает эмоциональный дискомфорт и травмирует личность ребенка. Семья обеспечивает ребенку также столь необходимое

НЕКОТОРЫЕ
РАЗДУМЬЯ
К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ИЛЬИ
ЧАВЧАВАДЗЕ

Георгий.
МАРГВЕЛАШВИЛИ

ПОВСЮДУ И ВСЕГДА Я, ГРУЗИН, С ТОБОЙ!

ПОЭТ
МАРК МАКСИМОВ
СВОЕ
СТИХОТВОРНОЕ
ПОСВЯЩЕНИЕ
«ПАМЯТИ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ»
НАЧИНАЛ
ТАКОЙ СТРОФой:

Когда курки лепажей отгремели
и Пушкин,
пав на русский снег,
угас,—
грузинский мальчик закричал
в Кварели —
он родился почти в тот самый час.

завца, подстерегавшего его у села Цицамури. Черная речка и Цицамури остались в сознании наших народов горестными символами трагических событий, связанных с их великими сыновьями.

...Это утро. Пустое кафе.
Я, входящий в чудесном смятенье.
Это Пушкин!.. И спутницы-тени:
Экатомба и аутодафе.

Пистолет иль костер? Все равно.
Черный остов — иль малая ранка...
Для избранников этого ранга
Честь жены, честь эпохи — одно.

Где по мраморному алтарю
Жилка мерзлая — Черная речка,
Там тебе — только нож да овечка.
Слышишь, чернь, это я говорю.

Я тебе говорю, воронье:
Весть о жертве, о жесте высоком
Ты встречаешь желудочным соком —
Ты всегда получаешь свое.

Так писал Галактион Табидзе. У него же в 1920 году, за год до установления Советской власти в Грузии, родились такие строки:

Когда в Цицамури убили Илью,
С ним нехотя век величавый скончался.
Но мост феерический в небе качался,
Когда в Цицамури убили Илью.
...Настал год восьмой. Но грядущий пример
Маячил мне тенью лишь в снах вождя: востановленных:
Плыл «Далаид» по волнам восставшей
вселенной...

В послещицамурском трагическом мраке он провидел «восставшую вселенную». Так проследивалась связь времен, связь подвига жизни и творчества Ильи Чавчавадзе с судьбой его великого предшественника и с теми свершениями, свидетелем которых был Галактион Табидзе в Петрограде 17-го и 18-го годов.

Душе и совести другого грузинского поэта, Георгия Леонидзе, воспоминания о Цицамури диктовали такую программу:

Что впредь — огни каких побед,
Какие дни, какие бури?
Я шел. А в черном Цицамури
В то время умирал поэт.
...Поэтам — им поблажки нет.
От пули никуда не деться.
И тридцать новеньких монет
Уже нашли карман владельца...
...Спешил мой конь. Он был бы рад
Поспеть к последней переправе.
Постой! Отныне я не вправу
Пологий берег выбирать.
Теперь мой путь — встает вверх.
Он крут, он гибелен и вечен.
Я стал поэт. И я ответчик
За вас, за них, за все, за всех...

Да, именно так: и жизнью своей, и смертью Ильи Чавчавадзе запрограммировал своих соотечественников на все грядущие года.

А начиналось-то все с подступов к 60-м годам девятнадцатого века. В. И. Ленин позже скажет, что «1861 год породил 1905». Роль же девятисот пятого года в дальнейшем ходе истории известна. Он был репетицией 1917-го. И вот в эпоху, когда выступил Илья Чавчавадзе (и его спо-

движники, в первую очередь Акакий Церетели и Нико Николадзе), борьба за новое в условиях Грузии была особенно сложной и острой, ибо она включала в себя запутанный комплекс социальных, философских, этических, эстетических проблем, поставленных разом, одновременно. На долю грузинских шестидесятников в силу исторического развития страны выпало решение таких идейно-художественных задач, которые, скажем, в русских условиях решались не в одной, а в нескольких литературных эпохах, несколькими поколениями литераторов — от Пушкина и Гоголя до Чернышевского и Некрасова. Не следует в этой связи забывать и того, что творчество Н. Бараташвили, внутренне родственное Лермонтову и Баратынскому, вошло в «литературный обиход» лишь к началу 60-х годов и во многом благодаря усилиям, приложенным тем же Ильей Чавчавадзе, а все произведения Гр. Орбелиани с демократической и реалистической окраской были созданы также в 60-х, а то и в 70-х годах. И чтобы распутать этот фантастический клубок из нитей грузинского классицизма, сентиментализма, догматического архаизма, восточного романтизма, в высшей степени осложненный социальной подосновой каждого из этих течений, и утвердить в грузинской литературе совершенно новую революционно-демократическую традицию, вплотную подходя к этапу зарождения социалистического искусства, для этого действительно нужно было быть титаном мысли, воли, чувства, слова, действия.

Свое детство Илья Чавчавадзе провел в родном Кварели, учился с деревенскими ребятами в домашней школе у священника, отличного знатока истории Грузии. Его рассказы навсегда запомнились будущему поэту. Окончив тифлискую первую гимназию, рано осиротевший Илья поступил в 1857 году в Петербургский университет, где проучился четыре года и был исключен за участие в революционных выступлениях студентов. В своих «Записках проезжего» Чавчавадзе писал: «Четыре года!.. Поймешь ли ты, читатель, какими годами были для меня эти четыре года!.. Эти четыре года были фундаментом жизни, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмой. Но не для всякого! Только для тех, кто поехал в Россию развить ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок... О, вы, золотые мои четыре года!.. Счастливы вы, кто плодотворно использовал вас!..»

Большинство стихов и три поэмы написаны поэтом в Петербурге или его окрестностях. Там же создана большая часть его прозаических произведений. Подчеркиваю это, так как, вернувшись на родину, Илья Чавчавадзе оказался настолько поглощенным общественно-литературной и чисто практической деятельностью, связанной с национально-освободительными и революционно-демократическими задачами, что у него редко «доходили руки до пера» в смысле художествен-

Восьмьсот тридцать седьмом году, когда Россия и все человечество потеряли величайшего поэта, в грузинском селении Кварели родился мальчик, которому предстояло стать великим сыном своего народа и своего времени, чтобы в начале века двадцатого, в девятьсот седьмом году, быть подло убитым пулей мер-

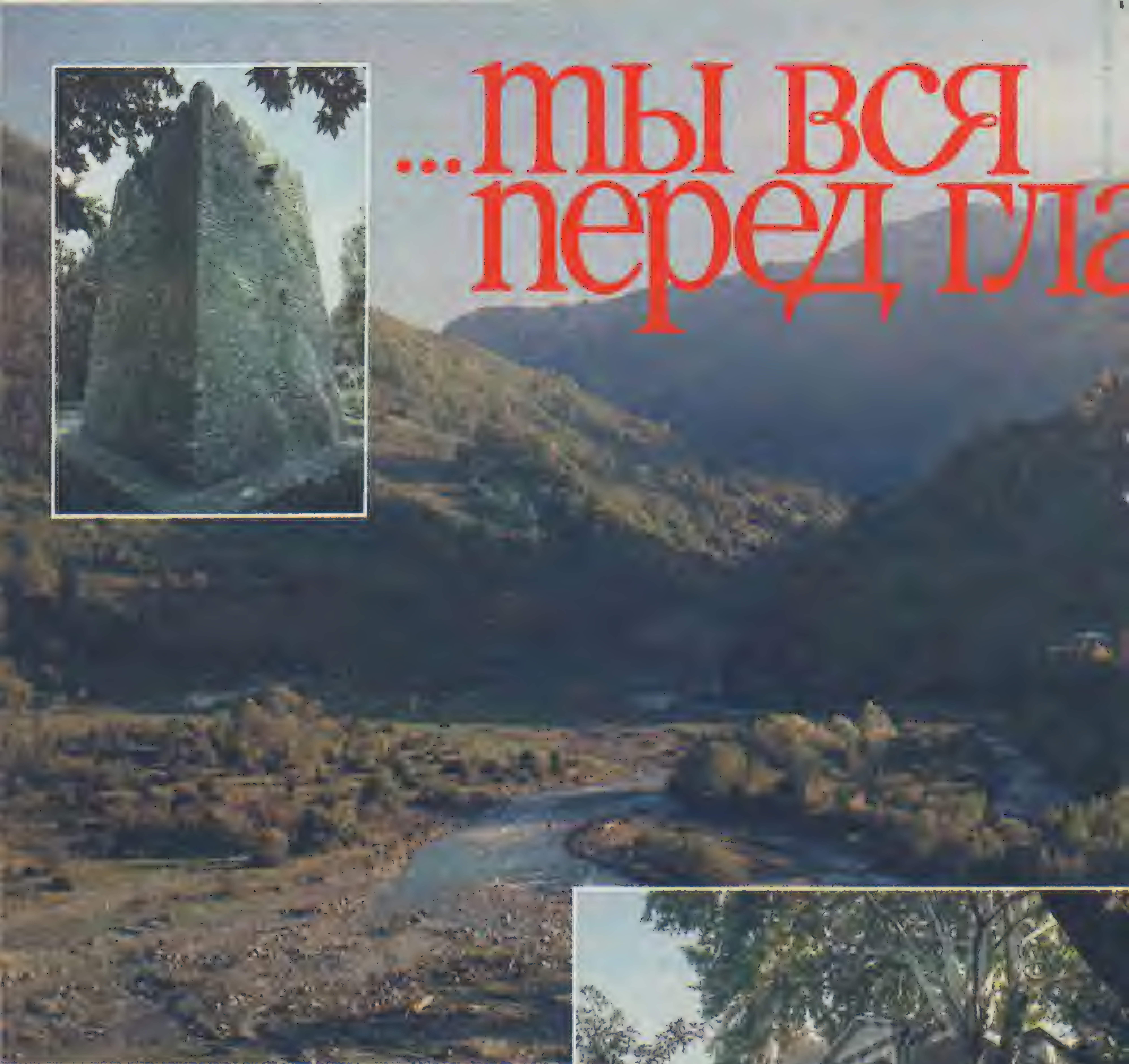

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ. Портрет работы Г. И. Габашвили.

...мы вся перед гла

По морю жизни я плыву один,
Средь бурных волн —
                    бесцельно и бездумно,
Надеясь в плену морских
                    стремини
Мне не на что и
                    неблагоразумно.

А волны в лодку маленькую
                    бьют
И, споря с ней, вскипают
                    там и тут,
Пока еще пронгывая
                    в споре.
Я жду, кто победит —
                    она или море.

Неопытен я, некуда бежать,
Подкинуло, швырнув меня
                    опять,
Я знаю, что погибну
                    по желанию
Его, когда ударит мощной
                    дланью.

И след мой бесполезный под
                    водой
Растает вмиг, под сенью волн
                    густой...
Но если так расправится
                    со мною
Оно, не плачь! Я слез твоих
                    не стою...

ВЛАСТИТЕЛЕМ ДУМ НАЗЫВАЛИ НА КАВКАЗЕ ИЛЬЮ ЧАВЧАВАДЗЕ.
ПОЭТ, ПРОЗАИК, ДРАМАТУРГ, КРИТИК, УЧЕНЫЙ, ИСТОРИК,
ОН ВМЕСТЕ С АКАКИЕМ ЦЕРЕТЕЛИ СТАЛ ДУШОЙ ГРУЗИНСКИХ
ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ — «ТЕРГДАЛЕУЛИ».
СВОБОДОЛЮБИВЫЙ ДУХ РОДНОЙ ГРУЗИИ
ВДОХНОВЛЯЛ ПОМЫСЛЫ И СЕРДЦЕ ЧАВЧАВАДЗЕ.

азами!

●
ЗДЕСЬ
В КВАРЕЛИ,
НА ВОСТОКЕ
ГРУЗИИ,
В 1837 ГОДУ
РОДИЛСЯ
ИЛЬЯ
ЧАВЧАВАДЗЕ

●
ДОМ В УСАДЬБЕ
ЖЕНЫ
И ЧАВЧАВАДЗЕ
ОЛЬГИ
ГУРАМИШВИЛИ
В САГУРАМО

●
КАХЕТИЯ —
РОДИНА ПОЭТА

НА БЕРЕГУ КУРЫ

Л. Мегалашвили

Опять Кура бежит передо мной,
Опять внимаю шуму я родному,
И сердце над стремительной волной
Опять скорбит, прислушавшись
к былому.

Мне тяжких дум не вынести таких,
Открылась рана, кажется горячей...
Смотрю на волны эти, словно в них
Погребено минувшее, и плачу.

Смели тебя, блаженная пора,
Как след, как пыль с поверхности
зеркальной...
О, сделай милость, выслушай, Кура,
Тем временам мой стон пошли
прощальный!

Перевел с грузинского Александр КУШНЕР

● ПАМЯТНИК ИЛЬЕ ЧАВЧАВАДЗЕ
И АКАКИЮ ЦЕРЕТЕЛИ В ТБИЛИСИ.

● РАБОЧИЕ КАБИНЕТЫ ПОЭТА В ТБИЛИСИ
И В САГУРАМО.

● ЗДЕСЬ, НА ГОРЕ МТАЦМИНДА,
ПОКОИТСЯ ПОЭТ.

ного творчества. Но нужно сказать, что и публицистика его, и литературно-критические, и культурно-исторические статьи да и выступления в любом жанре были, ко всему прочему, блестящими литературными произведениями высокого художественного уровня, по сей день сохранившими свою ценность.

Поле деятельности Чавчавадзе было необычайно широко. Организатор и редактор самых передовых для своего времени газет и журналов (особо следует выделить из них «Иверию»). Председатель правления Грузинского земельного банка, созданного для поддержки национальных культурных учреждений: театра, издательства, учебных заведений. Председатель Общества по распространению грамотности среди грузин. В условиях русификаторской политики царского правительства оно охватило всю Грузию сетью начальных школ с обучением на родном языке. А затем по инициативе Чавчавадзе открылись и грузинские гимназии в Тифлисе и Кутаиси. Этнография, историография, собирание и изучение памятников старины, фольклор Грузии. Но никогда Чавчавадзе не замыкался в сфере чисто национальных интересов. Любовь и уважение к русскому народу были неотъемлемой чертой его натуры, а не только гранью его мировоззрения. А Украина? А народы Кавказа? Ведь свобода — национальная или социальная, а то и во взаимном переплетении — была целью и идеалом всех народов, именно народы. Соратник Ильи Чавчавадзе Акакий Церетели вспоминал о шестидесяти годах: «В это же время, т. е. в шестидесяти годах, Италия и Венгрия пытались обрести свободу и восстали против австрийского господства. Гарибальди, Мадзини и Кошут стали идеалом для каждого сознательного патриота. Вот тогда и выступил саратовский семинарист Чернышевский, возглавил журнал «Современник» и вместе с Добролюбовым, Некрасовым, Антоновичем и другими бросил клич России. Зашевелилась Россия. И хотя шаг ее был еще не твердый, вновь накинута на нее ярмо было невозможно! Оставив старую колею, она вступила на новый путь!..»

Гарибальди и Чернышевский! Вот имена, которые невидимыми буквами были впечатаны в ум и сердце передовой грузинской молодежи. Национальное освобождение и революционное народоправие — вот альфа и омега их деятельности, их творчества, существо их миропонимания и мироуствования! Сложными и трудными будут пути, по которым придется идти в будущем от этого «фундамента» и «первоисточника жизни» Ильи Чавчавадзе, Акакию Церетели и их сподвижникам. На этом пути они окажутся участниками или свидетелями многих социально-общественных явлений, определявших исторические судьбы не только конца девятнадцатого, но и начала двадцатого века; разные задачи будут выдвигаться ими на передний план в зависимости от исторической ситуации, но всегда и везде, во всех случаях социальная борьба будет для них неразрывна с борьбой национально-освободительной, а эта последняя, в свою очередь, всегда будет примером (говоря словами Маркса о польском восстании 1864 года) «отождествления национального дела с делом демократии и с освобождением угнетенного класса». Илья Чавчавадзе не раз выступал в той или иной форме в защиту угнетенных народов — итальянцев, венгров, поляков, чехов, болгар, ирландцев, евреев, проживающих в Турции армян и других.

И разве не прекрасным подтверждением вышесказанного являются знаменитые строфы из поэмы «Видение», посвященные освобождению труда. Вспомним (из редакции 1872 года):

Освобождение честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века.
Недаром бурь народных черед
Встает во имя братства человека.

Не устоит отживший, старый мир
Перед могучим вихрем обновленья.
Не выдржат грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья.

Падут оковы, рушится оплот
Проклятого насилия мирового.
И из побегов новых расцветет
Страна моя, родившаяся снова.

С этими программными строфами из «Видения», поэмы многоплановой, обнимающей и прошлое, и настоящее, и будущее Грузии, теснейшим образом связано «политическое завещание» Ильи Чавчавадзе, его статья «Девятнадцатый век», написанная в канун нового года, вернее, нового века, 31 декабря 1899 года, и опубликованная 1 января 1900 года. Согласно авторитетному мнению ряда ученых, в этой статье Илья Чавчавадзе наряду с новым подтверждением своего революционно-демократического кредо идейным знаменем нового века признал учение научного социализма. Он утверждал, что «девятнадцатый век объявил

идеалом социального строя упразднение неравномерного распределения имущества и доходов между людьми, упразднение всякого рода классового господства и по возможности всякого классового различия», и так подытожил свою мысль: «Сегодня между бедным и богатым, между сильным и слабым межа еще шире, чем она была когда-либо в прошлом. И в этом заключается горечь и боль, ликвидировать которые девятнадцатый век завещал будущему веку».

Илья Чавчавадзе оставался верен своим идеалам и тогда, когда подвергал критике псевдомарксистских вульгаризаторов учения социализма, и тогда, когда сам ошибался, допуская для специфических условий Грузии возможным на определенное время классовый мир. В любом случае все его творчество, весь объективный смысл его деятельности — от яростной публицистики до выступлений в Государственном совете (за отмену смертной казни, за радикальные аграрные реформы) — были направлены на благо отечества. Он понимал, что путь к этому благу может лежать и через революцию. Еще в «Записках проезжего» Чавчавадзе писал: «Да не испугает тебя слово революция, читатель! Революция есть начало успокоения!»

Революционные бури, непокорность и неистовство всегда ассоциировались у Ильи Чавчавадзе с образом буйного Терека (недаром он и его друзья считались поколением «тергдалеули» — испившим воды Терека, ведь дорога в Россию тогда пролегла через Кавказские горы, вдоль Терека).

Часто Илья Чавчавадзе противопоставлял образ Терека как воплощение вольности и свободы образу Казбека — символу сурового и холодного величия. И здесь мне хочется сделать одно отступление.

Я не раз вспоминал о своих беседах с Николаем Алексеевичем Заболоцким, который, кстати, был и лучшим переводчиком многих стихотворений и большинства поэмы Ильи Чавчавадзе. Позволю себе кое-что повторить. Однажды у нас зашел разговор о его стихотворении 1957 года «Казбек», созданном в атмосфере, возникшей после XX съезда партии. Оно очень точно передавало отношение Николая Алексеевича к определенным историческим событиям и к роли той или иной личности в истории. Вместе с тем, как всегда у Заболоцкого, стихи поднимались до высокого образно-философского обобщения. В нашем разговоре мы остановились на явной и вполне преднамеренной перекличке «Казбека» с образом того же Казбека в «Записках проезжего» Ильи Чавчавадзе. Вспомним: «Он величав, безмолвен и спокоен, но такой холодный и белый облик его изумляет меня, но не трогает, повергает в холод, но не согревает. Одним словом, это ледник. Казбек во всем его величии — потрясает, но любить его невозможно. К чему же мне тогда его величие!.. Мирские бури и вихри, мирские невзгоды и радости не отразятся на его высоком челе... Не люблю я ни такой высоты, ни такой неприступности. Да благослови бог все тот же безудержный, шальной, неистовый, непокорный, мутный Терек!.. Казбек — величественный образ... самоуспоенного величия; он холоден, как вечность, и безмолвен, как это самоуспоение. Нет, не люблю я Казбек и еще потому, что он неприступно высок! А краеугольный камень людского счастья кладется всегда внизу, у земли. От земли начинается кладка всякого здания, и никто никогда не начинал строить сверху. Вот почему мне, сыну своей страны, милее образ Терека...» И вглядимся теперь внимательно в стихотворение Заболоцкого «Казбек»:

С хевсурами после работы
Лежал я и слышал сквозь сон,
Как кто-то, шальной от дремоты,
Окно распахнул на балкон.

Проснулся и я. Наступала
Заря, и, закованный в снег,
Двухглавым обломком кристалла
В окне загорался Казбек...

...Земля начинала молебн
Тому, кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.

И бедное это селенье,
Скопление домов и закут.
Казалось мне в это мгновенье
Разумно устроенным тут.

У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.

А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.

Недаром, спросонок понуры,
Внизу, из села своего,
Лишь мельком смотрели хевсуры
На мертвые грани его.

Сколько спокойной, несуетной мудрости в этих стихах и сколько пронизательности в этой благодарной оглядке на Илью Чавчавадзе!

Вот для каких вполне современных ассоциаций давало повод творчество Ильи Чавчавадзе. И продолжает давать. Некоторые его высказывания кажутся буквально сегодня написанными. Например: «Из всех сил увеличиваются войска, изготовля- ют оружие, пушки и порох и вместе с тем кля-

нутся, что, кроме мира, они ни о чем не помышляют. Трудно представить себе, какие огромные средства выколачиваются из кармана народов и расходуются во имя этого вооруженного мира».

Вообще творчество Ильи Чавчавадзе всегда было современным и своевременным, но не было злободневным в расхожем понимании этого слова. Зато тот нравственный дух, которым оно дышало и который поэт внушал читателю, остается действенным до сих пор да, собственно, и на все времена. Илья Чавчавадзе с самого начала провозгласил активную деятельность жизнь на благо родины главной задачей человека, которой должны быть подчинены все его остальные устремления и чувства:

Страдал и я. И я отлично знаю,
Что впереди еще немало бед.
Но не о том я слезы проливаю
И не о том грущу во цвете лет.

Все вынесу: жестокое страданье,
Позор друзей, ушедших от борьбы,
Любовных клятв забуду поруганье,
Приму любой удар моей судьбы.

Все вынесу с отвагой железной,
В борьбе с судьбой не запятнаю честь,
И лишь никчемность жизни бесполезной —
Вот я чего не в силах перенести!

Любовь к родине, естественно, вызвала в нем ненависть ко всему, что уродовало ее. Илья Чавчавадзе был неумолимо строг и жесток в своей критике по отношению к любым недостаткам, которые проявлялись в жизни его народа:

Обо мне говорят: обличая пороки,
Ненавидя, готов все предать он злословью.
О, глупцы! Непонятен порыв им высокий.
Ненавижу, но ненависть дышит любовью.

Ненависть, которая дышит любовью, — можно считать это образным парадоксом, а можно и высшим поэтическим выражением сложной диалектики мысли и чувства, которыми был обуреваем Илья Чавчавадзе.

...И вот наступил год, в котором отмечались столетие со дня гибели Пушкина и столетие со дня рождения Ильи Чавчавадзе. Он оказался трагическим для многих русских, грузинских, украинских, армянских поэтов, и не только поэтов.

Жертвами стали и выдающиеся грузинские писатели Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Вслед за этими роковыми событиями (а может, и позже — стихи не датированы) у их друга поэта Георгия Леонидзе вырвались, выплакались такие вот строки:

Я завидую всем, всем, чье слово играет и плещет
На веселых губах. Я и сам улыбаться бы рад,
Если б не цидамурская скорбь, тяготящая плечи,
Непосильный мой скарб — цидамурского горя гора.

Оттого моя речь стала течь словно жидкое слово,
Притесняя дыханье и закрепощая гортань.
Эхо вещего стона: Паоло, Паоло, Паоло...
И разбитый хрусталь: Тициан, Тициан, Тициан...

Мастера мастеров, мир сиял от сияния вашего.
Был гранительщик один, а другой — обуздатель стихий.
Цидамурскою пулею вы по заслугам уважены,
Раз Отечеству вы причиняли любовь и стихи...

Так «цидамурская пуля» стала символом насильственного устранения всех, кто «Отечеству причинял любовь и стихи».

А Илью Чавчавадзе хоронила буквально вся Грузия. Были получены телеграммы из Петербурга, Москвы, с Украины, из Армении, Азербайджана. На похоронах выступили виднейшие писатели и представители грузинской интеллигенции. Акакий Церетели обратился к Илье с такими словами:

Не повторяйте горестного слова!
Не отравляйте вестью роковой!
Не верю я, что рухнула основа
Бессмертия Иверии родной!
Неправда! Лживы эти разговоры
И страхи о конце родной земли.
Как могут умереть поля и горы,
Которые тебя родить могли?
...И разве каждый, в ком сердцебиенье
Остановилось, прекращает жить?
Одни уходят в темноту забвенья,
Другие остаются, чтоб светить.
Таков и ты, Илья! Ты полон жизни
И мертвый. Слово ясная звезда,
Ты будешь продолжать светить отчизне,
С ее судьбой сроднившись навсегда.

Навсегда сроднившийся со своей землей, Илья Чавчавадзе продолжает светить на пути, который избрал народ, идущий рука об руку с другими народами нашей великой социалистической страны.

ПРОТОКОЛ

Николай ШМЕЛЕВ

РАССКАЗ

овещание уже заканчивалось, оставалось сказать только пару мало что значащих, но обязательных в таких случаях напутственных слов, и некоторые из присутствовавших, повеселев, уже полезли в карман за сигаретами — в кабине у него теперь обычно не курили, оберегая хозяина, полгода назад после жестокого приступа стенокардии бросившего курить, — когда Кондратюк, секретарь парткома главка, сидевший по традиции первым за приставным столом, по правую руку от него, наклонился к нему и вполголоса спросил:

— Николай Николаевич, у тебя потом найдется для меня еще несколько минут? Конфиденциально?

— Конечно. Только, извини, недолго. В одиннадцать меня ждут.

— Разговор недлинный. Но нужный.

— Хорошо. Останься. Сейчас я их отпущу.

«Н-да... Конфиденциально...— подумал Самойлов.— Знаем мы эти твои «конфиденциально»... Опять, наверное, какая-нибудь чепуха. Мог бы и сам, небось, решить, ничего бы с тобой не случилось. Нет, Василий Михалыч, с кем с кем, а с тобой мне все-таки не повезло. Прямо скажем, не повезло...»

Самойлов вздохнул: день обещал быть нелегким. Прежде всего встреча с поставщиками, на этот раз на их, так сказать, территории; опять, конечно, будут нудеть, сваливать все на обстоятельства—того нет, этого нет, там помешали, здесь недодали...

Ну, ничего, я им кое-что приготовил, теперь уж не я у них — они у меня в руках... В два часа — техсовет министерства.

А как хорошо начиналось утро! Выспался, сделал зарядку, постоял под душем, сказал что-то приветливое жене, погулял по бульвару рядом с домом — недолго, нет, всего двадцать минут, но теперь, после болезни, эти двадцать минут были очень важны для него, — подвез дочь к институту, поболтали в машине, посмеялись над очередным ее вздыхателем... Выросла девочка, а вот когда, как — разве теперь поймешь?.. Вечером обещались прийти гости, старый друг, еще со студенческих времен, и жене его он тоже очень симпатизировал, не только красивая — умная женщина, а это, что ни говори, все-таки редкость, чтобы и то, и то. Можно будет даже позволить себе немного коньяку, Лиза, конечно, покосится, но промолчит, не затевать же на людях неприятный и, помимо всего прочего, явно бесполезный разговор... Завтра суббота, уедем на дачу, май, теплынь, солнце, повожусь немного в саду: штакетник кое-где начал валиться, надо бы подправить, дело несложное, незачем связываться с мастеровщиной, всю душу ведь изведет, подлечу... Потом в лес пойду, похоже, погуляю...

Самойлов решительно поднялся из-за стола и, ощущая во всем теле легкую бодрость человека, привыкшего, а главное, умеющего владеть людьми, негромко, но твердо хлопнул ладонью по зеленому его сукну, давая тем самым понять, что все, шашш, и через минуту кабинет опустел. Они остались вдвоем.

Николай Николаевич Самойлов, сорокасемилетний, плотный, но все еще стройный мужчина, только-только по вискам начинавший сидеть, возглавлял крупный машиностроительный главк с годовой программой на многие сотни миллионов рублей. На предприятиях этого главка работали десятки тысяч людей, отрасль считалась очень

Рисунок
Виктора СКРЫЛЕВА.

перспективной, и ее руководитель был, по мнению всех, кто что-нибудь понимал в таких делах, самым верным кандидатом на первую же освобождающуюся должность заместителя министра. В самом деле: молод, энергичен, умен, умеет ладить с людьми, хороший специалист, за семь лет в главке — ни одного серьезного прокола, в министерстве его все знают, наверху тоже уже давно заметили, — кого ж тогда и выдвигать, если не его? И биография его говорила только в его пользу: из семьи инженеров, окончил МВТУ, работал мастером, начальником цеха, секретарем парткома крупного завода на периферии, главным инженером этого же завода, потом его директором, через три года был взят в Москву, в главк, здесь тоже поработал — правда, недолго — в должности зама, теперь вот сам себе хозяин, и, надо сказать, хозяин хороший, толковый, грамотный, и начальство ценит, и подчиненные тоже, как правило, отзываются только добром.

Среди многих достоинств Самойлова два, пожалуй, были по нынешним временам наиболее ценными. Во-первых, он очень умел находить теоретически почти неуловимую, но очень нужную по жизни грань — грань между напором, энергией, активностью и, с другой стороны, покорностью потоку событий, по видимости управляемых, а по сути своей нет, складывающихся из сцеплений тысяч и тысяч отдельных интересов, предубеждений, привычек к наситенному месту, к давно знакомым людям, к той, а не иной форме бумаги — да мало ли к чему? Инстинктом ли, умом ли, но он эту грань знал — и дело шло. Пусть, может быть, и не так, как иногда хотелось бы, но ведь шло? Шло. Возможности, конечно, возможностями, но возможности — это одно, а реальность — другое: приходится, как говорится, жить по реальностям, а не по рецептам, которые рождает чья-то там чересчур уж ученая голова, тем более что сегодня у этой головы рецепты одни, а завтра, смотришь, все опять на оборот, и опять как было все, так и было... Никуда не денешься: человеческая жизнь слишком мала, слишком коротка, чтобы за время ее и в самом ходе огромного колеса, и в сцеплении отдельных его шестеренок могли произойти какие-либо существенные изменения, если, конечно, говорить не по мелочи, а всерьез... Примерно под этим же углом зрения он относился и к самому себе: так ли уж много зависело от него, лично от него? Максимум — не мешать естественному ходу вещей, этому еще Толстой учил, и чем дальше живешь, тем больше убеждаешься: старик-таки знал, как устроена жизнь, и знал, чему учил.

Во-вторых, хотя по делу и требовательный, умеющий, когда надо, сказать «нет» и твердо стоять на своем, отступал он всегда крайне неохотно, лишь под давлением очевидных обстоятельств, которые нельзя было пересилить ни ему, ни тем, кто мог бы ему в этом помочь, и нужно было потратить много, очень много сил, чтобы сдвинуть его с раз занятой позиции, но к людям, в особенности работавшим под его началом, он был терпим, благожелателен или, может быть, равнодушен, неважно, как это определить: в конце концов дело не в определении, а в том, что он давал им жить, стараясь по возможности закрывать глаза на их слабости и недостатки и прибегая к суровым мерам лишь тогда, когда иного выхода не было да, судя по всему, и не могло быть. В последние семь лет, например, он уволил ачистую, без перемещения вбок или вверх — и то, считай, перед самым судом — лишь одного своего совсем уж зарвавшегося снабженца, как оказалось, ворюгу и взяточника, умудрившегося каким-то образом нажить целое состояние на бессловесных железках, которые их главк производил. Иногда в неофициальных беседах, позволяя себе немного распространиться про жизнь и свое отношение к ней, он говорил: «Любые десяток человек, случившихся по какой-то причине в одном месте, — это вроде как модель мира: среди них обязательно есть свой гений, свой сумасшедший, свой доносчик и склочник, свой битюг, тянущий за четверых... Так что же вы от меня хотите? Надо уметь жить с тем, что есть...» Нечего и говорить, что коллектив очень ценил это его свойство и платил ему если не любовью, то по крайней мере лояльностью и уважением, а на что другое еще, больше этого, может рассчитывать умный человек, волею судьбы поставленный командовать людьми?

— Ну, так в чем дело, Василий Михалыч? Рассказывай... Давай-ка, кстати говоря, чаю попьем, а? Не возражаешь? У нас с тобой еще есть время... — Самойлов нажал кнопку звонка и, когда секретарша вошла, попросил ее принести два стакана чаю. — И сухарики не забудьте, Вера Сергеевна. Не помешают... Михалыч, ты кури, если хочешь. Мне все равно скоро уезжать. Вера Сергеевна потом проветрит...

— Николай Николаич, ты меня пойми... Не знаю, как начать... Дело-то ведь тебя касается... Лично тебя...

— А ты без подходов, не тяни. Нам с тобой друг друга вроде бы стесняться нечего... Как-никак, два десятка лет в одной системе. И секретарем ты уже со мной сколько? Пятый год?

— Да, пятый год пошел... Что ж... Ну, тогда, как говорится, не обессудь... Одним словом, так: по главку пополз слух, что у тебя серьезный роман с Татьяной Томилиной... Что этот роман тянется уже давно, и именно поэтому ты ее сделал замначальника планового отдела... А встречаешься вы с ней регулярно на квартире у тоже известного тебе человека, у Лидочки Сковорцовой из отдела труда и зарплаты... И этот слух уже с разных концов постарались довести до меня, как понимаешь, желающие всегда найдутся... Вот, собственно, и все...

— Так... Занятно... А про квартиру откуда такая информация?

— Говорят, Лидка сама на какой-то отдельской вечеринке проговорила об этом... Да мало того, с подробностями: как ключи передаются, когда это происходит, ну, и все другое там разное... Сказала, конечно, шепотом, под секретом, одной своей подруге, а та, сорока, не утерпела, дальше понесла... И пошло-поехало...

— Так... Это все?

— Все.

— Ждешь, буду оправдываться?

— Нет. Не жду... Ты взрослый человек, и не я тебе судья... Но мое мнение: делать с этим что-то надо. На самотек это оставлять нельзя.

— Считаешь, надо? А может, поговорят и бросят? Надоест?

— Нет, боюсь, что не надоест. Во всяком случае, не скоро надоест... Ты каждый день у всех на виду, о ком же еще и говорить, как не о тебе?.. А во-вторых, это ее выдвижение, конечно, кое-кого обидело. Даже многих, по правде говоря, обидело...

— Она очень толковый человек, Василий Михалыч.

— Мало ли что. Не она одна. Есть и поопытнее, и постарше ее люди. Для них она кто? Девчонка, чуть-чуть только за тридцать, и вдруг на тебе — такой пост... Пару анонимок я тебе, во всяком случае, могу обещать. С полной уверенностью. Не может быть, чтобы без этого обошлось... Нужно это тебе? Особенно сейчас, когда перед тобой такие перспективы? Сам смотри...

— Н-да... Положение... А с другой стороны... Ну, напишут, Михалыч? Ну и что? На кого не пишут? Где этих писателей теперь нет? Если на всех на них оглядываться — шагу ступить нельзя...

— И тем не менее, Николай Николаич... приходится оглядываться. С людьми ведь живем...

— С людьми... Это ты прав — с людьми... Хотя, Михалыч, признаться, иной раз думаешь: да полно, с людьми ли?.. Эх... Эти писатели твои — это, что ли, люди?

— И они.

— Да нет, ты не думай, я понимаю... Понимаю... Но иногда до того точно, до того отвращение берет, если бы ты только знал... Чего людям не живется? Чего им надо?.. Хватить бы кулаком по столу — какого черта? Нехорошо? Ну, и не надо. Ищите другого, я больше не могу...

— Николай Николаич, милый ты мой... Не можешь — не берись. Никто тебя не заставлял. Ну, а уж если влез, будь любезен, тащи.

— Тащи... Я и так тащу.

— Тащишь. И хорошо, надо сказать, тащишь. Но... Ты меня прости, ты же знаешь, я тоже в свое время был не маленьким человеком... Неужели тебе самому-то чутье ничего не подсказывает? Ведь по канату ходишь, одно неосторожное движение — и все, кувырком, трах-тарарах, и ваших нет... Стоп, машина, дальше не поедет, кирпич... И сразу, смотришь, затолкали, затолкали, затерли и забыли... Как меня в свое время...

— Ладно. Понял... Можешь что-нибудь посоветовать? Конкретно?

— Могу. За этим и шел.

— Ну? Что? Не тяни.

— На мой взгляд, выход один: от обеих нужно как можно скорее избавляться... Как? Ну, со Сковорцовой-то все просто... Я уже навел тут кое-какие справки... В министерстве, в управлении труда и зарплаты, сейчас как раз нужен человек. Обязанности, как понимаешь, те же, только оклад повыше, думаю, что здесь никаких трудностей и возражений не будет ни с чьей стороны... А вот с Татьяной сложнее... Ей-то ведь теперь что ни попало не предложешь. Тут и тебе придется голову поломать... Ясно одно — надо выдвигать за пределы главка, а вот куда, как — давай подумаем...

— Н-да... Так, значит, с вещами, на выход? Так считаешь?

— Так, Николай Николаич. Извини, но ничего другого предложить не могу.

— Хорошо. В любом случае спасибо тебе, Василий Михалыч, за заботу. Я у тебя в долгу... В понедельник, пожалуйста, найди время, зайди ко мне... К понедельнику, думаю, я уже что-нибудь сам для себя решу...

День прошел, как всегда — в движении, разговорах, хлопотах, бумажной круговерти. И вечером тоже ему не так уж трудно было сохранять относительное спокойствие: милые, симпатичные люди за столом как-то отеснили это неприятное событие из головы, заставили почти забыть про него, хотя, конечно, и не без помощи рискованно высокой дозы коньяку. Настолько, видимо, высокой, что Лиза, жена, по всем признакам — по плотно сжатым губам, по отрывистым негодующим взглядам, которые она время от времени бросала на него, — еле-еле удержалась от скандала и потом, когда гости ушли, долго еще гремела сердито на кухне посудой, металась взад-вперед по коридору, и он так и заснул, не дождавшись ее.

А вот в субботу с утра началось...

Никаким штатетником он, конечно, занимаясь не стал, он просто взял и, как приехал, сразу ушел в лес. Лиза, успевшая еще в машине — по выходным дням они обычно ездили не на казенной, а на своей — высказать ему все, что она думала относительно вчерашнего, даже не спросила, куда он идет и когда вернется. По своей извечной привычке долго, медленно переживая любой тяжелый разговор, не освобождаясь от него, а, наоборот, загоняя его все дальше и дальше вглубь, она молча вытащила из багажника корзину с купленной вчера на рынке рассадой анютиных глазок, наполнила водой лейку и ушла в дальний угол сада, где у нее была особая, своя клумба. Выйдя за калитку, он все-таки на секунду задержался и оглянулся: она как сидела на корточках, так и осталась сидеть, склонившись над рассадой и не поднимая головы.

Дача их стояла почти на краю поселка. Дорожка вела сначала сквозь безлестную березовую рощу, насквозь пронизанную солнцем и устланную прошлогодней листвой, дальше шли мохнатые, сумрачные ели, но не долго, — он, кстати говоря, не любил это место, — а за елями опять начинались березы, дубы, сосны, пни, маленькие озера тапой воды, огромные рыжие муравейники, кусты, покрытые зеленым пухом, какие-то беленькие, синенькие, красновато-лиловые цветочки в траве, названия которых он, потомственный городской житель, конечно, никогда не знал и не пытался узнать, — и так километров на пять — на шесть, без перерыва, вплоть до села Воскресенского, оно же совхоз «Огни». На краю этого села, на пригорке, стояла старая церковь, ее обезглавленная колокольня и ободраные купола были видны и со станции железной дороги, и из окна его мансарды, это был его ориентир, и дальше церкви он обычно не ходил.

В лесу было пусто, народ, видимо, еще побавивался сырости и сидел по домам, а птичий гомон, рассыпавшийся по всему лесу, не только не мешал, а, наоборот, успокаивал его, и можно было думать обо всем если не отстраненно, то, по крайней мере, без раздражения, без злости — они, как он знал по опыту, были далеко не лучшими советчиками как в делах, так и в сложных житейских ситуациях, когда приходилось что-либо решать или что-то выбирать...

Итак, Николай Николаич, начнем прежде всего с того, что попытаемся по возможности объективно оценить сложившееся положение... Возникла опасность — так? Так. Опасность чему? Тому, что есть? Нет. Не надо преувеличивать: если трезво, то тому, что есть, никакой серьезной угрозы ниоткуда не просматривается, и беспокоиться тут в общем-то не о чем... Да, у него любовница, да, она работает в том же учреждении, что и он, и роман их длится уже четыре года — так что из этого? Кому какое, по правде говоря, дело? Что не так? Сам факт их связи? Ничего необычного, абсолютно ничего, не он первый, не он последний, в его возрасте это естественно, ну, максимум — повод для улыбки, но уж никак не для каких-то там житейских или деловых осложнений. Почему на работе, а не в другом месте? Хорошо, а где еще прикажете? По улицам, что ли, бегать? До предела занятый человек, у которого вся жизнь — работа и все контакты которого с людьми ограничены практически той же самой деловой сферой... В кои-то веки соберешься к кому-нибудь в гости, да и то, как правило, к тому, с кем связан или был когда-то связан по службе... Ну, еще семья, родственники, два-три приятеля со студенческой скамьи — вот, собственно, и все... В каком-то смысле, он чувствовал, и в глазах сослуживцев, и в глазах руководства эта связь именно здесь, на работе, а не где-нибудь в другом месте была даже ему в плюс, а

не в минус: серьезный, преданный делу человек, не вертопрах, вся жизнь на глазах, работает, горит, дышать и то некогда, ну, а роман — что ж роман? Роман так роман, кто из нас без греха? Главное, чтобы шума не было, скандала, слез, битля стекла, а этого не будет, нет, умный человек, не мальчик, знает, как себя вести, не его учить...

Хорошо, возьмем крайний случай: какая-нибудь сволочь все же постарается тем или иным способом довести этот факт до сведения его жены... Н-да... Неприятно, конечно... Бесспорно, неприятно... И все-таки, если совсем уж откровенно — что это изменит в их жизни в конце-то концов? Что она, не знает, что у него кто-то есть? Конечно же, знает, давно уже знает и давно привыкла к этому. Женщина она неглупая, наблюдательная, такой много не надо, чтобы понять, как все есть на самом деле, и никакие дополнительные разъяснения, тем более со стороны, ей совершенно не нужны... Ну, а имя — что оно ей даст, имя? Какая разница — эта или другая?.. Разумеется, слезы будут, обязательно будут, но скорее всего тайком, чтобы не осложнять, не нарушать сложившееся равновесие, оно, судя по всему, вполне устраивает ее, и не в ее, конечно, интересах что-либо в этом менять...

Остается одно — Татьяна... Как это отразится на ней? Как? А никак. По всей вероятности, никак. Ну, пошепчутся за спиной, поговорят, нет-нет да и перехватит на себе двусмысленный взгляд, ядовитую эту бабью улыбочку — а так, что ж? Дело свое она знает и прекрасно справляется с ним, ведет себя корректно, никого не задает, не зарывается, в отделе ее уважают, одета она всегда скромно, сына растит одна, ей тоже нелегко, бабы это тоже понимают, всегда она на виду, всегда в заботах, как и все... Может быть, отчасти для нее это будет даже и неплохо, если тихо, без шума, но будут знать: все как-никак лишняя защита, другой раз остерегутся, подумают, прежде чем уколоть, а лично за нее беспокоиться нечего — тактичный, умный человек, вреда никому не сделает, ни себе, ни другим, ни уж тем более ему... Любовь их прочная, они нужны друг другу, очень нужны, она трогательно и бескорыстно привязана к нему и никогда не оспаривала сложившийся статус-кво — в этом статус-кво, если разобраться, тоже ведь есть свои плюсы, по крайней мере никакой фальши, ничего недосказанного в том, что касается их двоих. Ну, а он... Про него и говорить нечего: стоит только на секунду подумать, что этого по какой-то причине может и не быть, сердце сразу дергается, проваливается куда-то вниз, лоб покрывает испарина, и рука тут же тянется в карман за таблеткой, как ты себя ни стыди... Что еще? Технические сложности? Плевать, все как-нибудь опять устроится само собой... Самое большое их богатство, их праздники, что бы ни было, всегда останутся при них, — когда он на день — на два, обычно на субботу и воскресенье, объяснив потом дома задержку какой-нибудь обязательной охотой или ухой, возвращается раньше срока из командировки и живет у нее (конечно, если ей удастся на эти дни отправить сына к ее родителям, а, как правило, это удастся). Но даже и для текущих встреч... Даже и для текущих встреч — неужели они не найдут ничего другого вместо этой балаболки и ее квартиры? Найдут. Не может быть, чтобы не нашли, нужно только поискать. На худой конец можно будет просто снять где-нибудь комнату или квартиру для них двоих. Конечно, по нынешним временам это накладно, но что поделаешь? За любовь ведь тоже надо платить...

Итак, с точки зрения того, что есть, никакой реальной угрозы на самом деле не существует. Но это с точки зрения того, что есть. А с точки зрения того, что будет или может быть?.. Н-да... Вот здесь-то картина, будем откровенны, складывается по-иному... Здесь посложнее, Николай Николаич, здесь надо посчитать, подумать, взвесить... И смотри — не промахнись... Не промахнись...

То, что нынешнее его положение не предел, — это ясно. Ясно и ему, и окружающим. На сегодня завтра вопрос о выдвижении его кандидатуры на должность заместителя министра станет не предположением, а реальностью, и, судя по нынешней раскладке, это может произойти довольно скоро, возможно, даже уже в этом году. Шансы у него высокие, и это не бахвальство, а просто трезвая оценка сложившейся в министерстве расстановки сил... Не преувеличивая, но в то же время и не преуменьшая ничего... Но абсолютны ли эти шансы? Нет, не абсолютны. Высоки, но не абсолютны. Есть другая серьезная кандидатура — Артюхин, и у этой кандидатуры тоже есть свои серьезные преимущества: директор крупного завода на Урале, одного из ведущих в их отрасли, прямой выход на министра и даже выше, внимание газет, депутатский флажок

в петлице... Кроме того, в пользу Артюхина действует еще не отмеревшая традиция 30-х годов — прямо с завода в кресло зам. министра, а то и министра, особенно если отрасль, по существу, только начинает развиваться, только что становится на ноги, а это как раз и есть их случай... Но и у Самойлова есть свои бесспорные плюсы: во-первых, молодость, во-вторых, солидный опыт работы непосредственно в аппарате, среди руководства, знание всех тонкостей жизни такого сложного организма, как министерство, знание конкретных людей, умение протолкнуть любой вопрос не только сверху, но и, что еще важнее, снизу, сквозь, казалось бы, непроходимые лабиринты коридоров, табличек и дверей, преодолевая глухое сопротивление сотен нужных и ненужных лиц, переплетенных в такой узел, такой запутанный клубок, что нужны годы только на то, чтобы хотя бы понять и поверить, что и у этого клубка есть начало и есть конец и даже он не может до конца парализовать дело, если оно запущено в ход с толком и умно... Так что шансы у обоих как минимум равные, а если подумать, то, пожалуй, и с некоторым перевесом в его, Самойлова, пользу... Если его, конечно, сейчас кто-нибудь не осадит на полном, что называется, скаку...

Теперь предположим, что, как пророчит Михаил, в самое ближайшее же время на имя министра, или в партком, или, того хуже, в комиссию партконтроля вдруг приходит пара анонимок, в которых его обвиняют в аморальном поведении, злоупотреблении служебным положением, недопустимом произволе в подборе и расстановке кадров, и так далее — одним словом, во всех смертных грехах. Что там ни говори, как бы к этим письмам ни относились, но проверка в таком случае неизбежна — сигнал есть сигнал. Конечно, любую проверку он переживет, выдержит, сомнений в этом быть не может, дело само за себя скажет, пожалуйста, проверь. Но, во-первых, кому это нужно — такая нервотрепка, да еще на ровном месте, а во-вторых... Во-вторых, пусть даже большинство обвинений в результате проверки будет отвергнуто или отпадет само собой, но ведь что-то все-таки останется? Обязательно останется, не может не остаться... Какая-то тень, слухи, разговоры среди руководства, какая-то червоточина в его репутации... И эта-то червоточина в решающую минуту может, несомненно, сыграть решающую роль. Что ж, раз так, раз возникли сомнения — поищем другую кандидатуру, незаменимых, как известно, нет... Н-да... Нет... Тоже ведь тысячелетняя российская традиция... Нет, неверно... И всегда это было неверно. В том-то все и дело, что есть: есть незаменимые, каждый толковый, знающий свое дело человек незаменим, абсолютно незаменим, и заменить его ни на что другое, кроме как на худшее или совсем никудашное, нельзя. Но это уже другой вопрос. Это сопля, философия... А здесь случай вполне конкретный — его случай. И с этих позиций реальность такова, что при подобном, более чем вероятном развитии событий его шансы на будущее будут основательно подорваны, а если не обманывать себя, то, может быть, и вообще сведены к нулю.

Ну, а если... Ну, а если наплевать на все эти радужные перспективы? Что ему, мало того, что есть?.. Мало? Да, мало. Мало — незачем притворяться, тем более перед самим собой. Вся жизнь его была движение, движение вперед, по восходящей, и отними ты сейчас это у него — ему нечем будет жить. Было время, теперь почти уже забытое, когда и он мечтал о чем-то тихом, интересном, о чем-то таком, что было тесно связано с книгами, с письменным столом, цветами на подоконнике, открытой балконной дверью, веселыми, слегка пьяными голосами товарищей за спиной, дружелюбно спорящих о вещах, впрямую не нужных никому из них, но тем не менее составляющих главное, чем наполнена их жизнь. Было, все было... Но что же делать, если назад дороги нет, если это все прошло и уже не вернется больше никогда? Если он стал таким, какой он есть, и другим уже не будет, что бы ни произошло? Так или иначе, нравится кому это или не нравится, но он технократ, иначе говоря, человек дела, а у человека дела есть только одна дорога — вперед, до упора, пока не свалишься с копыт. А дело и власть — две вещи нераздельные, и чем больше дело, чем больше власти, тем лучше. Кто-то же должен управлять людьми? Так? Так. И стыдятся этой роли либо бесильные импотенты, либо неисправимые слюнтяи, всерьез думающие, что когда-нибудь наступят времена, когда люди по добром согласию будут делать только то, что нужно, и не найдется ни одного дурака, который бы вдруг ни с того ни с сего не поехал бы в лоб движению просто потому, что ему захотелось так, вот и все... Власть ради власти? Чушь. Власть и комфорт? Тоже ерун-

да. Комфорт-то уж совсем тут ни при чем. Чуть его меньше, чуть больше — какая, в сущности, разница? Конечно, какой-то минимум комфорта нужен, жизнь есть жизнь. Но если бы вдруг опять вернулись времена гимнастеров, сапог и полунищенских пайков, он бы принял и это... Нет, дело ради дела и власть ради дела — в этом суть. Так есть, так будет, так должно быть. И на том стоим...

Иными словами, Николай Николаич, решение может быть только одно: Михаилы прав. Придется Танюшу куда-нибудь переводить. Куда? Надо подумать... На завод, начальником планового отдела? Нет, не годится. В Москве всего два завода их системы, и оба у черта на куличках, почти у самой кольцевой дороги, ей только на то, чтобы добраться до работы, если считать туда и обратно, придется каждый раз тратить часа два с лишним, а то и три, да еще пересадки, да с сумками в руках, через весь город, в давке, в толкотне... Да, кроме того, там уже тоже сидят люди, не так-то просто будет высвободить для нее место, попробуй докажи, что без нее там никак не обойтись... Пристроить ее в какое-нибудь другое министерство? Можно, конечно, связи, слава богу, пока еще есть... Но... Но, во-первых, пристроить так, чтобы она ни в чем не потеряла, нужно время, а решать вопрос, если его действительно решать, нужно сейчас, сегодня, не дожидаясь, пока грянет гром. А во-вторых, какая-то в этом есть унизительность и для нее, и для него самого — идти к чужим людям, просить, одалживаться, впахивать... Нет... Да! Проектно-исследовательский институт, работающий преимущественно на их главк... Уже полгода просят расширить и укрепить у них отдел экономических обоснований, вторую бумагу прислали... Ну, что ж, поможем, укрепим... Расширим и укрепим. И человека толкового подберем... Чем вам не кандидатура? Без степени? А кто у вас со степенью? По-моему, только директор — и все? Молода? Ну, знаете... И слава богу, что молода. До каких же пор мы будем смотреть на такие институты, как на свалку, куда сваливают все, что нигде уже больше не нужно? А человека мы вам предлагаем авторитетного, имеющего опыт работы в нашей системе, знающего отрасль как свои пять пальцев, она экономист широкого профиля, с университетским образованием — что же вам еще нужно? Убедил? Убедил... Итак, решено. Проектно-исследовательский институт, начальник отдела экономических обоснований, оклад выше, условия работы не хуже, а может быть, и лучше, особенно для женщины, ни моральных, ни материальных ущемлений никаких, система та же, перспективы на дальнейшее есть... Все? Нет, не все.

Самойлов присел на ближайший пенек, снял кепку, вытер со лба пот... Да, тепло... И зачем он напялил этот дурацкий плащ? Господи, как хорошо... Как же все-таки хорошо. Сидел бы так и сидел всю жизнь... Птахи щебечут, тепло... А это кто так залиvisto свистит? Иволга? Может, и она, откуда мне знать? Щеглы, малиновки, синицы, всякие там пеночки — попробуй разберись... А вот это соловей защелкал, это уж точно он, этого ни с кем не спутаешь... Солист...

Так, значит, не все? Нет, Николай Николаич, не все. Мало найти выход — надо еще и Татьяну убедить, что этот выход единственный и ничего другого в сложившейся ситуации им, наверное, не найти... Конечно, она примет любое решение, тут и сомневаться нечего. Но разве в этом дело?.. Не в этом? А в чем?.. В чем, в чем... В том, что это хрупкий, легкоранимый, любящий человек — какими глазами она посмотрит на все это? Твоими глазами? А ты уверен в этом? Нет, не уверен... В том-то и дело, что не уверен... Как ни верти, все-таки есть во всей этой истории какой-то привкус некрасивости. Чего-то постыдного... Ну, не постыдного, это уж ты слишком не преувеличивай... Так — неловкость, но неловкость, которая, надо признать, ставит его в не лучшее положение перед ней... А, черт, даже не перед ней — перед собой неловко, вот что хуже всего, а почему, с какой стати — попробуй объясни... Что не так? По любви: по божеским, по человеческим критериям — что не так? То, что он бережно, осторожно пытается разрядить сложившуюся обстановку, сохранить не только их любовь, но и устроить их жизнь так, чтобы в ней поменьше было неприятностей для них двоих? Это не так? Так если это не так, то что же тогда так?

Да нет, ерунда... Все это сопля... А если трезво, то все, что было у них хорошего, с ними и останется, и нечего понапрасну себя терзать, те несущественные перемены, которые теперь надвигаются на них, — какое они имеют значение в конце-то концов? Что под угрозой? Ничего. Реально — ничего... Не только для него, но, несомненно, и для нее тоже самыми дорогими в их

отношениях были дни, когда он возвращался из командировок не домой, а к ней, и жил у нее с вечера пятницы или с утра субботы по вечер воскресенья. Никто, кроме них двоих, не знал об этом, не знал, что они вдвоем, что они спрятались от всех в таком-то доме, на таком-то этаже, за наглухо запертой дверью, в которую звонить не звони — бесполезно, никто и ни за что не откроет ее, что бы ни стряслось там, возне, хоть ты там расшибись. Все другие дни он был под контролем сотен глаз, и каждую минуту множество людей знало, где он и что с ним, куда он пошел, как позвонить ему, как вторгнуться в его жизнь и заставить его, пусть даже вопреки его воле и желанию, отвечать на их пустые, мелочные нужды, подчас не имеющие никакого отношения не только к нему самому, но и вообще ни к чему. Но эти дни... Нет, эти дни были в корне, в принципе отличны от всего другого, чем он жил... Это начиналось еще в аэропорту, еще на трапе самолета, когда он медленно спускался вниз по ступенькам вместе со всеми этими молчаливыми, хмурыми людьми; если бы вы только знали, бедняги, думал он, что меня ждет впереди, если бы хоть кто-нибудь из вас мог догадаться... Да нет, вы даже и в мыслях не можете себе этого представить, слишком много сумок и чемоданов повесила на вас жизнь... Седущий, солидный мужчина, размахивая портфелем и чувствуя нарастающий приступ детского нетерпения внутри, он бросался к такси, называл адрес, вминался в угол сиденья и, закрыв глаза, весь погружался в гудящее ожидание: как он взлетит в лифт, как нажмет кнопку этажа и потом кнопку звонка над обитой черной кожей дверью, как дверь распахнется, как теплые руки сомкнутся у него на шее и полукруглые уже с порога мягкие губы встретят его, а он будет бормотать, чуть отстраняясь от них: «Подожди, моя радость, подожди, я колючий, я только на секундочку в ванну: побреюсь и сейчас же к тебе...» А потом будет все: и хрустящие чистые простыни, на которых так хорошо растянуться во весь рост, чувствуя рядом теплую, бархатную ее кожу, ее руки, удивительно знающие его всего, целиком, ее осторожное дыхание у него на щеке; и медленное, неторопливое утро вдвоем на кухне, тишина, старый тополь за окном, воробьи, кофе на столе, сигарета, против которой никто не будет протестовать; и длинный день впереди — хочешь на диване, хочешь в кресле, а хочешь, если тепло, то и на ее глубоком балконе, откуда видно все — и тихий зеленый двор, и людей внизу, но откуда тебя не видит никто; и еще газеты, журналы, какая-нибудь книга, которую можно бросить в любую минуту и на любой странице, Танина неприятная болтовня, а иногда и молчание по целым часам, необременительное ни для него, ни для нее, или ни с того ни с сего — вдруг опять вспышка того же самого, как будто им все было мало и как будто бы и не была у них позади целая ночь... Так что — этого, что ли, не будет? Будет! И если это будет, то что другое имеет значение? Их короткое, на час-два, встречи на чужой квартире? А куда это денется? Никуда и это не денется, произойдет только смена адресов, и больше ничего. Что еще? Что еще может исчезнуть? Их теплота друг к другу, их способность говорить друг с другом обо всем или не говорить ни о чем? Та радость, которую доставляют им обоим редкие, но всегда такие удачные выезды куда-нибудь вдвоем покурить, просидеть вечер в ресторане, посмотреть на людей, на то, как они живут? Почему это-то все должно исчезнуть? Почему?

Самойлов вдруг поймал себя на том, что он давно уже идет, а не сидит, и что он, размахивая руками и вминая каблук в землю, давно уже говорит сам с собой вслух. Он встревоженно огляделся: никого, но лес почти кончился, он был у той самой развилки, от которой одна тропинка вела на пригорки, к церкви, а другая уводила вниз, в деревню, откуда даже и сюда, если постоять, долетали звуки радио, пущенного где-то на всю ночь. Помедлив, он повернул к церкви: сколько уж было хожено этим путем, и не по сегодняшнему настроению его менять.

Вот она, белокаменная... Она... Ах, как же все-таки умно, с душой, с умением отступить от всего мелочного, от всякой корысти и злобы дня строили наши прадеды... После них хоть это-то останется, а после нас что?.. Стоит себе здакая красавица смиренно на пригорке, под теплым неярким солнцем, легкая, светлая, приметная отовсюду, белеет своими стенами, блестит остатками позолоты на трех своих куполах, тянет ввысь свою ажурную колоколенку... Что в ней? Да ничего. Но вот пойдешь ты... И молиться не надо: веришь не веришь, какая, в сущности, разницы, не в вере дело, а в том, что ляжешь рядом с ней на траве, задерешь голову в небо, увидишь, как кружатся, взмывают вверх над крестами ее и куполами ла-

сточкой — и покойно станет на душе, и сама собой откуда-то из небытия вдруг смутно, потихоньку, но с каждой минутой все настойчивее и настойчивее начинают всплывать давно уже, казалось бы, забытые слова «благородство», «совесть», «смирение», «милосердие», «честь»... И эти слова не проклинают, не обличают тебя, нет, они просто напоминают, что и для тебя они — не пустой звук, что и к тебе они имеют какое-то отношение, что и ты живешь с ними, только вот малость отвык ты от них в повседневном-то обиходе, стерлись они из твоей памяти и языка... Но это ничего, это только видимости, это все проходящее, а на самом деле жили они в тебе и вне тебя всегда и будут жить после тебя в других — и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Самойлов лежал, жевал травинку, смотрел на ласточек, на проплывающие облака и думал: нет, хорошо, и будет все хорошо, это досадное происшествие — лишь мимолетный, мелкий эпизод, а главное в том, что они любят друг друга и хотят друг другу только добра... Ну, а декорации... что ж декорации. Декорации — это все неважно, это все так, ерунда, дым...

В понедельник утром, как и уговаривались, Кондратюк вновь сидел у него в кабинете за столом. Разговор был недлинный и нетрудный. Самойлов сообщил ему, что взвесил все за и против и принимает его предложение целиком. Обсудили также и технику перевода Татьяны Томиной в проектно-исследовательский институт. Однако, прощаясь, Кондратюк все-таки не удержался от сантиментов, всхлипнул — старик, видимо, катастрофически стал сдавать, что поделаешь, на тот год — шестьдесят.

— Николай Николаич, дорогой ты мой... Я так рад, что ты на это решился... Такая дорога, такая завидная судьба... И вдруг какой-то пустяк... А так все тихо, достойно, благородно... Все довольны, всем хорошо... Ты только на меня не сердись, я ведь не со зла...

— Перестань, Михалыч. Ничего, кроме чувства признательности и благодарности, я к тебе не испытываю. И-ничего, будь уверен, я не забуду... Итак, подытожили? Что ж, давай теперь дальше жить... Будешь выходить, скажи там Вере Сергеевне, чтоб зашла...

На другой день, во вторник, ему удалось так устроить свои дела, что в четыре он был уже свободен. Шофер подвез его к дому. Не поднимаясь наверх, он пересел в свою машину и из автомата на углу позвонил Татьяне: ничего там без нее не случится, пусть скажет, что ей нужно в другое министерство, он будет ждать ее в машине у метро, надо только сына предупредить, что задержится, и вечер — их... Куда поедет? Хочешь, в Архангельское? День будничный, людей там сегодня немного, погуляем по парку, поговорим... Помнишь, мы однажды были там? Тебе там понравилось: и парк, и музей, и ресторан этот, помнишь, с палехской росписью вдоль стен? Говорят, там теперь по обычным дням пусто, десяток-другой иностранцев и больше никого, народ все никак к новым ценам не привыкнет, побавляется... Идет? Идет. Жду.

Он заметил ее в толпе еще издали: светлый плащ, легкая походка, сумка через плечо; прямая спина, стройная, подтянутая фигура — не девочка, конечно, нет, но, с другой стороны, и не скажешь, что это идет женщина, у которой в подчинении несколько десятков человек с высшим образованием и которую, кроме того, дома ждет десятилетний сын. Узнав его машину, она ускорила шаг, почти побежала, сумка сползла у нее с плеча на локоть и ниже, к ногам, она, запнувшись, досадливым, нетерпеливым жестом вздернула ее обратно вверх, но сейчас же улыбнулась, и не вообще, а именно ему, будучи, конечно, уверена, что он тоже уже заметил ее и сейчас смотрит на нее. Не оглябая машины, она просунула голову в приспущенное окно и коснулась губами его щеки:

— Долго ждал?

— Нет, недолго, минут десять.

— Прости. Как всегда, когда нужно, обязательно кто-нибудь пристанет: подпиши, посмотри, подскажи... А ты сиди как на иголках...

Придерживая баранку одной рукой, он положил другую ей на плечо, привлек ее к себе и на секунду заглянул ей в глаза: так и есть, те золотистые крапинки в зрачках, которые он так любил, на месте, и две-три ниточки морщин под осторожно подведенными глазами тоже на месте, и губы, как всегда, полуоткрыты навстречу ему — так какого же черта? Чего еще тебе надо? И зачем, скажи на милость, ты затеял всю эту ерунду? А вдруг спугнешь, а вдруг это все исчезнет? Что тогда? Нет, не исчезнет... Да и задний ход уже не дашь, поздно, что будет теперь, то и будет... Она же знает, что я ее люблю и никого больше не люблю...

Они долго ходили по парку, по его террасам,

по роще за оградой, говорили немного о работе, немного о себе, иногда и так просто, ни о чем — о чем вообще говорят близкие друг другу люди, когда они вдвоем? Так, что придет в голову, — это-то и хорошо... От медленной ходьбы оба устали, к тому же обоим уже давно хотелось есть. Они поднялись на второй этаж ресторана, того самого, где стены были отделаны панелями, расписанными палехскими, а может быть, и хохломскими мастерами. В зале действительно не было почти никого, только в дальнем конце его сидела большая группа чинных улыбающихся японцев, но и они вскоре ушли. Когда он просмотрел поданную карточку и сделал заказ — обычно выбирал он, для нее это было лишнее напряжение, она охотно предоставляла это все ему, — Таня положила локти на стол, подперла щеку кулачком и сказала, внимательно и, как ему показалось, с сочувствием глядя на него:

— Ты сегодня какой-то необычный... Очень значительный. Или нет, не значительный, а строгий, серьезный. Больше, чем всегда... Ты что-нибудь скрываешь от меня?

— Да... Да, Танюша, скрываю... Но долго скрывать, чувствую, не удастся...

— Что?

— Как бы тебе сказать... Одним словом, хорошие мои, обстоятельства складываются так, что тебе нужно перейти от нас куда-нибудь в другое место...

— Вот оно что... Куда?

— Мое предложение — в наш проектно-исследовательский институт, на должность начальника отдела экономических обоснований... Оклад выше, условия работы неплохие, наверное, все-таки полнее, чем у нас...

— Подожди, подожди... Это детали, это потом... Ты действительно считаешь, что это нужно — перейти?

— К сожалению, нужно. Так будет лучше для нас обоих. И для тебя, и для меня.

— Это нужно скоро?

— Скоро. Чем скорее, тем лучше.

— А там, куда ты предлагаешь, я справлюсь?

— Почему нет? Я тебе уже не раз, по-моему, говорил — умнее тебя я еще женщины не встречал... Чего ж там не справиться? Справишься... Работа как работа, ничего особенного в ней нет...

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Хорошо, я перейду.

— И не спрашиваешь даже, в чем дело, почему...

— А зачем? Какая разница, в чем... в том, в этом... Я давно знала, что рано или поздно так будет. Только думать об этом не хотелось... Ну, вот, а теперь это пришло... Ты очень огорчен?

— Очень. Огорчен — не то слово. Места себе не нахожу...

— А ты не надо, не огорчайся. Все будет хорошо...

— Все?

— Все... Ты ведь меня бросать не собираешься? Нет?

— Ты с ума сошла! Только бы ты меня не бросила, а я... Куда я от тебя денусь?

— Ну, вот... А теперь забудь об этом. После поговорим. Завтра. Вызовешь меня — и поговорим... Давай сейчас лучше о чем-нибудь другом...

* * *

Прошло два года. В один из майских дней Самойлов сидел у себя в новом, недавно отремонтированном кабинете в здании министерства и в десятый раз, наверное, перечитывал письмо, переданное ему вчера через третьи руки, кружным путем. Письмо было из Киева.

«Дорогой мой, я знаю, ты меня поймешь и простишь», писала Татьяна. — В сложившихся обстоятельствах я решила все же принять то предложение, о котором, помнишь, я тебе как-то говорила. Теперь я здесь, пишу тебе из своей новой квартиры, за рекой, в Дарнице. Надо отдать должное моему теперешнему руководству: никакого обмана, что обещали, то и выполнили — и работа, судя по первым впечатлениям, мне по силам, и должность хорошая, и квартиру дали такую, о какой в Москве я могла только мечтать. Сейчас здесь весна, тепло, цветут каштаны. Серееже здесь очень очень нравится, мне удалось и здесь пристроить его в английскую школу — я думаю, ему здесь будет хорошо. Ты ведь знаешь, я всегда очень переживала за его здоровье, он такой слабенький, а климат здесь, несомненно, лучше, чем в Москве, на рынке уже полно ранних овощей, даже черешня уже появилась — привозная, конечно, — и все здесь дешевле и лучше, чем там у нас. И перед мамой теперь душа у меня спокойная: после того, как умер отец, она все время хотела вернуться на родину, все время говорила об этом — она же киевлянка, у нее здесь полно родственников, и она сейчас только и делает, что ходит по гостям...»

Когда же, черт, она успела все это проверить? Неужели за этот последний месяц, пока он был в отъезде? И все молчком, тихо, не посвящая его ни во что... Сказала только раз, мимоходом, что ее зовут в Киев — и все... Как же так? Рубанула — и конец... Рубанула... А ты как думаешь? Что, собственно говоря, было ей отрубать? Что осталось от того, что было? Так, ошметки, и больше ничего. И отрубать-то, по сути дела, было нечего... О чем ей жалеть? О тех наспех, накоротке встречах, дай бог, раз-два в месяц, да и то если повезет, если удастся достать ключи? А достать их было непросто, очень непросто — у кого пошло ведь не возьмешь... Ну, а с другой стороны, что он мог сделать? Снять комнату, как он когда-то хотел? Нет, в его положении лучше было этого не делать, не только он — она это тоже понимала, слишком он на виду... Что еще? У нее? Но ведь сына-то из дома не выгонишь, мальчик уже большой, все понимает... Так где?.. Господи ты боже мой, какая тоска... Какая тоска... А, если бы не этот управделами... Если бы не он... Ведь, по существу, это все из-за него... Недаром говорят, заставь дурака бога молиться, он и лоб расшибет... Протокол, протокол... Ну и что же, что протокол? На кой хрен он мне сдался — этот твой протокол? Для тебя протокол, а для меня удавка на шею... Вот он, твой протокол. Сиди теперь, смотри...

Все дело, если уж говорить об обстоятельствах, было в том, что у них в министерстве сидел чересчур усердный, чересчур пунктуальный управляющий делами. То ли по установившейся традиции, то ли действительно по официальному протоколу, но управделами считал почему-то своим обязательным и неизменным долгом встречать на аэродроме каждого зам. министра, когда тот возвращался из командировки, а если не мог сам, то посылал для этой цели своего заместителя или какого-либо другого видного человека из своего управления. Сколько Самойлов ни просил поломать этот обычай, сколько ни вел разговоров на этот предмет — иногда обиняком, а иногда чуть ли не в лоб, — все было тщетно, как говорится, хоть кол на голове теши. Каждый раз, когда он выходил из самолета, его еще у трапа встречали или этот человек, или его представители, они приветствовали его, поздравляли со счастливым прибытием и потом сопровождали вплоть до самого его дома, чуть ли не до дверей. Обычно у выхода из аэропорта его теперь ожидали две машины: в одну садился сам управделами или его люди, в другую он с женой — ее они теперь каждый раз любезно ставили в известность о точной дате и точном часе его прибытия. Это было мучительно донельзя: сидеть, видеть боковым зрением величественный профиль жены, ее неизменную шапку из серой норки и такой же воротник, ее застывшее, вполне соответствующее ситуации лицо, ощущать рядом с собой ее монументальные колени, говорить с ней о чем-то, перебрасываясь пустыми фразами о погоде там и здесь, о домашних делах, о даче и думать, думать только об одном — почему нельзя сейчас закричать, остановить, пересесть в такси, избежать на тот этаж, позвонить в ту квартиру, где его любят, где его знают, где его ждут...

Самойлов еще раз перечел письмо. Нет, ни слова упрека по отношению к нему, ни даже тени упрека: что ж, все сложилось так, а не иначе, печально, но другого выхода нет, надо жить, надо работать, растить сына... И эта последняя фраза: «Целую тебя, дорогой мой, береги себя, ты ведь себя совсем не щадишь. Вспоминай обо мне иногда, я тебя очень люблю»... Да нет, нельзя же так! Надо сейчас, немедленно написать ей, послать телеграмму, слетать туда самому — что она делает?! Ну, да... Как же — написать, слетать... Сиди... Сидишь и сиди... Никуда ты не напишешь, никуда ты не слетаешь. Да и к чему? Что это теперь изменилось? Что произошло, то произошло, и это важно, а остальное все неважно, и из этого и надо исходить... Вот только болит... Очень болит... А где болит, что болит — попробуй пойми...

Самойлов долго сидел так, уставившись в одну точку и обхватив голову руками. Потом, вздохнув, пошарил у себя за спиной и нажал кнопку звонка: вошла Вера Сергеевна, они и сейчас работали вместе. Он хотел что-то сказать ей, но она, увидев его посеревшее лицо, всполошилась, схватила графин, налила ему воды — руки у нее дрожали:

— Николай Николаич, что с вами? Вам нехорошо? Болит? Я сейчас же вызываю врача...

— Болит?.. Да, болит... Болит... Но иногда ведь, Вера Сергеевна, и просто так болит... Ничего... Пусть поболит... Поболит — и отстанет... Не надо врача... Я хотел вас спросить: та справка, которую должно было представить в управление загранпоставок — она уже у вас? Или еще не принесли?

РЕПУТАЦИЯ НА ГОСДО

В КОМЕДИИ МАЯКОВСКОГО «КЛОП» ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО, ПРОФЕССОР, ВОСКРЕСШИЙ ПРИСЫПКИНА, ТО И ДЕЛО ЗАГЛЯДЫВАЕТ В «СЛОВАРЬ УМЕРШИХ СЛОВ». КОМЕДИЯ БЫЛА НАПИСАНА В 1928 ГОДУ. ПРИСЫПКИНА ВОСКРЕШАЮТ ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ ПОСЛЕ ЕГО БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ. ДЕЛО, СТАЛО БЫТЬ, ПРОИСХОДИТ В 1978 ГОДУ. КАКИЕ ЖЕ СЛОВА, БЫВШИЕ ПРИ ЖИЗНИ МАЯКОВСКОГО В ХОДУ, ПО ЕГО МНЕНИЮ, К 1978 ГОДУ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УМЕРЕТЬ!

Вот, скажем, на букву «Б»: «Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков...»

Стопроцентного попадания вроде ни одного. Бублики, конечно, стали редкостью, но кое-где все-таки еще попадаются. И даже слово «богоискательство», наверно, еще не настало время хоронить. Ну, а насчет «бюрократизма» даже и говорить нечего. Тут Владимир Владимирович крупно ошибся. Словечко это (как и понятие, им обозначаемое) обнаружилось редкостную жизнеспособность.

Но самое удивительное, самое непредсказуемое случилось все-таки со словом «Булгаков».

Конечно, помещая фамилию Михаила Афанасьевича в «Словарь умерших слов», Маяковский шутил. Это был полемический запал, азарт литературной борьбы. Булгаков был Маяковскому, мягко говоря, не близок. И не только потому, что он воспринимался тогда многими как певец белой гвардии. Лефовцам ненавистен был МХАТ с его «дядями Ванями» и «тетями Манями» (любимая острота Маяковского).

Как бы то ни было, можно не сомневаться, что, позволив себе эту злую шутку, Маяковский и думать не думал, что 50 лет спустя, в 1978 году, из всех словечек, помещенных в придуманный им «Словарь умерших слов», слово «Булгаков» окажется едва ли не самым живым.

Михаил Булгаков к этому времени стал, пожалуй, знаменитейшим русским писателем. Не только у нас, но, наверно, во всем мире.

Но самое поразительное тут даже не это.

Самое поразительное и, я бы даже сказал, чудесное в посмертной судьбе Булгакова то, что своим воскрешением из мертвых, своей всемирной славой он обязан только себе.

Нет-нет! Я помню, конечно, что первым назвал его имя и заявил о необходимости вернуть его книги читателю Вениамин Каверин на Втором съезде писателей. Я знаю, как много сделала для посмертной славы писателя его вдова — Елена Сергеевна Булгакова. Не забыл, как упорно и настойчиво «пробивал» Булгакова Константин Симонов, бывший председателем Комиссии по его литературному наследию. С благодарностью вспоминаю тех, кто сделал возможным публикацию «Театрального романа» и «Мастера и Маргариты».

И все-таки то, что произошло, не могло не произойти. Имя Булгакова в эти годы стало так много значить для нас не благодаря чьему-то доброму вмешательству, а потому, что пришло его время. Всю свою сегодняш-

нюю славу, признание и любовь читателя Булгаков заработал сам.

Так и слышу иронические голоса:

— Открыл Америку!.. Конечно, сам... А разве бывает иначе?

Еще как бывает!

Любовь читателя чужими стараниями, конечно, не завоеешь. А вот что касается признания, успеха, тиражей...

Шел большой редсовет в одном из крупнейших наших книжных издательств. Обсуждался перспективный план. Назывались имена писателей (как правило, умерших), чьи собрания сочинений предполагалось издать.

Встал представитель книготорга и предложил, руководствуясь чисто коммерческими соображениями, исключить из плана несколько, как он выразился, «позиций».

Тотчас раздалось возмущенное глосса:

— Что за деляческий подход!.. Мы не должны исходить из коммерческих соображений!.. Нельзя забывать об идейной стороне!.. Наш долг, наша святая обязанность — воспитывать молодежь, идейно закалять ее!..

Представитель книготорга, переждав эту бурю, спросил:

— Простите, а каким образом эти писатели будут воспитывать нашу молодежь?

— Станный вопрос! — удивились его оппоненты. — Разумеется, своими книгами.

— Ну да, ну да, — покивал представитель книготорга. — Но я все-таки хотел бы знать, как конкретно вы себе это представляете?

— Что значит, как? — еще больше удивились борцы за идейное воспитание. — Молодежь будет эти книги читать и...

— Так ведь в том и горе, — вздохнул представитель книготорга, — что эти книги читать как раз и не хотят!

Очень многих это простое соображение, разумеется, не смутило. И уж конечно, это был не первый и не последний случай торжества «галочки» над доводами здравого смысла.

Другой случай, такой же анекдотический, но тоже подлинный и в своем роде не менее многозначительный, произошел в книжном магазине.

Вышел одноклассник Булгакова. Тот самый, в котором впервые полностью, без купюр и изъятий, был напечатан роман «Мастер и Маргарита». Стало известно, что книгу будут продавать завтра. Приехав примерно за час до открытия магазина, я увидел, что очередь жаждущих заполнить вожделенный одноклассник уже растянулась на всю улицу. Мне сразу стало ясно, что Булгакова мне не видать. Так оно и вышло: прямо перед моим носом продавщица крикнула кассирше: «За Булгакова не выбивать!» Последний экземпляр достался стоявшему передо мной моему знакомому. Он сиял. Но вдруг возникло секундное замешательство. Не успев ничего сообразить, я заметил только, что мой знакомый, счастливый обладатель последнего экземпляра, стал вдруг бледен как бумага. От волнения он даже начал заикаться. Оказалось, что его книгу, ту самую, за которую он уже успел заплатить деньги и выбить чек, отдали другому человеку, явившемуся с запиской от какого-то важного лица.

Ну, безобразие, конечно! Чудовищная, вопиющая несправедливость! Но я бы и не подумал о ней здесь рассказывать, если бы не одна весьма примечательная подробность.

Важным лицом, приславшим записку, как выяснилось, оказался директор издательства. То есть человек, от которого прямо зависело, будет ли издан этот самый Булгаков. И каким тиражом.

КНИТЭЩИ

Бенедикт САРНОВ

3

Ведь мог же он, вычеркнув из плана десяток-другой «мертвых душ», в пять, в десять, в двадцать раз увеличить тираж, отпущенный Булгакову? Вероятно, мог. Но зачем? Ведь он прекрасно знал, что сам без Булгакова ни при каких обстоятельствах не останется. А читатели... На всех желающих все равно не хватит. Трудно с бумагой. И вообще трамвай, как известно, не резиновый.

Объяснение как будто правдоподобное, но, между нами говоря, довольно-таки наивное.

В том-то все и дело, что этот самый директор, даже если бы и хотел, все равно не смог бы совершить поступок, кажущийся таким простым и естественным: взять да и вычеркнуть из плана этот самый десяток-другой «мертвых душ».

Недавно мы узнали, что за последние 20 лет книги некоторых современных писателей выходили миллионными тиражами. У одного из авторов общий тираж выпущенных им за это время книг достиг восьми, у другого — шести, у третьего — пяти миллионов экземпляров.

Книги Булгакова в это же время выходили куда более скромными тиражами. Дай бог, чтобы их общий тираж за 20 лет составил несколько сотен тысяч экземпляров.

Может быть, общественная потребность в книгах Булгакова меньше, чем в книгах, скажем, Ю. Бондарева?

Но вот и сам Ю. Бондарев требует, чтобы в отношении Булгакова была восстановлена справедливость, чтобы было наконец издано академическое собрание его сочинений. В открытом письме, которое он опубликовал вместе с доктором искусствоведения Игорем Балзой и членом-корреспондентом АН СССР Олегом Трубачевым («Советская Россия», 6 сентября 1987 г.), говорится:

«М. А. Булгаков оставил народу огромное, прекрасное наследие... Мы все в большом долгу перед ним... Хотя произведения М. А. Булгакова издавались у нас многократно... однако они ни в коей мере не могут охватить в полном объеме ни творческого наследия писателя, ни дать понимания всей глубины личности крупного художника...»

Разговоры о подобном академическом издании собрания сочинений М. А. Булгакова у нас ведутся давно, и трудно понять, почему до сих пор издатели не приступили к нему.

На самом деле понять это не так уж трудно. («Подумаешь, бином Ньютона!» — говорил в таких случаях булгаковский Коровьев.)

Нет, совсем не трудно понять, почему собрания сочинений Алима Кешокова, Анатолия Софронова, Георгия Мдивани, Николая Доризо и многих других, в том числе и самого Юрия Бондарева, давно уже изданы огромными тиражами, а о собраниях сочинений Булгакова (пусть хотя бы даже и не академическом) все только еще говорят, говорят, говорят...

Молва приписывает одному из бывших «литвождей» такую многозначительную реплику. «Писатель без власти, — будто бы сказал он, — ничего не стоит!» В этой реплике красноречиво выразилось номенклатурное мышление. И в самом деле, право на односторонник (а уж тем более на собрание сочинений) у нас имеет зачастую не тот литератор, книги которого жаждет заполучить читатель, а тот, кто входит в некий реестр. (Иногда это совпадает. Тогда можно считать, что читателю повезло. Но, к сожалению, такие совпадения отнюдь не являются правилом.)

Одного писателя нельзя не издать, потому что у него в этом году юбилей. Другого — потому что он лауреат. Третьего — потому что его только что выбрали секретарем или членом правления...

Быть может, нигде больше номенклатурное мышление не достигает столь злоедей, губительной силы, как в литературе и искусстве.

Человек может быть энергичным, активным и даже даровитым администратором, но обладая при этом никакими художественными талантами. Но, будучи избран на мало-мальски важную руководящую должность в Союзе писателей или где-нибудь еще, такой человек чаще всего обнаруживает претензию считаться не просто писателем, но непременно крупным, выдающимся писателем. Как говорил Маяковский, Большой Медведицей пера.

Данных у него для этого никаких. И вот, чтобы доказать свою нужность, даже необходимость, он, как правило, выбирает себе роль ревностного блюстителя идейной чистоты и непогрешимости.

Сколько видел я на своем веку таких блюстителей! Как трепетали перед ними! Как дрожали! Как заискивали! А кто сейчас помнит их имена?

Люди старшего поколения, прочитав «Мастера и Маргариту», гадали: кого вывел автор под именем Берлиоза? Может быть, Авербаха? А критик Латунский — это кто? Скорее всего, О. Литовский. Ведь и тот, и другой, помнитесь, приложили в свое время руку к травле Булгакова...

Кто исключал Пастернака? Кто травил Зощенку и Ахматову? Помним (вспоминаем) только тех, кто оскорбился. Кому не след бы этим заниматься, но не устоял, дал слабину. Тех же, кому это полагалось «по чину», не помним, даже не вспоминаем.

А те, кого все эти блюстители «прорабатывали», кого терзали, кого распинали в различных «идеологических» кампаниях, остались в литературе. Книги их живут, читаются, делают свое доброе дело. Как сказал классик, разумное, доброе, вечное...

Конечно, в так называемые литвожди попадают не только присяжные проработчики. Но даже настоящий писатель, получив право проработать и запрещать, начинает порой мыслить и действовать как чиновник.

Номенклатурное мышление так развратительно и так злокачественно, что в его плену может оказаться даже и по-настоящему крупный художник.

В начале 50-х годов, еще при жизни Сталина, Василий Гроссман закончил свой большой роман о Сталинграде, опубликованный впоследствии под названием «За правое дело». Роман свой автор отдал в «Новый мир», редактором которого тогда был А. Т. Твардовский. Твардовскому роман очень понравился, он решил его печатать, хотя ясно представлял себе, что на этом пути его ждут серьезные трудности. И вот, желая заручиться авторитетной поддержкой, он отправил рукопись романа одному из крупнейших тогдашних наших прозаиков: тот был нештатным членом редколлегии «Нового мира». Ответ пришел быстро. Он был краток: «Вы с ума сошли! Кому вы поручили писать о Сталинграде?»

Автору этого выразительного отзыва даже в голову не пришло задаться таким вопросом: а кто ему самому, когда он был молод и безвестен, поручил писать о революции и гражданской войне?

Самой собой, никто тогда этого ему не поручал. Просто его переполняло увиденное, почувствованное, пережитое, и он не мог не попытаться выразить все это, воплотить в слове. А выразив, он обрел имя, которое со временем стало таким громким, что уже как бы перестало быть его личной собственностью, превратилось в народное, государственное достояние. В глазах многих людей это привело к тому, что его имя стало как бы категорией номенклатурной. И вот дошло до того, что бесконечно враждебной самой сути художественного творчества номенклатурное мышление заразило и его самого!

В этой крохотной, но такой красноречивой обложке («Кому поручили!...») с исчерпывающей предельной наглядностью выразилась подспудная уверенность в необходимости подчинения стихийных и неконтролируемых процессов художественного творчества некому централизованному управлению.

Известно, что в самом принципе централизованного управления даже по отношению к народному хозяйству проявилось немало ущербного. В ходе обсуждения перестройки управления экономикой неоднократно отмечалось, что неэффективное ведение хозяйства определено диктатом производителя над потребителем. Производство не подчинено запросам потребителя, и он не имеет выбора, а должен брать, что ему дают. А это неизбежно ведет к выпус-

ку ненужной и низкокачественной продукции.

Эта формулировка с полным основанием может быть распространена и на сферу духовного производства — искусство, литературу. Потребитель нашего книжного рынка тоже вынужден брать, что ему дают.

Сейчас хоть в журналах положение изменилось: приходит очередной номер «Знамени» или «Нового мира», и хочется прочесть его иногда прямо-таки от корки до корки. А раньше, бывало, если на всю книжку журнала найдется хоть один интересный материал — какая была радость! Интересный — это не то чтобы какой-нибудь особенный, а просто предназначенный для читателя.

Да, в журналах положение изменилось. Но книг для читателя пока выходит все-таки еще куда меньше, чем тех, что выпускаются «для галочки».

Альтернативой централизованному управлению экономикой, как мы знаем, являются хозрасчет, самофинансирование, самокупаемость предприятий. А писатель — это ведь, в сущности, и есть самостоятельное предприятие. «Я себя советским чувствую заводом», — говорил Маяковский.

Так вот, не пора ли и писателей перевести на самокупаемость?

Чтобы тиражи их будущих книг определял читатель. Не так, как это делается сейчас, через громоздкую машину книготорга, а прямо, непосредственно: не устанавливать тираж книги загодя, а выпустить сперва пробным тиражом и, если книга раскуплена, допечатать.

И гонорар писатель должен получать не за весь отпечатанный тираж, покоящийся где-нибудь на складе, а определенный процент с каждого проданного экземпляра. Если книга лежит на прилавках, если читатель не хочет ее покупать, пусть страдает автор: не только морально, но и материально.

Вторжение материальных, коммерческих стимулов в духовную сферу многим представляется чем-то низким, недостойным и даже вредным. Чуть ли не забвением главных целей всякого художественного творчества. Очень откровенно высказался недавно в этом смысле Сергей Бондарчук («Советская культура», 28 июля 1987 г.). На вопрос о том, что больше всего тревожит его в состоянии сегодняшнего кинематографа, он ответил так:

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

«Продолжается процесс скрытого обуржуазивания, коммерциализации нашего кинематографа, несущий угрозу поп- и масс-культуре, размывающий социальные и духовные ценности, составляющие содержание и смысл нашего советского образа жизни... Вот с этой коммерциализацией и надо, на мой взгляд, бороться».

А на мой взгляд, «коммерциализацию», наоборот, следует всячески поддерживать.

Я прекрасно понимаю, что введение прямых связей между производителем (писателем) и потребителем (читателем) отнюдь не явится гарантией торжества будущих, никому не ведомых Шекспиров и Достоевских. В. Пикуль при таком положении дел, вероятно, получит даже преимущество перед Фолкнером и Андреем Платоновым. Но эта беда еще не такой большой руки. Что ни говори, а это все-таки было бы победой реальности над фикцией, над запрудившими наш книжный рынок мертвыми душами. Хочет читатель платить деньги (и, как мы знаем, немалые) за книги В. Пикуля — пусть платит!

Когда Сергей Прокофьев возразился в СССР (это было в 1932 году), у нас здесь всеобщим музыкальным кумиром был Дунаевский. И вот кто-то из поклонников Прокофьева сказал ему:

— Как это ужасно, Сергей Сергеевич, что у Дунаевского такая грандиозная, ни с чем не сравнимая слава, а вас знает, в сущности, только узкий круг ценителей.

— Это естественно, — пожал плечами Прокофьев. — Да и как может быть иначе? Ведь это же другая профессия.

Вот и у В. Пикуля тоже (в сравнении с Андреем Платоновым или Василием Гроссманом) — другая профессия!

5

Говоря, что хорошо бы писателей перевести на самоокупаемость, я имею в виду не только материальную, финансовую, но и, если можно так выразиться, моральную самоокупаемость.

Приобретая в собственность какой-либо предмет, мы с вами, как правило, знать не знаем и ведать не ведаем, чьи руки это изделие. Кто, так сказать, его автор. Покупая книгу, мы неизменно читаем на обложке имя автора. Но, к сожалению, приходится признать, что этот обычай (писать на обложке книги имя автора как единственного ее создателя) сплошь и рядом является своего рода атавизмом.

Нет, пока еще автор имеет некоторую власть над своим детищем. Но власть эта постепенно становится все более относительной и даже призрачной.

Театр начинается с вешалки, говорил Станиславский. Книга начинается с заглавия. Казалось бы, дать книге свое, тобой самим придуманное название — не есть ли это самое очевидное, самое несомненное, самое непререкаемое из всех авторских прав?

На практике, к сожалению, дело часто складывается иначе.

Александр Бек хотел назвать свой последний роман «Сшибка». Он так обозначил это в своем дневнике:

«После всяческих сомнений нарекаю свое детище «Сшибка». Тяжеловатое, неблагозвучное слово. Однако оно привлекло меня точностью. Сшибка — научный врачебный термин, введенный И. П. Павловым. И, кроме того, по прямому смыслу сшибка — это схватка, столкновение, сеча, сражение...»

Как видим, название романа было взято автором, что называется, не с потолка. Он долго над ним думал, мучился, прикидывал так и этак. Может быть, проснулся однажды среди ночи, счастливый, когда его наконец осенило. Но в редакции тогда роман переименовали. Назвали «Новое на-

значение». Под этим, уже не авторским, а редакторским заглавием роман и был опубликован сейчас, уже в наши дни.

Такая же история произошла с романом Василия Гроссмана «Сталинград», который вышел в свет под названием «За правое дело». (Может быть, тут сыграло роль то самое, знаменитое: «Кому вы поручили писать о Сталинграде!») «Записки покойника» Булгакова редакцией были переименованы в «Театральный роман». Повесть Фазила Искандера «Школьный вальс, или Энергия стыда», опубликованная недавно, тоже была переименована в «Старый дом под кипарисом».

Но в конце концов бог с ними, с названиями. Хоть бы текст не трогали. Так ведь трогали! И еще как!

Интересно с этой точки зрения сравнить любую страницу полного текста романа Булгакова «Мастер и Маргарита» с его первой публикацией в журнале «Москва».

В книге читаем:

«— Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него донос, что он хранит нелегальную литературу? — спросил Азazelло».

В журнале это место выглядело так:

«— Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него жалобу? — спросил Азazelло».

Ход мысли редактора тут более чем понятен. Слово «жалоба» звучит, конечно, гораздо приличнее, чем «донос». Да еще какая-то «нелегальная литература»... На что, собственно, намекает этим автор?.. Нет, тут все ясно. Тут у редактора сработало его политическое чутье. А вот интересно: что побудило редактора вычеркнуть из журнального варианта вот такой, вполне невинный в политическом смысле абзац:

«Маргарита, не переставая улыбаться и качать правой рукой, острые ногти левой запустила в Бегемотово ухо и зашептала ему:

«Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в разговор...»

Скорее всего целомудрие редактора было оскорблено словом «сволочь». Как-никак героиня — интеллигентная женщина, а выражается такими словами... А впрочем, черт его знает! Ход мысли редактора — вещь таинственная и непредсказуемая.

Сравнительный анализ книжного и журнального вариантов «Мастера и Маргариты» мог бы стать материалом для интереснейшего исследования. Не столько даже литературоведческого, сколько психологического.

Но Булгаков — это все-таки случай особый. К тому же роман печатался спустя много лет после смерти автора. А вот интересно: если бы автор был жив? Неужели и тогда редактор позволил бы себе столь же бесцеремонно вторгаться в его текст и так же беззастенчиво править его по своему вкусу?

Чтобы ответить на этот отнюдь не риторический вопрос, приведу отрывок из письма К. Симонова главному редактору «Огонька» от 21 октября 1946 года. (Опубликовано в журнале «В мире книг» № 3, 1987 г.)

В «Библиотеке «Огонек» должна была выйти небольшая книжечка лирических стихов Симонова. Нелишним будет отметить, что К. Симонов и редактор были близкими фронтовыми друзьями. Это последнее обстоятельство, однако, не помешало... Впрочем, не будем забегать вперед. Само письмо скажет об этом куда красноречивее.

«Я очень огорчен длинным синодическим замечанием по моим стихам. Почти со всеми ими я не согласен — и по существу, и принципиально... Шесть изданий я заплетал ноги узлом под скамейкой, а на седьмой нельзя их заплетать. Почему?..

Или четыре издания — «Россия, родина, тоска...». Мне это нравится. Что же, я в пятом издании вину «тоску» и вставляю «широкую» или «узкую»?

Что же до Амундсена, то перечел его внимательно и совсем не понимаю, почему надо снимать. Абсолютно не понимаю. Спорить не хочу, но и переименовывать Амундсена в Седова,

чтобы не преклоняться перед Западом, тоже не хочется. Фамилия у старика, действительно, была иностранная, ничего тут не поделаешь...»

Приведа еще множество других примеров из того же «Синодика», Симонов в заключение говорит, что ни на какие исправления не согласен, решительно предпочитая не печатать вовсе то или иное стихотворение, нежели публиковать его в извечном виде. «Легче снять даже любимое стихотворение, — пишет он, — чем писать, как я говорил тебе, «узкая» вместо «тоска».

Можно, конечно, сказать, что все это дела давно минувших дней. 1946 год! То были едва ли не самые трудные для нашей литературы времена.

Но вот небольшой отрывок из опубликованного в той же подборке письма К. Симонова заместителю главного редактора издательства «Детская литература», оно относится уже не к столь далеким временам:

«Хочу Вам сказать совершенно дружески, что мне осточертело вести мучительные разговоры с издательствами, редакторами, директорами киностудий, — мучительные для меня и в большинстве случаев для них самих разговоры относительно каких-то поправок и переделок в том, что мною сделано... Автор должен отвечать за то, что он пишет...»

Под письмом дата — 26 июля 1968 г. В эту пору Константин Симонов был уже достаточно крепко защищен своим именем, известностью, авторитетом. Но даже и ему приходилось вести эти бесконечные, мучительные (устные и письменные) разговоры о поправках, переделках и проч.

А теперь представьте себе, как обходятся в редакциях с молодыми, неизвестными, начинающими. Над их рукописями, как было сказано в одной старой эпиграмме, «совершают вдвойне кощунственный обряд: как православных их крестят и как евреев обрезают».

«Автор должен отвечать за то, что он пишет...» Это естественное и, в сущности, даже элементарное требование даже и сейчас представляется совершеннейшей утопией.

Автор не может сам отвечать за то, что он пишет, уже по одной только той причине, что над ним — целая иерархия отвечающих за него инстанций. И каждая стремится внести в его труд свою лепту: кто в форме советов и пожеланий, а кто в форме категорических, непререкаемых условий, требований, запретов.

Когда-то Виктор Шкловский с грустным юмором ответил на вопрос, почему у нас нет настоящей веселой, смешной кинокомедии:

— Потому что еще не нашелся гений, которому удалось бы рассмешить двадцать шесть инстанций.

В ином роде коснулся той же темы (уже применительно к поэзии, а не кинематографу) в одном из своих стихотворений Евгений Винокуров:

Замечания членов редколлегии
Пожожи на артиллерийские снаряды:
Ни одно не попадает туда,
Куда упало другое.

Иногда рукопись была похожа на мишень,
По которой стреляла рота.

Эта практика узаконенного вмешательства в творчество сложилась давно. Но дело осложняется и усугубляется еще тем, что количество инстанций все время увеличивается. Так, например, лет двадцать тому назад возник Госкомиздат. Первоначально предполагалось, что ведомство это будет заниматься всего лишь координацией: чтобы, не дай бог, книга одного и того же автора не вышла одновременно в двух разных издательствах. Задача довольно скромная. Но природа каждого бюрократического ведомства такова, что, едва зародившись, оно растет, разбухает (во всех смыслах этого слова). Разбухают штаты, растут права, летят во все стороны приказы и циркуляры, мчатся во все концы курьеры, тридцать, пятьдесят, сто тысяч курьеров... Постепенно дело дошло до того, что без санкции Госкомиздата издательство не может ни охнуть, ни вздохнуть. Госкомиздат утверждает планы, выдергивает из представленных списков отдельные рукописи, отправляет их на дополнительное рецензирование своим тайным рецензентам. (Именно та й ным! Автору если и дают про-

честь эту рецензию, он получает ее с оторванным или отрезанным краем, чтобы фамилия рецензента, не дай бог, не стала ему известна.)

Сейчас, как мы знаем, принимают меры по реорганизации министерств и ведомств. Цель — изменить роль и функции этих учреждений в новых условиях хозяйствования, определенных Законом о государственном предприятии (объединении).

Читая сообщение об этом, я ликовавал: вот, думаю, наконец! Но даже если эта моя радость была и не совсем беспочвенна (в чем я, по правде говоря, очень сомневаюсь), даже если Госкомиздат слегка потеснят или вовсе ликвидируют, положение все равно останется скверным, потому что и без Госкомиздата этих самых вмешивающихся инстанций хватает.

6

Когда Мастер, герой булгаковского романа, познакомившись с Иванушкой Бездомным, узнал, что новый его знакомец поэт, он ужасно огорчился:

«— Ох, как мне не везет! — воскликнул он...»

— А вам что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.
— А вы какие читали?
— Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель.
— А как же вы говорите?
— Ну, что ж тут такого? — ответил гость. — Как будто я других не читал. Впрочем, разве что... чудо?»

Даже истрадававшийся и изверившийся Мастер допускает возможность чуда. И чудо действительно возможно. Об этом свидетельствует хотя бы судьба самого Булгакова.

Тут, правда, не мешает сделать одну горькую оговорку.

По поводу чудесного возвращения Булгакова к читателю принято ликовать, радоваться торжеству справедливости, умиляться, что на судьбе самого автора «Мастера и Маргариты» сбылось его пророчество: рукописи, мол, не горят... Мы забываем при этом, что книги смертны, как люди. Каждой отпущен свой срок. И даже те книги, которым суждена долгая, невероятно долгая жизнь, даже они не вечны. Так вот, какая бы долгая жизнь ни была суждена «Мастеру и Маргарите», тридцать лет из отпущенного этой книге срока у нее украли.

И все-таки, что ни говори, внезапное воскрешение Булгакова из небытия и неслыханный его триумф — это действительно чудо. Нечто вроде описанного В. Солоухиным поразительного случая, когда в Москве, на Манежной площади, прорвав асфальт, вдруг вырос шампиньон.

Но чудо Булгакова лишь выявило определенную закономерность. В известном смысле этот случай не исключение из правила, а правило. В сущности, ведь каждый настоящий писатель сам, без чьей бы то ни было помощи завоевывает своего читателя. Каждый настоящий художник сам, своим трудом, своим талантом, взрывая асфальт равнодушия, подозрительности, чиновничьих запретов, так или иначе пробивается к людям. Так было с Юрием Трифоновым и Фазилем Искандером, с Борисом Слуцким и Давидом Самойловым, Александром Вампиловым и Александром Володиным, Владимиром Высоцким и Булатом Окуджавой. Я наугад называю имена, которые первыми пришли на ум. Но каждый читатель сам легко дополнит этот список.

Настоящий писатель должен сам пробиваться к читателю. И путь этот всегда труден. Ведь и зерну не так-то просто прорасти, дать всходы, пустить побег... И почва может оказаться неплодородной. И погода не всегда благоприятствует нормальному росту. И сорняки глушат. Трудности неизбежны. Но это все — естественные трудности.

А вот асфальт....

Неужели и это тоже неизбежно — пробиваться к жизни сквозь асфальт?

Г. М. КОРЖЕВ. Род. 1925.
ДОН КИХОТ. 1980—1985.

Т. Т. САЛАХОВ. РОД. 1928.
ПОРТРЕТ БАРИ. 1985.

Неизвестные в желтой автомашине с парижским номером привезли и оставили на площади Согласия труп мужчины в бежевом плаще, обращавшегося перед этим к комиссару Мегрэ с просьбой о помощи. Мегрэ и детектив Люка преследуют подозрительного незнакомца, пришедшего в кафе, где, как предполагают, было совершено это убийство. Но кто-то, очевидно, сообщники, застрелил преследуемого на глазах у преследователей. Тогда Мегрэ решает устроить облаву в этом районе. В одной из гостиниц полиция обнаружила молодую красивую женщину, у которой начинаются роды. Хозяин гостиницы прикидывается, что ничего не знает о своих постояльцах. Но Мегрэ вырвал у него признание, что вместе с женщиной здесь жили еще четверо мужчин, в том числе и Виктор Поленский, тот самый, что был кем-то убит, когда его преследовал Мегрэ со своим сотрудником.

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Выйдя на Севрской улице у больницы Леннека из такси, Мегрэ увидел большой автомобиль с номерными знаками дипломатического корпуса. В дверях больницы стоял высокий, худощавый мужчина, одетый угнетающе безукоризненно. Движения его были столь изысканны, а выражение лица столь благородно, что невольно хотелось не слушать звуки, которые издавал этот господин, а лишь не дыша наблюдать редкостное зрелище.

Между тем это был даже не второстепенный секретарь посольства, а всего лишь мелкий служащий.

— Его превосходительство уведомил меня...— начал он.

Мегрэ, проработавший несколько часов, как не работал еще никогда, проходя вперед, лишь буркнул в ответ:

— Да ладно вам!

Однако, обернувшись на середине лестницы, он задал вопрос, озадачивший его спутника:

— Вы хоть по-ихнему говорите?

Опершись локтями о подоконник, Люка угрюмо глядел в окно. Утро выдалось хмурое, дождливое. Сестра велела ему не курить, и сержант со вздохом ткнул в трубку Мегрэ:

— Заставят потушить, шеф.

Пришлось ждать, пока не придет дежурная сестра. Ею оказалась женщина средних лет, на которую слава Мегрэ, похоже, не произвела никакого впечатления. Да и к полиции она не питала никакой симпатии.

— Вам не следует ее утомлять. Как только я дам знак, быстренько уходите.

Пожав плечами, Мегрэ первым вошел в небольшую белую палату. В колыбели спал ребенок. Мария вроде бы дремала, но в действительности из-под полузакрытых ресниц наблюдала за действиями вошедших мужчин.

Она была столь же прекрасна, как и в ту ночь на улице Сицилийского короля. Только лицо бледнее и волосы не распущены, а толстыми косами уложены вокруг головы.

Положив шляпу на стол, Мегрэ повернулся к переводчику.

— Спросите, пожалуйста, ее фамилию.

Комиссар подождал, не особенно рассчитывая на ответ. Как он и ожидал, молодая женщина лишь с ненавистью посмотрела на господина, который говорил с ней на ее родном языке.

— Она не будет говорить,— произнес переводчик.— Насколько я могу судить, она не богемка, а словачка. Я обращался к ней на обоих языках, и, когда я заговорил по-словацки, она вздрогнула.

— Прошу объяснить ей, что я действительно рекомендую отвечать на мои вопросы. Иначе, несмотря на ее состояние, она сегодня же может очутиться в тюремной больнице.

Переводчик сделал жест, означавший оскорбленное достоинство. Сестра, ходившая взад-вперед по палате, аж задохнулась от возмущения:

— И как только язык повернулся сказать такое!

Обратившись к комиссару, сиделка процедила:

— Вы что, не читали объявление, что курить запрещается?

С неожиданной кротостью Мегрэ вынул трубку из рта.

Наконец Мария выдавила несколько слов.

— Прошу вас перевести.

— Она говорит, что ей все равно, что всех нас

она ненавидит. Я не ошибся. Она из Словакии, вероятно, из Южной Словакии, провинциалка.

Мегрэ вытащил из кармана записную книжку.

— Спросите, где она была в ночь на тринадцатое октября прошлого года.

На этот раз молодая женщина отреагировала. Взгляд ее, помрачнев, остановился на Мегрэ. Однако из уст ее не вырвалось ни единого звука.

— А также в ночь на восьмое декабря...

Мария вздрогнула. Грудь ее начала вздыматься. Молодая женщина инстинктивно повернулась к колыбели, словно защищая свое дитя.

Это была великолепная самка. Одна только сиделка не понимала, что перед нею существо другой породы, и продолжала обращаться с нею, словно с обыкновенной роженицей.

— Вам не надоело задавать ей глупые вопросы?

— Я задам ей еще один. Возможно, он заставит вас переменить свое мнение, мадам. Или мадемуазель?..

— Мадемуазель, с вашего позволения.

— Я так и думал. Переведите, мсье. В ночь с восьмого на девятое декабря на ферме Сен-Жиль-ле-Водрев в Пикардии топором была зверски зарублена вся семья. В ночь на двенадцатое октября на ферме Сент-Обэн подобным же образом были убиты старик фермер и его жена. И тоже в Пикардии. Двадцать первого ноября было совершено аналогичное нападение на престарелую чету и их слабоумного батрака.

— Уж не хотите ли сказать, что это сделала она?

— Минуту, мадемуазель. Пусть сначала переведут.

Переводчик сотрудник посольства с видом крайнего отвращения, словно разговоры о злодеяниях затрагивали его собственную персону. После первых же слов молодая женщина попыталась приподняться. Грудь ее обнажилась, но она даже не позаботилась прикрыть ее.

— До восьмого декабря об убийцах не знали ничего, поскольку в живых они никого не оставляли. Вы слушаете меня, мадемуазель?

— Насколько мне известно, врач разрешил вам зайти лишь на несколько минут.

— Не волнуйтесь. Она достаточно крепка. Вы только взгляните.

Похожая на волчицу или львицу, молодая женщина, рядом с которой спал ребенок, по-прежнему казалась прекрасной. По-видимому, столь же великолепной она была и тогда, когда находилась во главе своей банды.

— Прошу переводить слово в слово. Однако восьмого декабря случилась промашка. Девятилетней девочке—босиком, в одной нижней рубашке—удалось остаться незамеченной и спрятаться в углу. Ребенок все видел и все слышал. Девочка видела темноволосую молодую женщину—великолепное дикое существо,—которая пламенем свечи жгла ее матери ноги. Один из ее спутников раскроил старику череп, а другой в это время угощал своих приятелей вином. Жена фермера кричала, умоляла, корчилась от боли, в то время как эта женщина...—Он указал на кровать, где лежала роженица.—В то время как эта женщина с улыбкой подвергала ее еще более жестокой пытке, прикладывая к грудям жертвы зажженную сигарету.

— Прошу вас, не продолжайте!—запротестовала сиделка.

— Переводите,—произнес Мегрэ, наблюдая за Марией, которая лежала, как бы замкнувшись в себе, и не отрывала от комиссара взгляда.

— Спросите, не хочет ли она что-нибудь сказать?

Ответом была презрительная усмешка.

— Сирота живет теперь в Амьене у приемных

родителей. Сегодня утром ей показали переданную по телеграфу фотографию вот этой женщины. Девочка тотчас узнала ее. Ее ни о чем не предупреждали, просто дали снимок. В результате припадок истерики. Переводите, мой зарубежный друг.

— Она словачка,—повторил чиновник посольства.

В этот момент заплакал новорожденный. Взглянув на часы, сиделка вынула ребенка из кровати. Мать неотрывно глядела на него, пока ему меняли пеленки.

— Напоминаю: ваше время кончилось, господин комиссар.

— А люди, о которых я вам рассказывал? Что, их время тоже кончилось?

— Ей надо кормить ребенка.

— Ну и пусть кормит.

Впервые Мегрэ пришлось продолжать допрос при таких обстоятельствах: младенец так и впилился в белую грудь преступницы.

— Она все равно молчит. Полагаю, она ничего не скажет и тогда, когда вы расскажете ей о вдове, мадам Риваль, которая была подобным же образом убита у себя на ферме девятнадцатого января. То была самая последняя жертва. Дочь ее, сорокалетнюю женщину, тоже нашли убитой. Предполагаю, что дело не обошлось без Марии. Как всегда, на теле обнаружены следы ожогов.

Мегрэ почувствовал атмосферу недоброжелательства, скрытой враждебности, но это его не трогало. Он вконец изнемог.

— Теперь расскажите ей о ее приятелях. Это Виктор Поленский—что-то вроде деревенского придурка, обладающего силой гориллы; Серж Мадок—личность с толстой шеей и сальной кожей; Карл и еще подросток по имени Петр.

Слушая, как перечисляет имена, комиссар, Мария всякий раз вздрагивала.

— Подросток тоже был ее любовником?

— Мне и это переводить?

— Извольте. В краску вы ее не вгоните.

Женщина оказалась припертой к стене, и все же при упоминании о подростке губ ее коснулась нежная улыбка.

— Спросите, действительно ли он был ее братом.

Как ни странно, порой, причем не только тогда, когда она прижимала к груди ребенка, в глазах преступницы вспыхивали теплые искорки.

— Ну что же вы, друг любезный...

— Меня зовут Франц Легель.

— Мне это абсолютно безразлично. То, что я сейчас скажу, попрошу перевести очень точно, слово в слово. Возможно, от этого будет зависеть жизнь вашей землячки. Прежде всего предупредите: от того, каково будет ее дальнейшее поведение, зависит ее жизнь.

— Неужели я должен переводить и это?

— Какая мерзость!—пробормотала сиделка.

Мария даже ухом не повела. Лишь, чуть побледнев, усмехнулась.

— Есть еще одно лицо, неизвестное нам. Оно у них вожаком.

— Переводить?

— Пожалуйста.

На сей раз ответом молодой матери была насмешливая улыбка.

— Она не будет говорить, я знаю. Я это понял, как только пришел. Таких, как она, не запугаешь. Однако есть одна деталь, которую мне надо знать, поскольку речь идет о человеческих жизнях.

— Переводить?

— А зачем же я посылаю за вами?

— Прошу извинить.

Стоя неестественно прямо, Мегрэ словно отвечал выученный урок.

— С двенадцатого октября по двадцать первое ноября прошло около полутора месяцев. С двадцать первого ноября по восьмое декабря прошло немногим более двух недель. До девятнадцатого января — еще шесть недель. Не понимаете? Это примерно то время, за какое банда тратила награбленные деньги. У нас сейчас конец февраля. Обещать я ничего не могу. Другие станут решать ее судьбу, когда дело будет представлено на суд присяжных. Переведите.

— Не повторите ли даты?

Комиссар повторил свой урок, затем подождал.

— А теперь скажите ей, что, если она своим ответом предотвратит новое кровопролитие, это ей зачтется.

Мария лишь презрительно скривила губы.

— Я не спрашиваю, где сейчас находятся ее друзья. Даже не выясняю имя их вожака. Я хочу знать, не пустые ли они, не намерены ли они в ближайшем будущем совершить новое преступление.

Глаза Марии вспыхнули, и весь ответ.

— Ладно. Отвечать она не желает. Кажется, я все понял. И все-таки нам необходимо узнать, не Виктор ли Поленский был убийцей.

Женщина внимательно выслушала перевод, потом стала ждать новых вопросов. Мегрэ досадовал, что приходится прибегать к услугам этого чиновника из дипломатической миссии.

— Ясно, что топором орудовал один человек. Если это не Поленский, тогда мне не ясно, к чему банде было таскать с собой полуидиота. Ведь в конце концов это из-за него мы схватили Марию, а вскоре доберемся и до остальных.

И снова перевод. На этот раз Мария явно торжествовала. Они ничего не знают. Знает только одна она. Она лежит тут обессиленная, прижимая к груди ребенка. Зато она никого не выдала и будет и впредь держать язык за зубами.

Невольный взгляд, который молодая женщина бросила на окно, выдал ее. Когда преступницу оставили там, на улице Сицилийского короля, скорее всего она сама на этом настояла — приятели, видно, пообещали ее выручить.

Она знает своих мужчин. Верит им. Пока они на свободе, она в безопасности. Они вернутся. Рано или поздно вызволят отсюда.

Мария была великолепно. Ноздри ее широко раздувались, полные губы кривились, придавая лицу молодой женщины неопишное выражение. Она и ее товарищи иной породы, чем окружающие их людишки. Они сделали свой выбор — жить вне закона.

Где, на каком дне, в какой атмосфере безысходности возник этот страшный союз? Все они познали, что такое голод: после «дела» единственной их заботой было есть, есть и пить весь день напролет, спать, предаваться любовным утехам и снова есть, не обращая внимания на нищету окружающей их обстановки, на бедность своей одежды.

Убивали они не из-за денег. Деньги для них являлись лишь средством, позволявшим им есть и спать без помех в этом лежбище.

Суетность была чужда Марии. В комнате ее обнаружены лишь дешевые платья, какие она носила в деревне. Ни пудры, ни губной помады она не употребляла. Не водилось у нее и дорогого белья. В иные времена, в иных широтах вся шайка могла жить таким же вот образом, нагишом, где-нибудь в лесных дебрях или джунглях.

— Скажите ей, что я вернусь, что я прошу ее подумать. Ведь теперь у нее ребенок. — Последние слова Мегрэ невольно произнес совсем иным тоном.

— Мы вас оставляем, — обратился он к сиделке. — Скоро я пришлю другого дежурного детектива. Доктору Букару я позвоню. Ведь она его пациентка?

— Доктор заведует отделением.

— Если ее можно транспортировать, то, вероятно, нынче вечером или завтра утром ее перевезут в Сантэ.

Несмотря на то, что она узнала о своей подопечной, сиделка с прежней враждебностью смотрела на непрошенных гостей.

— Прощайте, мадемуазель. Пойдемте, мсье.

Выйдя в коридор, Мегрэ обменялся несколькими фразами с Люка, чтобы ввести его в курс событий. Дежурная сиделка, которая привела их с первого этажа, ждала поодаль. Напротив двери стояло пять или шесть ваз с цветами.

— Чьи они? — поинтересовался комиссар.

Сиделка была молодая, светловолосая, под белым халатом угадывались упругие формы.

— Теперь ничьи. Дама, которая лежала в этой палате, несколько минут назад уехала домой. Это она оставила цветы. У нее было много друзей.

Мегрэ говорил вполголоса. Сиделка согласилась, хотя, видно, была удивлена. Но переводчик удивился бы еще больше, если б узнал о намерении Мегрэ.

— Не отнесете ли немного цветов в двести семнадцатую? — не без смущения сказал комиссар.

Потому что в палате было неуютно и холодно, потому что там в конце концов находилась молодая мать с новорожденным младенцем.

Часы показывали половину двенадцатого. В длинном, плохо освещенном коридоре, где находились кабинеты следователей, ждали своей очереди несколько человек. Задержанные были в наручниках, без галстуков. Охраняли их полицейские, сидевшие на скамейках. Тут же расположились и женщины, и свидетели, у которых начинало иссякать терпение.

Озабоченный и важный более обыкновенного, Комелио велел принести из соседних помещений стулья, а своего помощника отправил пообедать.

По просьбе Мегрэ пришел начальник уголовной полиции, занявший кресло. На стуле, предназначенном для допрашиваемых, восседал Коломбани, комиссар «Сюрте насьональ».

Поскольку уголовная полиция теоретически занимается лишь преступлениями, совершенными в Париже и прилегающем к нему районе, именно Коломбани вместе с «летучим отрядом» в течение последних пяти месяцев вел расследование по делу «Пикардийской банды», как окрестили убийц журналисты.

Утром состоялась встреча Коломбани с комиссаром Мегрэ; инспектор показал ему свое досье. В то же утро, около девяти, в дверь Мегрэ постучался один из детективов, оставленных на улице Сицилийского короля.

— Он здесь, — заявил детектив, приведший с собой хозяина «Золотого льва». Ночь, вернее, остаток ее, научила того уму-разуму. Бледный, небритый, в мятном костюме, кинулся он к детективу, который расхаживал взад-вперед перед гостиницей.

— Мне надо в полицейское управление, — объяснил он.

— Ну и ступай.

— Боюсь.

— Я тебя провожу.

Но разве Поленского не убили прямо на улице, где было полно народу?

— Возьмем лучше такси. Я заплачу.

Когда домовладелец вошел в кабинет Мегрэ, на столе у комиссара уже лежало его дело: гость имел три судимости.

— Числа вспомнил?

— Да. Только договоримся, что вы меня охранять будете...

От этого человека так и несло трусостью и пороком. Все его существо напоминало зловонную язву. И такой вот человек был дважды задержан за попытку изнасилования.

— Первый раз, как они отвалили, я не обратил внимания, но во второй обратил.

— Второй раз, то есть двадцать первого ноября?

— А вы откуда знаете?

— Я тоже думал и потом газеты читаю.

— Я подозревал, что это, возможно, они, но виду не подавал.

— Но они все равно догадались, верно?

— Не знаю. Они дали мне тысячу.

— А вчера говорил: пятьсот.

— Я ошибся. Во второй раз, как вернулась вся компания, Карл мне угрожал.

— Они пользовались автомобилем?

— Не знаю. Во всяком случае, из гостиницы шли пешком.

— А тот человек, которого ты не знаешь, приходил за несколько дней до их исчезновения?

— Дай бог памяти. Вроде бы да.

— Он тоже спал с Марией?

— Нет.

— А теперь изволь выкладывать все начистоту. Вспомни все свои первые судимости.

— Это я по молодости.

— Тем хуже. Такой человек, как ты, не мог не позариться на Марию.

— Я даже не дотронулся до нее.

— Еще бы! Остальных боялся.

— Да и ее тоже.

— Ладно! Хоть на этот раз не врешь. Только не надо меня уверять, будто ты просто время от времени открывал двери!

— Я действительно проделал в перегородке дыру. И устроил так, чтобы соседний номер занимали как можно реже.

— Кто с ней спал?

— Вся кодла.

— И подросток?

— Он чаще остальных.

— Вчера ты сказал, будто он ее брат.

— Он на нее похож. Больше всех был влюблен в нее. Я не раз видел его зареванным. Когда он один с ней оставался, то о чем-то ее упреждал.

— О чем?

— Не знаю. Они говорили по-своему. Когда в спальне появлялся кто-нибудь другой, пацан уходил в бистро на улице Роз и напивался.

— Они ссорились?

— Мужчины друг друга не переваривали.

— Ты действительно не знаешь, кому из них принадлежала рубашка с пятнами крови?

— Точно не могу сказать. Видел ее на Поленском, но они менялись одеждой.

— Как думаешь, кто из твоих жильцов был за вожака?

— Вожак у них не было. Бывало, как подымут хай, Мария их облает как следует, и они утихомирятся.

В свою трущобу домовладелец вернулся в сопровождении детектива, к которому он опасливо жался. Пахло от него хуже обычного: ведь у страха премерзкий запах.

Комелио, облаченный в безукоризненный костюм, в крахмальном воротничке и темном галстуке, наблюдал за Мегрэ, сидевшим на подоконнике спиной к окну.

— Женщина эта ничего не сказала и не скажет, — затягиваясь трубкой, произнес комиссар. — Со вчерашнего дня по Парижу разгуливают три диких зверя: Серж Мадок, Карл и подросток Петр. Несмотря на свой юный возраст, это отнюдь не безобидный мальчик-певчий из церковного хора. Не говоря о том человеке, который к ним наведывался и, по всему, является вожаком всей шайки.

— Полагаю, — произнес судебный следователь, — вы приняли все необходимые меры.

Комелио так и подмывало поймать на чем-нибудь Мегрэ. Слишком уж быстро, без видимого труда тому удалось столько узнать. Вроде бы занимаясь лишь своим подопечным, маленьким Альбертом, комиссар вышел на след банды, которую полиция тщетно искала в продолжение последних пяти месяцев.

— Начальники вокзалов предупреждены, не волнуйтесь. Проку от этого не будет никакого, но так положено. Ведется наблюдение на шоссе и на границе. Тоже так положено. Уйма циркуляров, депеш, телефонограмм, к делу привлечены тысячи людей, только...

— Это неизбежно.

— И все это сделано. Ведется наблюдение за гостиницами, особенно вроде таких, как «Золотой лев». Должны же эти люди где-то ночевать.

— Звонил один мой знакомый редактор, жаловался на вас. Насколько я понял, вы отказываетесь информировать репортеров.

— Совершенно правильно. Я считаю: незачем пугать парижан, сообщая им о том, что по улицам города безнаказанно разгуливают убийцы.

— Я согласен с Мегрэ, — заявил начальник уголовной полиции.

— Я отнюдь не осуждаю вас, господа. Просто пытаюсь составить собственное мнение. У вас свои методы работы. Особенно у комиссара Мегрэ. По-видимому, он не всегда расположен держать меня в курсе, а ведь в конечном счете ответственность за расследование возложена на меня. По моей просьбе общественный обвинитель объединил дело «пикардийских убийц» с делом маленького Альберта. И мне хотелось бы иметь четкое представление.

— Нам уже известно, — нарочно монотонно, словно читая, говорил Мегрэ, — как намечались жертвы.

— Вы получили сведения с севера?

— Нам они не понадобились. В номерах на улице Сицилийского короля Мерс обнаружил множество отпечатков. И хотя эти господа орудовали на фермах в перчатках и не оставляли за собой следов, и хотя убийцы маленького Альберта тоже были в резиновых перчатках, в гостинице они чувствовали себя как дома и перчаток не надевали. Отпечатки одного из преступников имеются в дактилоскопической картотеке.

— Которого?

— Карла. По фамилии Липш. Во Францию въехал легально пять лет назад. Документы в порядке. В числе прочих сельскохозяйственных рабочих был направлен на крупные фермы Пикардии и Артуа.

— В какой связи попал на заметку?

— Два года назад он был обвинен в изнасиловании и убийстве девочки-подростка из Сент-Обэна, где работал на ферме. На основании упорных слухов его арестовали, но месяц спустя за отсутствием доказательств освободили. Затем след его теряется. Очевидно, потом он перебрался в Париж. Мы прощупываем крупные предприятия в предместьях, и я не удивлюсь, если выяснится, что он тоже работал у Ситроена.

— Итак, личность одного из них установлена.

— Это не бог весть что, однако обратите внимание: с него-то все и началось. С любезного

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

разрешения Коломбани я ознакомился с его досье. Вот карта, которую он составил. Она оказалась весьма полезной. Я также прочитал в одном из его рапортов, что там, где совершались преступления, беглецов не было. Однако, поскольку там жило несколько поляков, поговаривали о «польской банде». Ей-то и приписывали убийства на фермах.

— К чему вы клоните?

— Когда группа рабочих, в которой находился Карл, прибыла во Францию, все разъехались кто куда. В тот период в местности южнее Амьена мы находим лишь одного его. И именно там были совершены первые три преступления. В каждом случае дело происходило на богатых, расположенных особняком фермах, и в каждом случае жертвами были пожилые люди.

— А последние преступления?

— Чуть к востоку, неподалеку от Сен-Кентена. Наверняка выяснится, что у Карла в тех местах была подруга или знакомая. Добраться туда он мог на мотоцикле. Спустя три года, когда возникла банда...

— Как вы считаете, где именно это произошло?

— Не знаю, но вы убедитесь, что большинство связанных с нею людей обитает поблизости от набережной Жавель. Всего за несколько дней до первого нападения Виктор Поленский еще работал у Ситроена.

— Вы говорите о водителе.

— Позвольте мне закончить свою схему. Вплоть до самой смерти маленького Альберта, вернее, до того, как на площади Согласия был обнаружен его труп, — я подчеркиваю это различие, — банда, на чьей совести было четыре зверских убийства, находилась в полной безопасности. Личность участников никому не была известна. Единственным очевидцем была девочка, видевшая женщину, которая пыталась ее мать. Мужчин она не разглядела, к тому же лица их скрывали черные шарфы.

— Нашли вы эти шарфы на улице Сицилийского короля?

— Нет. Вот почему банде ничто не угрожало. Кому бы пришлось в голову искать «пикардийских

убийц» в ночлежке? Не так ли, господин Коломбани?

— Совершенно справедливо.

— Маленький Альберт, внезапно почувствовав себя в опасности, — не забывайте: когда он мне звонил, он говорил, что его преследует поочередно сразу несколько человек, — так вот, этот маленький Альберт был зарезан в собственном кафе после того, как попросил защиты. Он собирался повидать меня. Выходит, ему надо было что-то сообщить мне, и преследователи это знали. Только вот вопрос: зачем понадобилось кому-то перевозить труп на площадь Согласия?

Слушатели молча посмотрели на комиссара, тщетно пытаясь ответить на вопрос, который Мегрэ часто задавал себе.

— Я вновь обращаюсь к досье Коломбани, где имеются удивительно точные детали. Для каждого из убийств на фермах банда использовала краденые автомобили, чаще всего фургоны. Почти все они были похищены поблизости от площади Клиши, во всяком случае, в восемнадцатом округе. Вот почему мы обследуем этот район особо тщательно. Автомобили отыскивались на другой день в том же округе, но чуть ближе к окраине.

— Какой вы из этого делаете вывод?

— Собственной машины у банды нет. Автомобиль нужно где-то хранить, а это может навести на след.

— Выходит, желтый автомобиль?..

— Желтый автомобиль краденым не был. Иначе бы нам это стало известно: владелец сообщил бы о похищении, тем более что машина была почти новая.

— Понимаю, — пробормотал начальник управления, между тем как Комелио, который ничего не понимал, досадливо хмурился.

— Надо было раньше догадаться. Вначале я допускал такую возможность, но затем от подобного предположения отказался, поскольку слишком уж все это сложно. Истина же, как я полагаю, всегда проста. Вовсе не убийцы бросили тело маленького Альберта на площади Согласия.

— А кто же?

— Не знаю, но скоро мы выясним.

— Каким образом?

— Я поместил в газетах объявление. Вспомните. Около пяти вечера, поняв, что мы бессильны ему помочь, Альберт кому-то позвонил.

— Вы считаете, он обратился за помощью к своим друзьям?

— Возможно. Во всяком случае, он назначил кому-то встречу. И этот кто-то не появился.

— Откуда вам известно?

— Не забывайте о желтом автомобиле, который из-за поломки довольно долгое время стоял на набережной Генриха Четвертого.

— Выходит, два человека, которые в нем находились, приехали слишком поздно?

— Именно.

— Минуту! Я тоже взгляну в досье. По словам вашей прорицательницы, автомобиль стоял возле «Маленького Альберта» с половины девятого примерно до девяти. А на площадь Согласия труп был доставлен лишь в час ночи.

— Они могли вернуться, господин судебный следователь.

— Чтобы забрать жертву преступления, которого не совершали, и отвезти в другое место?

— Вероятно. Я не предлагаю никакого объяснения. Я просто отмечаю факт.

— А что же тем временем произошло с женой Альберта?

— А если допустить, что ее отвезли в безопасное место?

— Почему же не убили вместе с мужем, поскольку она, предположительно, была в курсе его дел и, во всяком случае, должна была видеть убийц?

— А если она уехала заблаговременно? Почему мы знаем, что она не уехала заранее? Когда события принимают серьезный оборот, некоторые люди предпочитают, чтобы жена не путалась у них под ногами.

— Вам не кажется, господин комиссар, что все эти поиски сбивают нас со следа убийц, которые, по вашим же словам, разгуливают в это время по Парижу?

— А что наводит на их след, господин судебный следователь?

— Очевидно, труп на площади Согласия.

— Видите ли, как только мы поймем мотивы преступления, схватить банду не представит особой трудности. Однако прежде всего нужно понять их.

— Вы считаете, этого бывшего официанта убили потому, что ему многое было известно?

— Похоже на то. Я пытаюсь установить, каким образом он это узнал. Как только я это сделаю, мне станет также ясно, какими именно сведениями он располагал.

Коломбани не терпелось вставить слово.

— Может быть, поезд?— вмешался он, наизусть зная свое досье. Мегрэ поддержал коллегу.

— Какой поезд вы имеете в виду?— заинтересовался Комелио.

— У нас,— начал Коломбани, заметив поощряющие взгляды комиссара и начальника управления,— у нас есть небольшая зацепка, она появилась после последнего преступления. Однако мы не предавали это гласности, опасаясь спугнуть банду. Прошу взглянуть на карту номер пять, подшитую к делу. Девятнадцатого января преступление было совершено на ферме, принадлежавшей вдове, мадам Риваль, и ее дочери. В результате обе они вместе с работником и служанкой были убиты. Ферма называется Монашки, несомненно, потому, что построена на развалинах женского монастыря, и находится в пяти километрах от деревни Годервиль. В деревне имеется железнодорожная станция, где останавливаются пассажирские поезда. Расположена она на линии Париж — Брюссель. Нет нужды говорить, что пассажиры, едущие из Парижа в Годервиль, немногочисленны, поскольку путешествие длится много часов: ведь поезд останавливается на каждом полустанке. Так вот, 19 января в 8.17 вечера с поезда сошел некий мужчина, у которого был обратный билет Париж — Годервиль.

— Знаете его приметы?

— Весьма приблизительно. Моложавый, хорошо одетый господин.

— Речь с иностранным акцентом?— спросил Комелио. Он, видно, решил: пора и ему что-то выяснить.

— Человек этот ни с кем не разговаривал. Прошел через всю деревню, и больше его не видели. Однако на следующее утро в самом начале седьмого он сел на парижский поезд. Но сел в Муше, на другом полустанке, который находится в двадцати одном километре южнее. Такси он не нанимал. Никто из жителей деревни его не подвозил. Трудно поверить, чтобы целую ночь человек гулял ради собственного удовольствия. Он неизбежно должен был оказаться где-то поблизости от фермы Монашки.

Мегрэ прикрыл глаза: его охватила невероятная усталость.

— Получив эти сведения,— продолжал Коломбани,— в Северной железнодорожной компании мы навели справки относительно билета. Ведь билеты, сдаваемые пассажирами по прибытии, какое-то время хранятся.

— И билета вы не обнаружили?

— На Северном вокзале его не сдавали. Иначе говоря, пассажир вышел, видно, с другой стороны поезда или смешался с толпой где-нибудь в предместье, что совсем нетрудно. Таким образом, он остался незамеченным.

— Именно это вы имели в виду, мсье Мегрэ?

— Да, мсье Комелио.

— Каков же вывод?

— Не знаю. Маленький Альберт мог оказаться в одном и том же поезде. А может, это произошло на вокзале.

Покачивая головой, комиссар продолжал:

— Хотя нет. В таком случае его бы раньше начали преследовать.

— Что вы заключаете?

— Ничего! Кроме того, Альберт Рошен, по-видимому, располагал каким-то вещественным доказательством. Ведь после убийства банда не поленилась перевернуть вверх дном весь дом. Картина не вполне ясная. Потом Поленский зачем-то снова зашел в бистро.

— Вероятно, убийцы не нашли того, что искали?

— В этом случае они вряд ли послали бы полудиота. Поленский действовал на свой страх и риск, без ведома остальных членов банды, могу поручиться. Доказательством служит следующий факт. Как только бандиты узнали, что он может навести нас на их притон, они его шлепнули. Простите, господа. Я совершенно изнемог. Мегрэ повернулся к Коломбани.

— Смогу я увидеться с тобой часов в пять?

— Если тебе будет угодно.

У Мегрэ был такой измученный, усталый вид, что Комелио смущенно пробормотал:

— И все же вы кое-чего добились.

Как бы удивился Комелио, если б узнал, что, сев в такси, Мегрэ, помолчав, произнес:

— Набережная Шарантон! Я скажу, где остановиться.

У него из головы не выходил визит Поленского в кафе «Маленький Альберт». Ему явственно представлялось, как этот рыжеволосый идет кошачьим шагом, а по пятам за ним спешит Люка.

— Что подать, шеф?

— Все равно что.

Шеврье вполне вошел в свою роль, а Ирма, видно, оказалась хорошей стряпухой: в кафе сидело десятка два посетителей.

— Пройду наверх. Пошли ко мне Ирму.

Ирма поднялась по лестнице, на ходу вытирая руки о передник. Оказавшись в спальне, Мегрэ осмотрелся: окна распахнуты, в комнате чисто.

— Куда вы сложили вещи, которые тут валялись?

Вместе с Мерсом они составили перечень. Но в прошлый раз он искал вещи, которые могли оставить убийцы. Теперь же встал иной вопрос: что же хотел найти Поленский?

— Я все убрала в верхний ящик комода.

Расчески, коробка с заколками, несколько раковин с названием нормандского курорта, нож для разрезания бумаги, рекламирующий какие-то изделия, сломанный автоматический карандаш и всякая рухлядь, какая накапливается во многих домах.

— Тут все?

— Даже полупустая пачка сигарет и сломанная трубка. Долго нам тут оставаться?

— Не знаю, милая. Надоело это занятие?

— Мне лично нет. Просто посетители иной раз бывают слишком нахальны. Мужа это выводит из себя. Того и гляди отделает кого-нибудь...

Осматривая содержимое ящика, Мегрэ вытащил оттуда выдавшую виды губную гармонику, изготовленную в Германии. К удивлению молодой женщины, он сунул находку в карман.

— Это все?— спросила она.

— Все.

Спустя несколько минут он позвонил снизу мсье Луазо, озадачив бывшего патрона:

— Скажите, сударь, Альберт играл на губной гармошке?

— Нет, насколько мне известно. Петь пел, но я ни разу не слышал, чтоб он играл на каком-нибудь инструменте.

Мегрэ вспомнил, что на улице Сицилийского короля нашел губную гармошку, и тут же позвонил владельцу «Золотого льва».

— Виктор Поленский играл на губной гармошке?

— Ну а как же. Даже по улице ходил наигрывая.

— Он один на ней играл?

— Еще Серж Мадок играл.

— У них у каждого была своя гармоника?

— Вроде бы да. Да, да, точно. Они иногда вдвоем играли.

Между тем во время обыска в гостинице был обнаружен лишь один инструмент.

Вещью, за которой без ведома своих сообщников пришел в кафе на набережной Шарантон придурковатый Поленский и за это поплатился жизнью, была его собственная губная гармошка.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

КШИШТОФ ЗАНУССИ (справа)
* МАКС ФРНШ

Кшиштоф Занусси принадлежит к так называемому «третьему польскому кино», то есть к третьему послевоенному поколению польских режиссеров. По манере он холодноват, строго концептуален, часто желчен. Все это — не личные свойства (смею заверить, что Занусси — милейший и добродушный человек), а художнические. Быть может, одним из первых в мировом кинематографе Занусси в эпоху всеобщего упоения успехами НТР задумался о нравственной ущербности вскормленных ею гомункулов. Развивая тему, донапываясь до причин, меняя ракурсы и уровень взгляда (индивидуальный — социальный — философский), он не просто фиксирует знания явлений, будь то отчуждение, социальная апатия или распавшаяся связь времен, не просто назидает — он доказывает от противного существование вечных и прекрасных истин.

— Тот образ, которым мы пользовались до сих пор, был идеальным, а следовательно, далеким от жизни,— говорит Кшиштоф Занусси.— Я имею в виду убеждение, господствовавшее еще в XIX веке, что если устранить условия, делающие человека дурным, то исчезнут и сами эти дурные черты. Теперь мы поняли, и понимание это далось нам нелегко: нет, никуда они не исчезают, и даже напротив — социальная справедливость имеет и свою оборотную сторону. Ограждая человека от лишений, гарантируя ему работу, жилище и отдых, мы тем самым лишаем иных инициативы и ответственности за положение дел в обществе. Человек привыкает к мысли, что общество — его вечный кредитор, не требующий ничего взамен или требующий ничтожно мало. Другое лицо человечества — это эгоистическое желание иметь, жажда обладания. И если человек знает, что за свою инициативу он будет много иметь — необязательно материальные блага, это может быть власть, это может быть слава, — он преодолевает свою естественную инертность. Можем ли мы помочь своим согражданам решить эту дилемму?

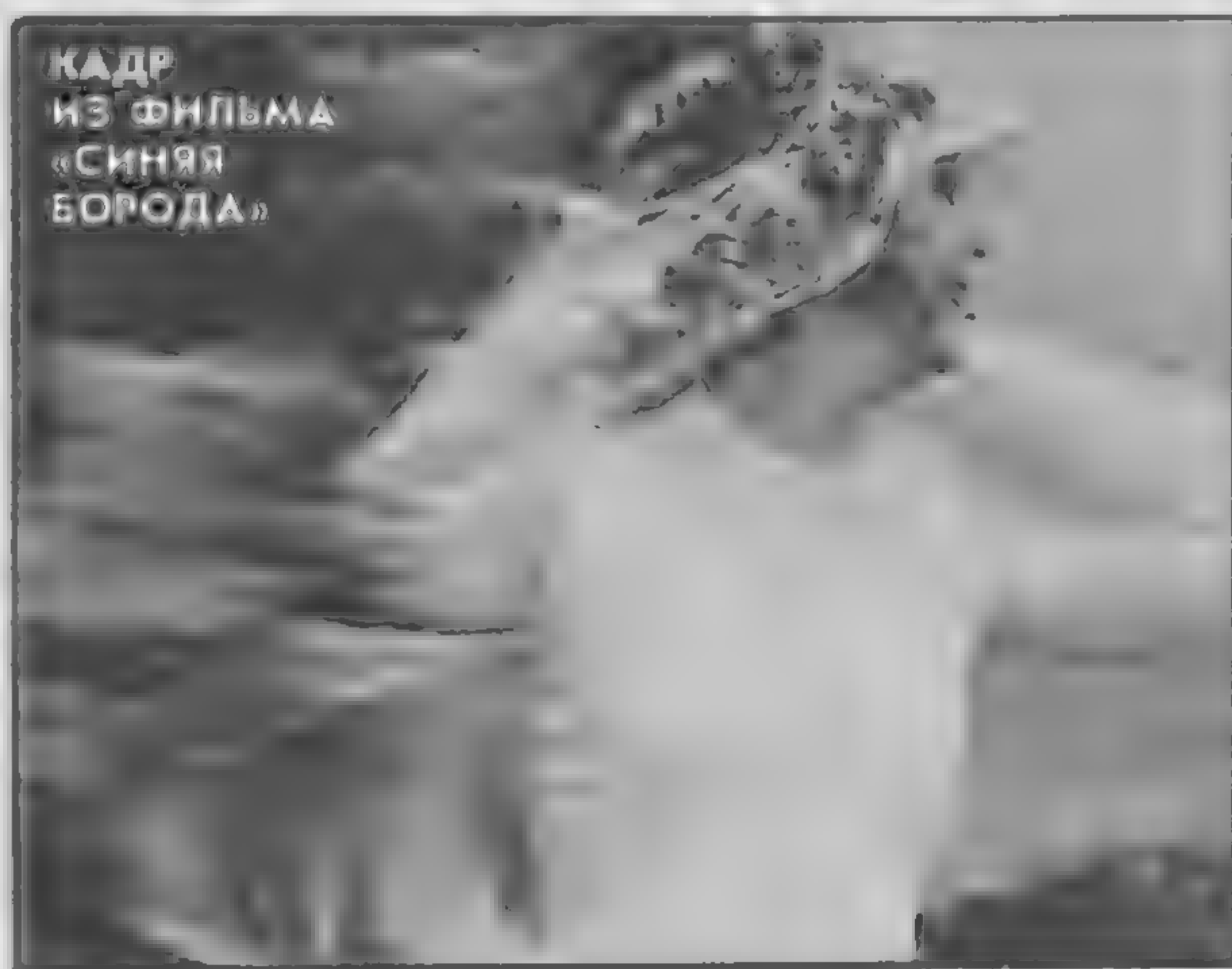
Современный человек должен принять на себя ответственность за многое, о чем наши предки не только не имели, но и не могли составить ни малейшего понятия, — я говорю о массах, не принимавших никакого участия в жизни общества и, главное,

КШИШТОФ ЗАНУССИ: «НАЙТИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

КАДР
ИЗ ФИЛЬМА
«СИНЯЯ
БОРОДА»

На Московском кинофестивале специальный приз Союза кинематографистов получила программа художественных фильмов Польши. В этом — несомненное признание высокого уровня современного польского кино. Мы предлагаем беседу с директором творческого объединения «Тор» Кшиштофом Занусси. Это один из интереснейших польских режиссеров, бесспорно, принадлежащий к мировой киноэлите. Его картины удостоены множества призов, в том числе «Золотого льва» — Гран-при Венецианского кинофестиваля («Год спокойного солнца», совместное производство ПНР—США—ФРГ). В свое время в советском прокате шли его фильмы «Структура кристалла» и «Квартальный отчет». Кшиштоф Занусси — лауреат Государственной премии ПНР.

не испытывающих потребностей в этом. Я хочу увидеть человека в этой новой роли, человека не только думающего, но и действующего, но и ответственного.

— Многие ваши герои — люди науки или, во всяком случае, носители рационального мышления. Выскочив из колеи, они оказываются совершенно беспомощны перед лицом действительности, которая всегда богаче нашего знания о ней. Если это концепция, то в чем ее суть?

— Не только мои герои, но и сам я — человек науки, пользуюсь (надеюсь, что пользуюсь) логикой, и тем не менее рациональный взгляд на вещи не удовлетворяет меня. Мы все еще живем анахронизмами, и один из них — вера во всемогущество науки. Да, наука может объяснить многое — инстинкты, химию мозга, но это не полное знание о человеке. Остается еще обширная сфера иррационального, а это и есть самое важное для меня. Все начинается на уровне тела, к которому я, как европеец, отношусь безо всякого уважения. Отношение к семье, к природе, к нации, к родине, к расе — все это у меня в крови, в генах. В Японии я постоянно чувствовал, что я другой. Я знаю, что мои черты лица, мой цвет кожи, мой язык формируют в сознании японца определенный стереотип, и наоборот. Эти стереотипы зафиксированы даже в наших рецепторах, и здесь ничего нельзя декретировать. А все мои чувства, когда я должен звонить Зигмунду Фрейду, чтобы он разобрался в моей личной жизни, которую я сам не в состоянии постигнуть, — что это, как не еще одна, скрытая от меня, моя иррациональная сущность? Как же мы хотим выработать нравственность и блюсти ее, если не желаем замечать всего этого? Наука для меня — это инструмент, который манипулирует предметом, но не в силах объяснить его.

Суждения Занусси о науке можно было бы (и даже соблазнительно) считать результатом исключительно личного опыта: в свое время он учился на физическом факультете Варшавского университета, занимался научной работой. Но вот совсем недавно я имел случай услышать нечто подобное от академика Б. В. Раушенбаха — представителя точных наук. Борис Викторович произнес сердитый монолог в защиту иррационального сознания. Иррациональное, настаи-

вал он, — не отклонение от нормы, не аномалия. Это не компетенция науки, только и всего. Мы все еще пытаемся объяснить логически, за что надо любить родную мать — зачем, что это изменит? И в самом деле: кажется, наука «превысила полномочия». Но где в таком случае границы иррационального?

— Но ведь границы — знак ограниченности, — отвечает Занусси. — Они нужны, если понимать пространство человеческого сознания как замкнутое. В действительности же человек бесконечен, он развивается во многих направлениях — или, если угодно, измерениях — и измерения эти вовсе не мешают друг другу. Важно понять: и человек и мир усложнились, элементарные причинно-следственные связи ничего не объясняют — значит, надо отказаться от привычки мыслить одномерно. Богатство современного человека в множественности и разнообразии подходов, а он по-прежнему стремится к единственному. Отрицать существование иррационального смешно — надо просто найти ему место в нашей духовной жизни, относиться спокойно, но внимательно.

— Итак, вы говорите о несостоятельности многих наших привычных представлений. Нанова же в этих условиях роль художника? Взаимоотношения искусства и морали?

— Пришло время, когда художник должен найти новые горизонты. Я не думаю, что мы нуждаемся в какой-то небывалой морали. Мораль все та же: найти ее принципы в новых условиях — вот задача, стоящая не только перед художником, но и перед всяким современным мыслящим человеком.

Разумеется, есть существенная разница между тем, что происходит на Западе и в мире вообще. В богатых странах Запада, по-моему, утрачен символ веры — он превратился в голую фразу. Они богаче, и вот им кажется, что и дух их сильнее, что он так же силен, как и их мускулы. Они слишком высокого мнения о своей нравственности, но это только потому, что западному обывателю не на чем проверить свою нравственность. Мораль благополучного человека пассивна: как оценить вашу любовь к родине, если ее у вас никто не отнимает? Но Северная Америка

и Европа — это лишь оазисы в нашем драматическом и конфликтном мире, где рядом с богатством и благополучием соседствуют нищета и страдание. В этом мире мораль подвергается постоянному и суровому испытанию. В этом мире я всегда знаю, поделился ли я со своим собратом, сделал ли я что-нибудь для него, и что именно, и сколько. Значит, я уже не имею права утверждать, что я абсолютно ни в чем не виноват и от меня ничего не зависит.

Я знаю художника, выразившего поиск правды, о котором я говорил. Художника, добившегося поразительного синтеза языка и мысли. Художника — творца космологической модели мира. Его имя — Андрей Тарковский.

У него был редчайший дар одухотворения реальности. Большинство из нас видят только то, что видят, — он видел больше. Когда мы с ним путешествовали по Америке, в штате Колорадо нам показали место, где Джон Форд снимал свой «Дилижанс». Андрей сказал: «Как жаль использовать такой метафизический ландшафт для коммерческой картины». Я перевел, но знал, что американцы не поймут. Сам же я именно тогда понял эту способность Андрея смотреть на материальный мир не как в зеркало, а как в окно. Глядя на материальный мир, он прозревал глубины духа, бесконечность человеческого существования. И взгляд его не был направлен вовнутрь, он никогда не использовал бы возмущавшую его картину в том чисто спекулятивном интеллектуальном контексте, который для многих из нас и есть единственный объект отражения. Дрейер, Бергман, Бунюэль и Тарковский — вот кто внушил мне возможность такого взгляда на мир. И Андрей в этом ряду на первом месте.

Именно он утвердил во мне веру в то, что кино может выразить сквозь материальную действительность жизнь духа. Независимо от того, где он снимал, на каком языке, — он продолжал оставаться самим собой, был последовательным, никогда не повторял однажды открытого. Последняя сцена его последнего фильма: горит дом. Мне кажется, — а я видел Андрея за несколько дней до смерти, — этой сценой он поставил точку.

Отдал все, оставшись наедине с бесконечностью бытия.

Вспомнил: когда-то Кшиштоф рассказывал мне, что его «Семейная жизнь» имела другой финал, а именно — пожар усадьбы. Неожиданная и многозначительная параллель; важно и то, что финал этот не попал в окончательный вариант картины.

— Что вы думаете о проводимой в Советском Союзе реформе кинопроизводства?

— Для меня здесь самое главное — найти новые критерии, новую шкалу оценок, при которой достоинства фильма определялись бы не только коммерческими показателями, но и степенью его воздействия на умы — быть может, немногие, но зато те, которые участвуют в формировании общественного сознания. В искусстве всегда существовал авангард — не только авангард языка, но авангард мысли, авангард чувства, порой непонятный массовому зрителю. Иногда большому художнику удается совместить обе задачи: идейную и коммерческую. Так произошло, например с феллиниевской «Дорогой». Я был бы счастлив добиться двойного успеха. Но если идея и касса пришли в противоречие, я всегда поступлю в ущерб кассе.

— Что сегодня волнует польского зрителя?

— Недавно на наш экран вышли сразу две интереснейшие картины Кшиштофа Кислевского (вы знаете его по фильму «Кинолюбитель», где и сам я сыграл одну из ролей). Одна из них — «Без конца» — кажется, первый фильм, рассказывающий о Польше после 1981 года. Ее главный герой — рабочий, попавший в тюрьму. У него есть возможность получить свободу (имеются опытные адвокаты), но он не желает свободы ценой лжи. Общественный резонанс фильма чрезвычайный, каждого из нас он задевает за живое.

Серьезный разговор о последних работах Занусси впереди: я, как и Кшиштоф, надеюсь, что советский зритель получит возможность увидеть их. А впрочем, почему только последние? Фильмография Занусси насчитывает два десятка названий — более чем достаточно для полноценной ретроспективы, которая наверняка станет крупным событием нашей культурной жизни.

Владимир АБАРИНОВ

КОРОВЫ КРУТИЛИСЬ НА МЕСТЕ, НЕ ПОНИМАЯ, ОТКУДА ЛУПИТ ПО ИХ ШКУРАМ ЭТОТ ГРОХОТ. МАЛЬЧИШКИ НЕСЛИСЬ ПО ПРОСЕЛКУ, ПОДНИМАЯ БОСЫМИ НОГАМИ ТУЧИ ПЫЛИ, РАДОСТНО ВИЗЖАЛИ, РАЗМАХИВАЯ РУКАМИ. А СТАРИК В ВЫЦВЕТШЕЙ ГОЛУБОЙ РУБАХЕ СТОЯЛ НА ПОРОГЕ ДОМА И С НЕНАВИСТЬЮ ГЛЯДЕЛ НА НЕБО.

ОТТУДА, СВЕРКАЯ ПОД СОЛНЦЕМ ЛОПАСТЯМИ, ПИКИРОВАЛО НА КИШЛАК ПЫШУЩЕЕ ЖАРОМ ЧУДОВИЩЕ. ПО БОРТУ — НАДПИСЬ: «ГАИ». НО СТАРИК НЕ ДАВАЛ ОБМАНУТЬ СЕБЯ. ОН ЗНАЛ, ЧТО ВЕРТОЛЕТУ ГАИ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ ВДАЛИ ОТ ШОССЕ, В КРАЮ ГРУНТОВЫХ ДОРОГ. ОН-ТО ДОГАДЫВАЛСЯ, ЗАЧЕМ ЛЕТАЕТ НАД КИШЛАКОМ ОРАНЖЕВАЯ РАЗГОРЯЧЕННАЯ МАШИНА, ЧТО ВЫСМАТРИВАЮТ ПРИЛЬНУВШИЕ К ИЛЛЮМИНАТОРАМ ЛЮДИ. НО, В БЕССИЛИИ СЖИМАЯ КУЛАКИ, ОН ПОНИМАЛ, ЧТО УЖЕ НИЧЕГО ИЗМЕНИТЬ НЕ МОЖЕТ...

Рисунок
Алексея ОСТРОМЕНЦКОГО.

ПОЛЕ ЧУДНОЕ

Сергей УСТИНОВ

Мак! Видишь?! Второй дом за фермой! Посев мака! — кричал Толя Тешабаев, старший оперуполномоченный уголовного розыска УВД Ташкентской области, пытаясь перекрыть рев двигателя. Но я ничего не мог различить среди буйной зелени, утопившей тихий кишлак.

Мак я увидел, лишь когда сошел на землю. Но зато его было много. Целое маленькое поле мака.

Здесь придется нарушить законы жанра и сделать небольшое отступление. Редакция снарядила меня в Узбекистан для подготовки репортажа о том, как идет тут операция «МАК-87» по уничтожению незаконных посевов опийного мака и содержащих наркотик сортов конопли — сырьевой базы наркомании. В первый же день в Министерстве внутренних дел республики меня любезно ознакомили со справкой, из которой вырисовывались грандиозные масштабы мероприятия: задействованы более семнадцати тысяч человек, из них около восьми тысяч сотрудников милиции и девять тысяч общественников! 859 оперативно-поисковых групп, мотоциклы, автомашины, вертолеты!.. Я больше всего интересовался последними. Глядя на карту Узбекистана, как-то не верилось, что на огромном этом пространстве две ноги, пусть даже помноженные на семнадцать тысяч, могут играть большую роль, чем современная техника.

В воздух, однако, мне удалось

подняться лишь перед самым концом командировки. Но если бы только я припозднился!..

Мак цвел уже около двух недель, уже отцветал, кое-где (как мы смогли убедиться своими глазами) даже приступили к его сбору, когда уголовный розыск Ташкентской области в лице майора Тешабаева получил впервые возможность попользоваться вертолетом. Одним. Ненадолго. С понедельника до пятницы. Шесть часов в день. При условии, что не случится чрезмерной жары, от которой перегревается двигатель, дождя или ветра...

— Нет денег, — горестно разводит руками Анатолий. И выглядит так, будто это у него, старшего оперуполномоченного угрозыска Тешабаева, не хватает наличности, чтобы оплатить аренду вертолета. Выпросили машину сейчас, в самую середину поры цветения. А через пару недель, когда зацветет в горных районах, уверены, что вертолет им не достанется...

— ...Вот и ходим вечно с протянутой рукой, — грустно подтверждает первый заместитель министра внутренних дел Узбекистана Эдуард Алексеевич Дидоренко. — Где руководители ведомств и местные хозяйственники относятся с пониманием, нам помогают, хотя честнее назвать это — подают. А где относятся без понимания... Просящим требовать не с кого.

Боюсь, я открою государственную тайну (ибо наша бедность до сих пор всегда была строжайшей государственной тайной), но милиция бедна. Фондами, техникой, жильем, деньгами. Это кажется тем более странным и непонятным, что в процессе отправления определенных им обществом функций — охраны порядка, предупреждения и раскрытия преступлений — органы внутренних дел не только сохраняют, но и прямо возвращают государству и отдельным гражданам буквально горы денег и ценностей! Нет, речь не о «хозрасчете», разумеется. О понятном любому школьнику разумном принципе: всякое дело, дабы оно держалось на уровне современных требований, нуждается в постоянной модернизации, в притоке новых средств, техники.

Возвращаясь к вертолетам, скажу: стоимость аренды их очень высока — многие сотни рублей в час. Таких денег у МВД республики нет. Но есть ли острая нужда использовать при поисках незаконных посевов опийного мака столь дорогостоящую технику?

Жена старика надрывно кашляла. Она начала кашлять, едва сотрудники в форме вошли во двор, и заходила все то время, что оформлялся с понятными протокол.

— Наверняка будут объяснять, что у нее болезнь такая, что от нее только маком и спасаются, — шепнул мне на ухо Тешабаев.

И как в воду глядел. Старик бил себя в грудь, плакал, кричал про лекарство, про отца и деда, которые испокон века сажали мак и заваривали кофак — измельченные маковые головки. Падал на колени, рвал на себе рубаху: дескать, только для себя выращивал, без него не жить, убейте на месте! И только когда увидел, что протокол закончен и сотрудники милиции, сняв фуражки, серпами срезают первые ряды растений, понял, что разжалобить никого не удастся. Встал с коленей, отряхнул штаны, злобно прикрикнул на жену: «Да прекрати ты!» Старуха сразу перестала кашлять и, обиженная, ушла в дом.

— Не много ли тебе одному будет? — строго спросил хозяина начальник райотдела милиции капитан Темиров, окидывая взглядом маковое поле — никак не меньше трех соток площадью. С дороги его прикрывали от нескромных глаз развешанные на веревках ковры и одеяла, со стороны поле окружали плотно стоящие деревья и кусты.

Вот лишь несколько строк из многостраничного уголовного дела, по которому совсем недавно в Узбекистане осуждена большая преступная группа производителей и сбытчиков наркотиков:

«Воспользовавшись тем, что начинается созревание урожая опийного мака и идет сбор млечного сока — производство сырья опия, Юсупов, Нурматов и Рузматов предприняли активное действие по скупке опия у различных не установленных следствием лиц. Кроме того, Юсупов и Нурматов основную часть подготовленного опия изготовили из урожая, выращенного на своих приусадебных участках...

В обговоренное время Юсупов, Нурматов и Рузматов прибыли в дом к Фатахову и Ризаеву (скупщики наркотиков. — С. У.), принесли по 6 килограммов опия, получив за это по 90 тысяч рублей. Всего же Фатахов и Ризаев скупили у них 18 килограммов опия, заплатив в общей сложности 270 тысяч рублей».

Здесь необходим комментарий. Пятнадцать рублей за грамм опия — цена, так сказать, закупочная, оптовая. А чем дальше от мест произрастания мака, тем она, естественно, выше: вдвое, втрое, вчетверо, впятеро... Одновременно на рост цен влияют и эффективные меры органов милиции по выявлению маковых посевов и перекрытию каналов сбыта.

Эксперты из уголовного розыска полагают, что один гектар опийного мака в конечном итоге может принести распространителям наркотиков до двух миллионов рублей. Это не считая кофак, измельченных маковых головок, цена которого меньше — до трехсот рублей за килограмм, но зато счет его ведется не на граммы, а на центнеры: известны случаи, когда милиции удавалось задерживать целые грузовики с этим зельем... Ну какой еще из сельхозпродуктов может сравниться с маком по «рентабельности»? Вопрос риторический. Воистину настоящее «поле чудес», где деньги буквально растут из земли!

Но есть и еще одна арифметика. Сотрудники отдела по борьбе с наркоманией скажут вам, сколько примерно нужно среднему городскому наркоману, пользующемуся услугами перекупщиков, для того, чтобы держать себя «в кондиции». Минимум

шестьдесят — семьдесят рублей в день. Около двух тысяч в месяц. И те же сотрудники подтвердят: ни один наркоман еще не заработал эти деньги честным путем.

Так простое математическое уравнение становится социальным. Мы все сейчас любим говорить о том, что надо учиться считать. Что пора бросить мыслить узковедомственными категориями, надо смотреть шире, всегда думать о государственной пользе в самом широком смысле этого слова. Вот и давайте. Пример для упражнения несложен: откуда берут потребители наркотиков эти миллионы на оплату «молочка», текущего с незаконных маковых гектаров? Как связаны безобидные на вид цветочки с кражами и хищениями, карточными играми и проституцией, мошенничеством и грабежами, наконец, разбойными нападениями и убийствами?

Если продолжать составлять уравнения, может получиться вот что. Все эти явления очень беспокоят милицию. Но у милиции, как уже сказано, нет денег. Деньги есть у Агропрома, но грабежи и кражи, извините, не относятся к его компетенции. Где же решение?

«Директору Всесоюзного научно-исследовательского центра «АИУС-агроресурсы» Попову Г. И.

...Значительные трудности возникают при обследовании обширных труднодоступных предгорных и пустынных районов республики, где в последние годы преступники производят незаконные посевы опийного мака.

Прошу в порядке оказания шефской помощи в обследовании таких районов поручить Ташкентскому филиалу ВНИЦ «АИУС-агроресурсы» в ходе выполнения производственных заданий в мае — июне произвести спектрально-аэрофотосъемку с целью выявления незаконных посевов... Районы будут определены исходя из имеющихся возможностей и наличия плановых работ в Ташкентском филиале.

С уважением — первый заместитель министра внутренних дел УзССР Э. А. Дидоренко».

Снова — «в порядке шефской помощи», «исходя из имеющихся возможностей»! Ну да ладно, и шефская помощь бывает разной, и не такие горы сворачивали на энтузиазме. Вот пример:

«По просьбе МВД УзССР на территории Ташкентской, Сурхандарьинской, Самаркандской областей и Каракалпакской АССР Ташкентским филиалом ВНИЦ «АИУС-агроресурсы» проводились экспериментальные работы по изучению прикладного применения методов дистанционного зондирования в выявлении незаконных посевов и дикорастущих зарослей наркотикосодержащих культур. Была установлена возможность применения аэровизуальных наблюдений и телевизионной аэрофотосъемки для решения поставленных задач...

На основании полученных результатов при условии выделения дополнительного лимита численности и средств Ташкентский филиал ВНИЦ имеет возможность выполнения работы этого направления в опытно-производственном режиме. Применяемое воздушное средство — вертолет Ми-8, аренда которого составляет 850 рублей за один час полета. На основе проведенных экспериментальных работ на 1000 гектаров обследования необходимо 23 минуты летного времени. Средняя площадь регулярно орошаемой пашни по области составляет 255 тысяч гектаров, на обследование которой, согласно приведенным нормативам, необходимо 97 часов летного времени. Сумма оплаты за аренду авиасредств составит 83,5 тысячи рублей и 2,8 тысячи рублей фонд заработной платы, включая оплату бортнаблюдателям за налет часов...

Директор Ташкентского филиала — Г. И. Мадалиева».

И снова простой подсчет показывает: для обследования всей республики надо что-то около миллиона рублей. Согласно «нормативам» черного рынка, каких-нибудь полгектара мака...

«Первому заместителю министра внутренних дел УзССР т. Дидоренко Э. А.

Копия: Директору Ташкентского филиала ВНИЦ «АИУС-агроресурсы» т. Мадалиевой Г. И.
Руководство ВНИЦ «АИУС-агроресурсы» рассмотрело вашу просьбу и разрешает Ташкентскому филиалу произвести сверх плана спектрально-аэрофотосъемку с целью выявления незаконных посевов опийного мака... с учетом имеющихся возможностей Ташкентского филиала.
Директор ВНИЦ «АИУС-агроресурсы» — Г. И. Попов».

Как говорится, за что боролись... С одной стороны, просили «в порядке шефской помощи», с другой — «при условии выделения дополнительного лимита». И получили: «с учетом имеющихся возможностей...» А возможностей не имеется.

В 1986 году денег выделено не было. В 1987-м пришло сообщение: ВНИЦ выделил филиалу сто тысяч. Не бог весть что, конечно, хотя все-таки сумма. Но, во-первых, пришло сообщение, а не деньги, которые малой скоростью отправлены в Узбекистан по невидимым простым глазом банковским каналам. Во-вторых, произошло это в разгар операции «Мак». Так что МВД республики не оставалось ничего другого, как ждать и гадать: что поспеет быстрее — деньги или опий?

И еще об одном хочу сказать. Энтузиазм специалистов из Ташкентского филиала не ограничивается одними прикладными поисками незаконных посевов. Есть идея построить специальную теплицу для выращивания опийного мака. Тогда, применяя спектральный анализ, можно будет с ранней весны изучать с воздуха все стадии произрастания опийного мака. И в будущем не дожидаться короткого периода его цветения и поспевания, а начинать операцию «Мак» гораздо раньше, уничтожать посевы буквально еще в зародыше, поставив дело на широкую государственную основу, используя достижения и науки, и техники. Впрочем, читатель уже догадался, конечно, что денег на теплицу (которую, к слову, берет на охрану МВД) пока нет.

Старик безучастно следил за тем, как жгут, предвительно облив соляркой, маковые стога. Только в этом году в Узбекистане уже уничтожено более двух тысяч незаконных посевов общей площадью до пятидесяти гектаров. Занимается в основном милиция: Агропром не проявляет особой активности, даже когда речь идет о его удобствах.

Кто эти люди, хозяева «чудесных» полей и огородов? Не те ли самые «не установленные следствием лица», у которых Фатаховы и Ризаевы через Юсуповых и Нурматовых скупают отраву, чтобы потом с наживой продать ее по всей стране?

Лопались с треском в огне наливающиеся восковой спелостью маковые коробочки, проступал кое-где на стенках мутноватый сок. Уже привычно я прикидывал, сколько преступных тысяч горит на наших глазах. Огорчало лишь, что ни здесь, в районе, ни в республиканских ведомствах никто не мог хотя бы примерно прикинуть, сколько тысяч мы упустили и сколько еще упустили. Короткое время, отпущенное природой, стремительно истекло. Мак созревал.

Ташкент — Москва.

ВОЗВРАЩАЯСЯ
К НАПЕЧАТАННОМУ

ПОЛГОДА МЕЖДУ ЖЕЛТЫМ И ЗЕЛЕНЫМ

«Рок-музыканты за доверие» — так называлась публикация в «Огоньке» № 7 за этот год. Речь шла о предложенном американской стороной увеличительном проекте сотрудничества на уровне рок-музыки.

Бориса Гребенщикова с «Аквариумом» ждут в США не в качестве эзотерической диковинки.

Первоначально планировалась ознакомительная поездка, налаживание личных контактов и пробный концерт в Нью-Йорке 16 сентября совместно с Гордоном Саммером — «Стингом» из группы «Полис». Далее запись в престижной студии «Пауэр стейшн» с привлечением известных исполнителей и музыкантов США и Великобритании. В подготовке контракта с советской стороны участвовало объединение «Международная книга».

Все шло довольно гладко до тех пор, пока не подошло время делать практические шаги, то бишь оформлять поездку Гребенщикова. Весьма неожиданно (действительно неожиданно в новых условиях) завертелась бумажно-бюрократическая карусель. Доходило до того, что в родном городе музыканта многие культурные деятели вообще узнавали о нем впервые и не могли взять в толк, что за честь оказалась накому-то там «Аквариуму»?

Допустим, не всем дано разобраться в нюансах молодежных музыкальных течений. Дело это сугубо личное. И хорошо, что даже с превеликим опозданием бумаги из Ленинграда ушли, наконец, в столицу. Ушли, чтобы затеряться в недрах здешних ведомств, будто бы причастных к советско-американскому проекту. Прошел срок 16 сентября, сорван был концерт в Нью-Йорке, организаторы понесли ощутимые финансовые потери.

— Вполне обоснованно нас могут причислить к числу несерьезных партнеров. Может ли «Огонек», впервые рассказавший читателям о возможной поездке Гребенщикова в США, помочь и ему, и нам? — обратился в редакцию заместитель директора фирмы «Совискусство» В.О. «Международная книга» В. М. Соколов. — С большим трудом удалось выяснить, что бумаги осели в Министерстве культуры СССР и вместо скорейшей передачи их нам там делают вид, будто вообще ничего не знают.

Пять раз за полгода побывали в Советском Союзе американские устроители проекта. Давным-давно расходы превзошли планируемые.

Не парадокс ли? Человека приглашают за границу не на отдых. Работать на равных с коллегами, принести пользу своей стране и поднимать ее престиж в глазах молодого (что особенно важно!) поколения американцев. Тех самых, с которыми уже в недалеком будущем нам предстоит решать важные дела, развивать отношения в плане нового политического мышления. И вместо столь нужной гибкости и оперативности — демонстрация отжившего «кабинетного стиля».

Два дня потребовалось на «телефонное проникновение» в Минкульт с одним-единственным вопросом:

— Что происходит? Почему и по чьей вине тормозятся сроки? Скоро ли «Международная книга» получит нужные ей бумаги и перестанет оправдываться перед американской стороной?

— Ничего не понимаю! — искренне удивился начальник управления внешних сношений нашего культурного ведомства В. Ф. Гренков. — Министерство не имеет ни малейшего отношения к поездкам в зарубежные страны непрофессиональных коллективов и исполнителей.

— Но...
— Именно так. Документы могли попасть к нам скорее всего по ошибке, сотрудники могли даже не знать, что с ними делать. Попробую разобраться сам.

Щекотливая ситуация. На светофоре перед Гребенщиковым продолжает гореть желтый свет, а зажечь зеленый одни не могут, другие не знают, как это делается, третьи... Быть может, просто не хотят?

Владимир КОВАЛЕВ

САМО СЛОВО «ВЕЛОМОБИЛЬ» СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ПРИВЫЧНЫМ В ОБИХОДЕ, ХОТЯ СМЫСЛ ЕГО, ПРИЗНАЕМСЯ, ПОКА ЕЩЕ БОЛЬШИНСТВУ МАЛО ПОНЯТЕН. ЗАЧЕМ ПОНАДОБИЛОСЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К «САМОБЕГЛОЙ КОЛЯСКЕ» КУЛИБИНА! ДОКАЗЫВАЕТ ЛИ НА ЭТОТ РАЗ ИДЕЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ! КАКОЕ МЕСТО ПРИЗВАН ЗАНЯТЬ В НАШЕМ ОБИХОДЕ ЭТОТ НЕБОЛЬШОЙ, НЕ СЛИШКОМ БЫСТРО ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЖУК! ДА И ОСТАЛОСЬ ЛИ МЕЖДУ АВТОМОБИЛЕМ, МОТОЦИКЛОМ, ВЕЛОСИПЕДОМ ДЛЯ НЕГО МЕСТО!

ФИРМА «ВНЕДРЕНИЕ»

Татьяна
НОВИКОВА

Фото
Анатолия
БОЧИНИНА

ВЕЛОМОБИЛЬ ЭТО

В

домашнем кабинете председателя клуба энтузиастов биотранспорта, созданного в мае прошлого года при ЦПКиО имени Горького, Вениамин Вениаминович Ульяновский. — Прежде всего это такие транспортные средства, которые не находятся в противоречии с биосферой. Экологически чистые, поскольку источником их энергии является мускульная энергия человека. Сегодня у таких средств множество энтузиастов в разных городах

— Что называть «биотранспортом»? — рассуждает вслух Вениамин Вениаминович Ульяновский. — Прежде всего это такие транспортные средства, которые не находятся в противоречии с биосферой. Экологически чистые, поскольку источником их энергии является мускульная энергия человека. Сегодня у таких средств множество энтузиастов в разных городах

ЕГО ПОКАЗЫВАЮТ
НА ВЫСТАВКАХ,
В КИНО
И ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ.
В ГАЗЕТАХ.
ОБСУЖДАЮТ
НА НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЯХ.

нашей страны. В течение последних лет регулярно в литовском городе Шяуляе проводится всесоюзный смотр новых видов подобных транспортных средств. Пока в основном это велосомобили. Есть и плавающие конструкции. Есть и очень интересные аппараты, которые даже велосипедом на воде назвать невозможно. Велосомобили сегодня могут везти до четырех пассажиров. Конструкции, которые предлагают изобретатели, столь различны, что пришлось внести ясность: что же считать велосомобилем и почему, скажем, недостойн такого названия обычный трехколесный велосипед! Велосомобиль прежде всего

отрезан от окружающей природы... Путешествие на велосомобиле — это нечто совершенно иное. Получаешь заряд бодрости, физической нагрузки, огромное количество эмоциональных впечатлений. Все это создает какой-то необычный настрой...
— Выходит, в семье желательно иметь и автомобиль, и велосомобиль!

А.Б. СЕРЬЕЗНО

устойчив, прост в управлении. Он непременно должен иметь кузов, который сделает прогулки удобными в любую погоду. Наконец, разница «автомобильной» и «велосипедной» посадок: в велосомобиле ездить и удобнее, и полезнее. И это еще далеко не все преимущества.

На полу комнаты — старые сиденья из салонов авиалайнеров, детали подержанных велосипедов. Этот запас постоянно пополняет местная детвора. Телефонный звонок. В пункте проката обещают передать Клубу энтузиастов биотранспорта списанные велосипеды.

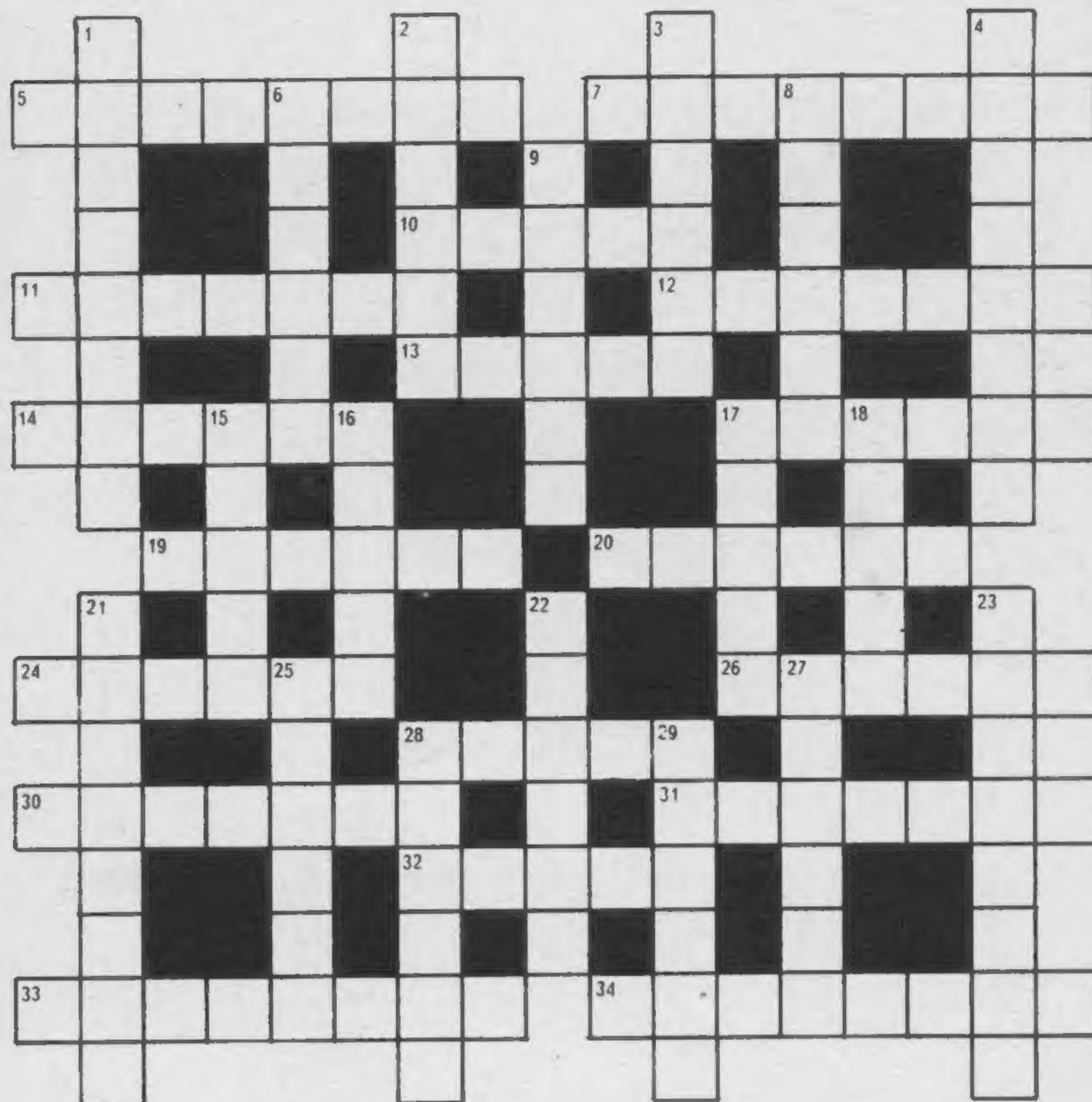
— Велосомобиль — прекрасный тренажер, — продолжает наш разговор Ульяновский. — И в дороге, и, если снять с него колеса, в домашних условиях. Возродившись в новом качестве и в новом обличье, старая идея позволяет человеку реализовать свои возможности с большей эффективностью. Наверняка придет время, когда велосомобиль будет прописывать для реабилитации после тяжелых болезней, травм или в профилактических целях. Уже намечены конкретные шаги по внедрению велосомобилей в санаторных учреждениях Прибалтики.

— А для более широкого круга! — Дело в том, что поездка на велосомобиле в общем-то ни с чем не сравнима. Я сам автолюбитель. Много езжу, в том числе и по стране. Так вот в автомобиле человек ощущает себя в замкнутом пространстве, он

— Думаю, да! Обычно мы с друзьями начинаем отдых в выходной на моем «Запорожце», а на багажнике уместятся три велосомобили — для прогулки на лоне природы. Но это только один из вариантов применения. Велосомобиль незаменим и для коротких поездок по городу: на работу, в гости. Кстати, в адрес КЭБа приходят сотни писем тех, кто хотел бы приобрести велосомобиль. Целый ряд предприятий и организаций выразил готовность содействовать нам в производстве таких машин. В ЦПКиО мы рассчитываем открыть пункт их проката для посетителей парка. Но все это не решает проблемы производства велосомобиля серийно. Ведь она включает и вопросы новых транспортных решений в черте города, и многое другое. Путь их решения, я думаю, один. Пора создать (на базе КЭБа) при Министерстве автомобильной промышленности единую проблемную лабораторию по внедрению велосомобиля. Именно такого центра, способного координировать усилия различных предприятий и организаций с расчетом на перспективу, нам не хватает.

Было интересно наблюдать, как в здании дирекции ЦПКиО собирались на очередное заседание члены клуба. Велосомобили многие просто принесли с собой. Именно принесли, в небольших саквояжах. Понадобилось не больше десяти минут, и на полу комнаты на суд знатоков каждый изобретатель представил свою модель — в сборе. Может быть, именно они первыми появятся на улицах наших городов, в пригородных зонах в серийном варианте: яркие, красочные, полезные для водителя и пассажиров и абсолютно безвредные для окружающей среды!

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Художник, автор картины «Ленин в Смольном». 7. Советский поэт, автор песни «По долинам и по взгорьям...» 10. Единица длины стиха. 11. Итальянский скрипач, композитор, музыкальный теоретик XVIII века. 12. Город в Литве. 13. Небольшой плод кустарников, трав. 14. Песня композитора А. Г. Новикова. 17. Союзная советская республика. 19. Орден СССР. 20. Спутник Урана. 24. Правовое положение гражданина, юридического лица. 26. Советский атомный ледокол. 28. Переходящий спортивный приз. 30. Инициатор движения женщин-узбечек за освоение хлопкоборочной техники, дважды Герой Социалистического Труда. 31. Маршал Советского Союза. 32. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза. 33. Произведение из автобиографической трилогии Ф. В. Гладкова. 34. Актер Театра сатиры и Малого театра, народный артист СССР.

По вертикали: 1. Народная песня и танец в Белоруссии и Польше. 2. Делегация, посылаемая с определенным поручением в другую страну. 3. Приток Волги. 4. Герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 6. Спортивная яхта олимпийского класса. 8. Причина, движущая сила определенного процесса, явления. 9. Поэма В. В. Маяковского. 15. Вид гравюры. 16. Нидерландский кинорежиссер-документалист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 17. Советский композитор, автор «Гимна великому городу». 18. Английский писатель, классик научно-фантастической литературы. 21. Зачинатель массового движения новаторов производства, Герой Социалистического Труда. 22. Животное или растение, выведенное в результате скрещивания разных пород, сортов, видов. 23. Прибор, используемый в авиопилотах. 25. Хребет в Забайкалье. 27. Город в Латвии. 28. Физик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 29. Герой гражданской войны, один из командиров похода Таманской армии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 3. Бандура. 5. Предлог. 7. Карбюратор. 9. Затон. 10. Катет. 11. Языков. 13. Анис. 14. Изар. 15. Офицер. 16. Дымов. 17. Осмий. 19. Лаклан. 21. Овал. 22. Туба. 23. Ватман. 26. Минск. 28. Гичка. 29. Композиция. 30. Альтаир. 31. Нервюра.

По вертикали: 1. Шуман. 2. Ленок. 3. Брузжак. 4. Арбуз. 5. Плато. 6. Густера. 7. Комсомольск. 8. Радиометрия. 11. Яковлев. 12. Воронин. 18. Формула. 20. Казарка. 24. Ампер. 25. «Арион». 27. Колас. 28. Гидра.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

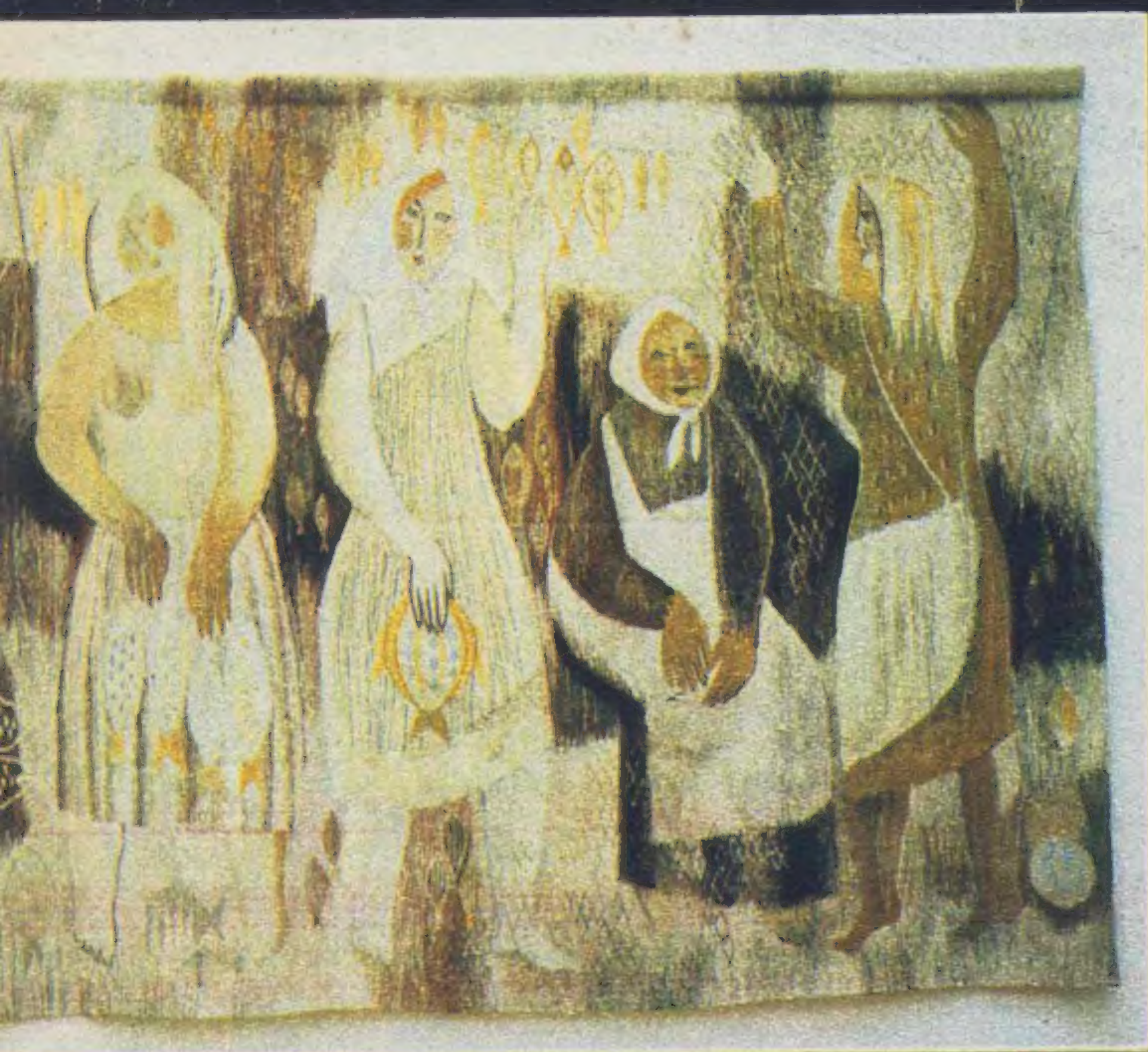

На выставке латышского гобелена, прошедшей не так давно в Центральном доме художника, были представлены три поколения мастеров. Разные и по стилистике и по технике исполнения, эти работы образовали как бы гигантское полотно, на котором быстро менялись образы и ситуации, но суть их была одна: это была жизнь с ее жаждой счастья, трагическими предчувствиями и нежной любовью к земле предков, переданная изумительным изобретением или даром человека — ткачеством.

Зрители, рассматривающие ковры, украдкой от зрителей иногда проводили пальцами по их поверхности, настолько «вкусно» они сделаны из привычных материалов: льна, шерсти, сизаля, лоскутков шелка. Во многих из нас оживает любовь именно к рукотворным вещам, хранящим тепло рук и сердец их создателей.

● Эдите Вигнере. СПЕКТАКЛЬ.

Ирина ЧЕРКОВСКАЯ.

Рудольфс Хеймратс. РЫБАЧКИ.

ЛАТЫШСКИЙ ГОБЕЛЕН

● Мара Звирбуле. ПЛОДОРОДИЕ.

● Эгилс Розенбергс. ПОСВЯЩЕНИЕ.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663